

Витебский филиал Учреждения образования
Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет “МИТСО”»

**ЛИНГВИСТИКА В ДИАЛОГЕ
С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ ЗНАНИЙ:
ЮРИСЛИНГВИСТИКА
И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Сборник научных статей

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2022*

УДК 81:008:81'27:81'42(062)
ББК 81я43+81.006.3я43
Л59

Печатается по решению научно-методического совета Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”» (протокол № 7 от 30 марта 2022 г.).

Редакционная коллегия:

В.А. Маслова (гл. ред.), **А.Л. Дединкин** (зам. гл. ред.),
А.А. Лавицкий (техн. ред.), **У.М. Бахтикиреева**, **В.И. Коваль**,
Е.А. Красина, **Е.Ю. Муратова**, **М.А. Осадчий**, **М.В. Пименова**,
Т.В. Поплавская, **В.Д. Стариченок**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *И.В. Бугаева* (РГУ имени А.Н. Косыгина);
доктор филологических наук, профессор *И.П. Зайцева* (ВГУ имени П.М. Машерова);
доктор филологических наук, доцент *Е.Е. Иванов* (МГУ имени А.А. Кулешова);
доктор филологических наук, профессор *Н.В. Чайка* (БГПУ имени Максима Танка);
кандидат филологических наук, доцент *О.В. Данич* (Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь)

**Л59 Лингвистика в диалоге с другими областями знаний: юрислингвистика и дискурсивная лингвистика, коммуникативная лингвистика и лингвокультурология : сборник научных статей / ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”» ; редкол.: В.А. Маслова (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – 184 с.
ISBN 978-985-517-893-5.**

В сборник включены статьи по актуальным направлениям современной лингвистики. Издание состоит из пяти тематических разделов, каждый из которых имеет собственное проблемное поле: полилингвальность и языковое образование, теория текста и дискурса, лингвокультурология, когнитивная и коммуникативная лингвистика, правовая лингвистика и лингвистическая экспертиза текста, лексикология и лексикография.

Адресуется широкому кругу исследователей-лингвистов, а также магистрантам и аспирантам, обучающимся по филологическому профилю.

Ответственность за уровень оригинальности статей несут авторы.

УДК 81:008:81'27:81'42(062)
ББК 81я43+81.006.3я43

ISBN 978-985-517-893-5

© ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», 2022
© Оформление. ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

БИ- И ТРАНСЛИНГВИЗМ И ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Бахтикиреева У.М.</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О БИЛИНГВИЗМЕ И ТРАНСЪЯЗЫЧИИ	6
<i>Ковалева А.В.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА УЧЕНИКАМИ-КИРГИЗАМИ	12
<i>Данич О.В.</i> МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	18
<i>Доган М.Г.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ПАРЕМИЙ С БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКОЙ	23
<i>Пасютин Ю.Н.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	26
<i>Шовкович Е.Г.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ УЧЕБНОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ	31
<i>Лазуркин А.А.</i> ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ И ВУЗОВСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	36
<i>Дубоўская Т.А.</i> АСЭНСАВАННЕ ВЕРЛІБРАВАЙ ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА ТАНКА Ў АЙЧЫННЫМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ	40
<i>Васюкович Л.С.</i> ШКОЛЬНЫ ПАДРУЧНИК ПА МОВЕ ЯК АДЗІНЫ ТЭКСТ	44
<i>Лавицкая Е.Б.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ vs СТРАНОВЕДЕНИЕ vs ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	50

ТЕОРИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА. СЕМАНТИКА

<i>Красина Е.А.</i> ИНТРА- И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА	54
<i>Чайка Н.У.</i> ТЭНДЭНЦЫЯ ДА ІНФАРМАЦЫЙНАГА АКЦЭНТАВАННЯ Ў СІНТАКСІЧНАЙ СІСТЭМЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ	57
<i>Воронов М.В., Зотов Д.Р.</i> О РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА ФОРМАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ	62
<i>Мусіенка В.А.</i> ГРУПА ДЗЕЯСЛОВАЎ ДРУГАСНАЙ НАМІНАЦЫІ СА ЗНАЧЭННЕМ “РАЗУМЕННЕ” Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ	66
<i>Якубович М.С., Манкевич Ж.Б.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ИРОНИЧЕСКОГО СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ	73
<i>Цеханович И.Г.</i> ЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ)	77

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Маслова В.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ	84
<i>Кудреватых И.П.</i> МОДАЛЬНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ю. НАГИБИНА «ПЕРЕУЛКИ МОЕГО ДЕТСТВА»)	88

<i>Зайцева И.П.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ	92
<i>Крицкая Н.В.</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В «РУССКИХ» ПОЭМАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ	99
<i>Мужейко И.А.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ НА ПРИМЕРЕ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ	103
<i>Грак К.А.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	107
<i>Жиганова Е.П.</i> КАТЕГОРИЯ МОРТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ	111
<i>Ильичева И.Л.</i> СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «1000-ЛЕТИЕ БРЕСТА» В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТЧИНЫ	115
<i>Дружина Н.Л.</i> ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «СЕМЬЯ» В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	119
<i>Пивавар К.С.</i> АСВЕТА Ё БЕЛАРУСКАЙ ЭТЫЧНАЙ КАНЦЭПТАСФЕРЫ	123

ПРАВОВАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА

<i>Дединкин А.Л.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА	128
<i>Полянина А.К.</i> ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ	133
<i>Лавицкий А.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА ...	137
<i>Федорова И.В.</i> РЕЧЕВОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПОКУШЕНИЯ НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ	143
<i>Кусаева Е.Э., Лавицкий А.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКРУТИНГ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА	146

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

<i>Стариченок В.Д.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ГЛАГОЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА	150
<i>Королева И.А.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ МЕСТНЫХ ГОВОРОВ	156
<i>Коваль В.И.</i> МАСКОФИЛЫ, КОВИГИСТЫ, ПОДНОСНИКИ: ОЦЕНОЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»	159
<i>Иванова Т.П., Юран В.П.</i> ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БССР ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА И ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	164
<i>Бувич А.А.</i> КОВИД-НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	169
<i>Рогова Ю.В.</i> ЭКСПЛИКАЦИЯ АБЪЮЗИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	174
<i>Жук В.І.</i> СПЕЦЫФИКА АЛЬФАКТОРНЫХ НАМІНАЦЫЙ У АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ АДЗНАК)	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наш век всеобщей разбросанности знаний по отдельным отраслям важно понимать, что не просто возможно, но и необходимо построение целостных систем (В. Вернадский, В.В. Налимов, В.И. Постовалова и др.). С этой проблемой столкнулась и лингвистика, потому что концепция языка как системы знаков теоретически недостаточна, ибо не объясняет того, что знак не существует сам по себе, вне коммуникативного или когнитивного процессов. Многие факты языка нельзя понять вне культуры.

Начиная с конца прошлого столетия, в рамках антропоцентрической парадигмы сформировались и активно развиваются не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, юрислингвистики, проблемы теории и практики межкультурной коммуникации, этнопсихоллингвистика, социальная психология, герменевтика и др. Антропоцентрическая парадигма оказалась тем зонтиком, который собрал под собой множество дисциплин, так или иначе связанных с восприятием, преобразованием и воздействием информации с использованием языка. Как сказал величайший мыслитель прошлого века Ханс Георг Гадамер: «Язык – это среда, в которой объединяются «Я» и мир». Поэтому сейчас лингвистикой рассматриваются процессы, связанные с познавательной деятельностью человека и его поведением, мировосприятием и миропониманием сквозь призму языка.

Для современной лингвистики характерен процесс сближения языка – семиотической системы – с самим человеком, который использует эту систему в своих интересах. Отсюда взаимодействие лингвистики с другими науками, близкими человеку и его языку.

В данном сборнике статей показано, что лингвистика должна быть междисциплинарной, интердисциплинарной, интегративной, потому что появившиеся в мире проблемы можно решить только совместными усилиями представителей ряда наук. Что дадут такие исследования лингвистике? С их помощью могут быть получены новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, психики, поведения, имеющих отношение к бессознательному, о влиянии на них языка. Кроме того, полученные интегративные знания могут вскрыть некаузальные отношения в мире, обнаружить более глубокие законы бытия.

Сборник статей содержит пять разделов, каждый из которых посвящен диалогу лингвистики с другими областями знаний.

БИ- И ТРАНСЛИНГВИЗМ И ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 81-119'3

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БИЛИНГВИЗМЕ И ТРАНСЪЯЗЫЧИИ

У.М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов

Проблемное поле билингвизма как массового, так и индивидуального остается одним из актуальнейших научных дискурсов современной науки. Переход человеческого сообщества в информационный период развития выдвигает новые вопросы перед исследователями – представителями разных областей знания, специализирующимися в данной проблематике. В работах ученых дальнего зарубежья все больше внимания уделяется вопросам транскulturации и транслингвизма, которые далеко не всегда воспринимаются исследователями из постсоветских стран. Как представляется, некоторая инерционная заданность устоявшихся тезисов о равноправии языков, возможности их паритетного развития и владения «двумя родными языками» продолжают свое «триумфальное шествие». Основная цель настоящей статьи – подвергнуть осмыслению причины, обуславливающие невозможность симметричного, равновесного билингвизма и затронуть некоторые особенности транслингвизма.

Ключевые слова: билингвизм, транслингвизм, транскulturация, определения билингвизма, типология билингвизма.

BI- & TRANSLINGUALISM: IS AN EQUILIBRIUM BILINGUALISM POSSIBLE?

U.M. Bakhtikireeva

RUDN University

The problematic field of bilingualism, both mass and individual, remains one of the most relevant scientific discourses of modern science. The transition of the human community to the informational period of development raises new questions for researchers – representatives of different fields of modern science, specializing in this issue. In the works of scientists from far abroad, more attention is paid to the issues of transculturation and translanguaging, which are not always perceived by researchers from post-Soviet countries. It seems that some inertial predetermination of the established theses about the equality of languages, the possibility of their parity development and the possession of “two native languages” continue their “triumphant procession”. The main purpose of this article is to comprehend the reasons for the impossibility of symmetrical, balanced bilingualism.

Key words: bilingualism, translanguaging, transculturation, definitions of bilingualism, typology of bilingualism

Осмысление проблемного поля би и транслингвизма с позиций узконаправленных координат одной отдельно взятой отрасли знания, в том числе с лингвистических позиций, становится все более научно не рациональным. Причина кроется в актуализации, экзистенциальной значимости этой проблематики как для специалистов, так и для «природных лингвистов» (отсюда ещё более понятным представляется антропоцентрический поворот в науке). Головоломки, выдвигаемые этим важным явлением, не получают однозначного ответа с позиций одной отдельно взятой науки.

Любой дву(много)язычный индивид в большей или меньшей степени размышляет и осознает доминирование одного языка над другим(и) в разных обстоятельствах. То есть, языковой репертуар би(поли)лингва¹ не может гарантировать всем наличествующим в нем языкам равные возможности, поэтому оценки типа: «он владеет всеми языками в совершенстве» является преувеличением, особенно при учете сфер использования того или иного языка и степенью владения нормами языка на всех уровнях от фонетического до стилистического. Часто задаваемый при социолингвистическом опросе вопрос: «На каком языке ты думаешь?» особенно непрофессионально выглядит, когда его задает лингвист (хотя в системной лингвистике положение о том, что язык не есть инструмент мышления, на языке не думают, но пользуются этим коммуникативным механизмом, уже давно признано). Задавая этот вопрос, вопрошающий исследователь, по сути, желает выяснить какой язык из лингвистического репертуара конкретного би(поли)лингва является доминирующим в его речевой культуре либо в каких сферах использования языка и на каких уровнях языковой системы доминирует тот или иной язык.

Беспокойство, размышления би(поли)лингва о конфликте между этнической и языковыми идентичностями постоянно сопровождают человека разумного, потому что этот конфликт входит в набор личностно значимых и не нашедших в настоящее время удовлетворяющих ответов. (Речь не идет об индивидах, не утруждающих себя гамлетовскими вопросами). Особенно это проявляется на рубеже смены эпох. Последнее и наиболее яркое историко-социальное событие – распад СССР обусловил лавинообразный поток исследований, направленных на осмысление этнической и языковой идентичностей, как важнейших критериев характеристик конкретного народа. В постсоветских странах выдвижение языков титульных народов в статус государственных сопровождалось множественными внутренними (и нередко внешними) конфликтами между этнической принадлежностью и знанием этнического языка в жизни отдельного человека. Не будет преувеличением сказать о том, что довольно большое количество русскоязычных, но этнически нерусских индивидов испытывали конфликт между этими двумя важными идентичностями. Это характерно было и Белоруссии и Казахстану, Грузии и Азербайджану, Украине и Киргизии. Вспомним хотя бы бытующую по сию пору своеобразную дихотомию этнических казахов, долгое время дискутирующих в научном и бытийном дискурсах об «асфальтных» и «аульных» казахах. (В этой статье подробнее будет излагаться казахстанский опыт, как некий паттерн, который присущ большинству постсоветских социумов, разница лишь в онтологии конкретных практик в конкретных постсоветских локалах).

Спустя практически три десятилетия мы приходим к выводу о том, что у многих билингвальных личностей, преодолевших ситуацию «маргинальности», при доминировании русского языка четко обозначилось «сознание этнической принадлежности и национальное самосознание». Личность «с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределённость маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей» [1, с. 108–109].

¹ Целесообразнее пользоваться термином БИЛИНГВ при описании языковой личности, владеющей двумя и более языками. Как пишут авторитетные ученые: «Полилингвизм или многоязычие в принципе сводится к совокупности двуязычий. Несмешанный билингвизм свойственен языковым контактам, осуществляющимся в условиях высокого уровня образования и культуры». См.: Б.А. Серебrenников. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения 12.03.2022).

Можно определенно говорить о том, что доминирование русского языка в речевой культуре этнически нерусских билингвов с личностной мировоззренческой позицией остается важнейшим инструментом деятельностного бытования. Ярким примером тому служат белорусские русскоязычные писатели: Василь В. Быков, Светлана А. Алексеевич и мн. др., казахские русскоязычные поэты и писатели, общественные и государственные деятели: Олжас О. Сулейменов, Мурат М. Ауэзов, Бахыт Г. Каирбеков, Ауэхан А. Кодар, Ролан Сейсембаев, Аслан Ж. Жаксылыков и др.,

В статье Б.Г. Каирбекова «Два могучих крыла Пегаса» – русскоязычного поэта и переводчика с казахского на русский язык, в том числе дан ответ на вопрос, почему, владея этническим языком, он не создает свои произведения на казахском. «Потому, что знать язык и творить на нем – это разные вещи. Творить – означает не только совершенное знание языка, но обогащение его новыми образами с использованием всей палитры литературного языка. В моем случае я могу ‘мыслить’ и писать на русском языке, ибо я воспитан на образной системе русской культуры и изначально впитываю казахскую образную систему через призму русского и европейского восприятия мира. И когда мои стихи переводят на казахский язык, то отмечают именно их ‘русскость’, как препятствие при переводе образной речи на казахскую почву» [2, с. 78].

Как писал другой русскоязычный поэт, ученый культуролог и переводчик с казахского на русский А.А. Кодар, двуязычие, которое характерно для его страны, не разделяет, а сплачивает казахов, одних по принципу избытка, других – по недостатку. По языку, считает он, казахи – двухкомпонентная нация, в одной части которой преобладает казахский язык, а в другой – русский. Из этого обстоятельства проистекает диффузность национального самосознания. Если у носителей казахского языка оно более определенное, даже нетерпимо агрессивное, то для русскоязычной части казахов – национальные приоритеты не главное. Главное – не отстать от времени, услышать «зов бытия». Однако, по А. Кодару, в данном вопросе не все так просто. «*Ибо иноязычие не может перебить голоса крови.* И как бы не обвиняли их в манкуртизме, наши маргиналы – те же казахи, получившие русское образование. Это городские казахи в большинстве своем дети известных патриотов казахского языка, не сумевших, к сожалению, привить его своему потомству. Однако за исключением языка – это такие же казахи, как и их родители, иногда даже еще более патриотичные, поскольку не хотят быть полукровками без роду и племени, изгоями в собственной стране» [3, с. 5–6].

Именно, в казахах-маргиналах, по мнению А. Кодара, казахстанское общество имеет редкую возможность быть открытым миру и вести с ним диалог на равных. Казахы – носителей языка А. Кодар называет *казахами-эмпириками*, поскольку постижение действительности, мира им доступно лишь интуитивно, на уровне условных рефлексов «свой – чужой» и «я прав, потому что я всегда прав». В них он видит голую ментальную массу, не утруждающую себя даже тем, чтобы обосновать свое право на превосходство. Это народ, продолжающий свое *бытие-в-мифе*, добровольно отказываясь от *бытия-в-мире*, поскольку все неказахское воспринимается ими как что-то чуждое и одиозное, опасное для их локального существования. *Казахи-маргиналы*, с точки зрения А. Кодара, в отличие от эмпириков, наиболее приспособлены существовать и в модусе прошлого, и в модусах настоящего и будущего, чье пограничное, медиумное состояние помогает им отличить миф от реальности и культивировать только то, что способно к реальной репрезентации. Они предпочитают «бытию-в-мифе» «бытие-в-мире», поскольку по своему образованию и воспитанию принадлежат не к этническому, а к гуманитарному дискурсу [3, с. 6].

По А. Кодару, в современном мире выживает та нация, которая способна адаптироваться к любой ситуации. В национальном не нужно ставить акцент на культивиро-

вание прошлого, необходимо культивировать способность адекватно реагировать на настоящее и только с позиции настоящего осмысливать прошлое [4].

Проблемное поле би(поли)лингвизма настолько широко, что едва ли возможным представляется знать все направления и аспекты, изучаемые как лингвистами и психологами, так и нейро- и психолингвистами, философами и социологами, биологами и физиками и др. Последние три десятилетия исследователей волнуют вопросы коллективного и индивидуального (творческого / литературного) би- и транслингвизма, асимметрии мозга при би(поли)лингвизме, различия латерализации у монолингвальных и полиязычных индивидов; конфликт между этнической и языковой идентичностью, стратегии использования второго (третьего) языка в речевой культуре многоязычника, определения билингвизма и его типология и многие другие.

Большое количество определений билингвизма сформулированных с позиций разных дисциплин, в частности – межкультурной коммуникации [5] свидетельствуют о разности подходов к пониманию этого исторически континуумного феномена. Социолингвистов привлекает экстенсивный аспект, психолингвистов интересуют уровни интенсивности двуязычия, степень владения языками и особенности их взаимодействия, лингводидактов волнуют и те, и другие аспекты, и т.д. По всей видимости, предполагать, что в ближайшем времени возможно сформулировать одну, удовлетворяющую всех дефиницию, – утопия, поскольку многообразие характеристик и параметров измерения билингвизма зависят от целей и задач конкретного исследователя, от особенностей билингвальной личности. Поиски приемлемого для конкретного исследования определения приводят к выявлению большого их числа. Только в одном «Словаре терминов межкультурной коммуникации» мы обнаружили 66 разных дефиниций [6]). И это далеко не окончательный список.

В силу становления, развития мировоззрения индивидуума, миграционных процессов и ряда других причин в языковом репертуаре человека происходят сдвиг(и) в пользу того или иного языка; его языковой багаж пополняется новым языком, отвечающим насущным потребностям здесь и сегодня. При этом другой язык(и) может уходить в пассив, потому что процесс *языковых аттриций* работает неустанно – это постоянная работа мозга. Многие слова, не задействованные в разговорно-бытовой речи, забываются. Ведь, только частотность использования в речи той или иной лексической единицы может заложить его в долговременную память. Человеческий мозг «стирает» не актуальную, не релевантную сегодняшним обстоятельствам информацию, чтобы высвободить место для другой. В пользу этого вывода достаточно веским аргументом, с моей точки зрения, служит творчество русскоязычных писателей (см. например: повесть абхазца Фазиля Искандера «Пшпада», рассказ якута «Память крови» Александра Егорова и др.). Для понимания континуумного развития человека, а значит неравновесного состояния языков в речевой культуре би(поли)лингва, доминирования одного из языков в разные периоды жизни большое значение имеет работа Вяч. Вс. Иванова [7, главы 11–12], П. Хорнби (P. Hornby) [8] и др.

Итак, желание исследователей выбрать самый оптимальный вариант определения билингвизма не всегда удовлетворяется в силу объекта и предмета изучения, целей и задач исследования. В одном случае известные определения (полное двуязычие, амбилингвизм, сбалансированный, симметричный билингвизм, эквилингвизм, эритажный, асимметричный, неравновесный, не сбалансированный билингвизм, семилингвизм и др.) могут вполне стать терминами для проведения исследования, в других – с большой натяжкой.

Авторитетный и глубокий ученый А.А. Залевская, обсуждая проблему терминов творчества («методология», «концепт», «лексикон»), заметила следующее: «Значение термина может размываться до фактической омонимии, а это противоречит самой сути термина и требует особого внимания к тем категориальным полям, в которые (со всеми

вытекающими отсюда следствиями) могут входить неоднозначные термины» [9, с. 12]. Соглашаясь со справедливостью и аргументированностью позиции ученого в отношении вынесенных ею для обсуждения терминов, хотелось бы подчеркнуть, что в отношении поисков универсального определения билингвизма этот вывод не столь актуален. Каждый человек – отдельная языковая личность, каждый микросоциум только при определенной цели можно рассматривать как раз и навсегда заданное целое, если вопрос касается лингвистических параметров измерения того или иного сообщества (этноса, этнической группы) [10]. Как представляется, при изучении вопросов, связанных с языковыми способностями и языковыми предпочтениями той или иной микро-, макро-группы, прежде всего, важно разграничивать 1) *сферы использования языка* и 2) *уровни владения языком*, 3) *возраст усвоения языка*. И только в случае четкого понимания этих важнейших сфер исследователь может сформулировать собственное определение билингвизма применительно к предмету своего изучения. К этому выводу нас подводит собственный опыт би(поли)язычия.

Относя себя к русскоязычному населению РФ, одновременно являясь т.н. «диаспорной казашкой», родившейся и живущей в России, воспитанной преимущественно в русском языковом и советском культурном континууме, как многие нерусские россияне, в 90-ые годы тоже испытывала дисбаланс в силу субординативной по отношению к русскому языку позиции этнического языка. Осмысление собственного бытования, размышления о собственном мировоззрении, сформированном в советском социуме подвели меня к выводу о важности тезиса М.М. Ауэзова, обозначенного выше. Моя «маргинальная ситуация» выводит меня к российскому национальному и этническому казахскому самосознанию одновременно. Преодоление собственной двойственной неопределённости маргинальности произошло, поскольку пришло глубокое понимание, что на русском языке возможно сделать для этнического языка и культуры гораздо больше, чем можно было осуществить на уровне знания только этнического языка. Процесс осознания сопровождался тем процессом, о котором пишет М.М. Ауэзов. Казахский язык (материнский, этнический) на самом деле стал объектом для сравнительных с русским языком исследований.

С другой стороны, стало отчетливо понятно, что доминировать в сознании может один язык. Использовать два (и три, и больше) языка в равной степени невозможно априори, если мы говорим о сферах использования языка (от разговорно-обиходного до научного стиля речи, включая язык нормативно-законодательных документов) и степенью владения всеми уровнями языка (от фонетического до стилистического). В речевой культуре билингва два языка не могут быть равновесными, чаще наблюдается ди(поли)глоссно-би(поли)лингвальное соотношение, когда один доминирующий, так сказать мировоззренческий, а другой, третий – менее активные в силу их использования не на всех уровнях и не во всех сферах.

По всей видимости, понимание учеными невозможности паритетного, равнозначного, равновесного двуязычия привел к контекст-площадке² о транслингвизме / трансязычии (translanguaging), как свойстве определяющем языковую практику би(поли)лингвальных индивидов. Известный российский ученый З.Г. Прошина, размышляя о транслингвизме, отмечает, что в зарубежной лингвистической науке набирает популярность транслингвальный подход в исследовании языка, внимание акцентируется на языке как практике, т.е. деятельности, а не как на системе [11]. Согласимся, транслингвизм от билингвизма отличается ярко выраженным деятельностным и речевореческим характером в силу использования всех языковых ресурсов. Транслингвальная речевая культура в таком случае представляет собой новую, творческую, транс-

² Контекст – спор, полемика, дискуссия.

формирующую и интегрирующую языковую практику, по мнению ряда ученых дальнего зарубежья (напр. Суреш Канагараджа и др.). По их мнению, в многоязычных сценариях овладение языком для обмена не так актуально, как достижение эффективного общения с помощью стратегий, которые выходят за рамки коммуникативной компетенции в любой сфере [11]. Однако диалектически, как мы понимаем, плюс на одном конце непременно сопровождается минусом на другом. Увлечение идеей *транслингвизма как коммуникативной компетенции угрожает, прежде всего, доминирующему языку – стержню языковой личности*. Вместе с тем, рассмотрение транслингвизма как одной из значимой разновидности русско-инонационального, как правило, ассиметричного билингвизма представляется перспективным направлением, расширяющим проблемное поле теории языковых контактов и билингвизма. Насколько постсоветские, в частности – русскоязычные исследователи готовы подвергнуть осмыслению и описанию процессы нативизации (в нашем случае русского языка), ди(поли)гlossные-би(поли)лингвальные соотношения в речевой культуре би- и транслингвов покажет ближайшее время. На сегодняшний день очевидно, Новый Вавилон невозможен, пока в человеческом сообществе есть причины и условия для формирования би(поли)лингвов. Нам остается изучать его и работать с ним.

Список источников:

1. Ауэзов, М. М. Иппокрена / М. М. Ауэзов. – Алматы : Издательский дом Жибек жолы, 1997. – 170 с.
2. Каирбеков, Б. Г. Два могучих крыла Пегаса / Б. Г. Каирбеков // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы: сб. ст. I Междунар. науч.-метод. конф., 1–3 нояб. 2008 г. / РУДН. – М. : РУДН, 2008. – С. 78–84.
3. Бахтикиреева, У. М. Миры Ауэзхана Кодара. Предисловие к книге А. Кодара «Зов бытия» / У. М. Бахтикиреева // Зов бытия / А. Кодар. – Алматы : Изд. дом «Таймас», 2006. – С. 3–26.
4. Кодар, А. А. Истоки Степного Знания (опыт философии казахской истории) // Зов бытия / А. Кодар. – Алматы : Изд. дом «Таймас», 2006. – 528 с.
5. Жукова, И. Н., Лебедько, М. Г., Прошина, З. Г., Юзефович, Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под. ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М. : Флинта :Наука, 2013. – 632 с.
6. Бахтикиреева, У. М. Межкультурная коммуникация в алфавитном порядке. Рецензия на Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с. / У. М. Бахтикиреева // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2014. – № 6. – С.105–111.
7. Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / В. В. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
8. Hornby, P. Bilingualism : Psychological, Social, and Educational Implications / P. Hornby. – St. Louis : Academic Pr, 1977. –167 p.
9. Залевская, А. А. Методология, технология и терминология : о неоднозначности научных терминов / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С.12–27.
10. Бахтикиреева, У. М. Проект : Современные тенденции билингвального образования в России и мире : вместо послесловия / У. М. Бахтикиреева // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. – 2016. – № 5. – С. 366–374.
11. Прошина, З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение / З. Г. Прошина // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 155–170.

References:

1. Aujezov, M. M. (1997). Ippokrena [Ippokrena]. – Almaty: Izdatel'skij dom Zhibek zholy. (In Russ.).
2. Kairbekov, B. G. (2008). Dva moguchih kryla Pegasa [Two mighty wings of Pegasus]. In Sbornik statey I Mezhdunarod. nauch.-metodich. konf. «Sostojanie i perspektivy metodiki prepodavanija russkogo jazyka i literatury», 1–3 nojabrja 2008 g. [Collection of Art. I International. scientific-methodical. conf. “The state and prospects of the methods of teaching the Russian language and literature”, November 1–3, 2008] (pp. 78–84). – Moscow: RUDN University. (In Russ.).
3. Bahtikireeva, U. M. (2006). Miry Auezhana Kodara. Predislovie k knige A. Kodara «Zov bytija» [Mira Auezhan Kodar. Preface to the book by A. Kodar “The Call of Being”]. In Kodar, A. Zov bytija [Kodar, A. Call of Being] (pp. 3–26). – Almaty: Izd. dom «Tajmas». (In Russ.).
4. Kodar, A. A. (2006). Istoki Stepnogo Znaniya (opyt filosofii kazahskoj istorii) [Sources of the Steppe Knowledge (the experience of the philosophy of Kazakh history)]. In Kodar, A. Zov bytija [Kodar, A. Call of Being] (pp. 3–26). – Almaty: Izd. dom «Tajmas». (In Russ.).
5. Zhukova, I. N., Lebed'ko, M. G., Proshina, Z. G., Juzefovich, N. G. (2013). Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii [Dictionary of terms of intercultural communication]. Ed. M.G. Lebed'ko and Z.G. Proshinoy. – Moscow: Flinta:Nauka. (In Russ.).
6. Bahtikireeva, U. M. (2014). Mezhkul'turnaja kommunikacija v alfavitnom porjadke. Recenzija na Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii. – M.: Flinta: Nauka, 2013. – 632 s. [Intercultural communication in alphabetical order. Review of the Dictionary of Intercultural Communication Terms. – M.: Flinta: Nauka, 2013. – 632 p.]. Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshej shkoly). 6, 105–111. (In Russ.).
7. Ivanov, V.V. (2004). Lingvistika tret'ego tysjacheletija: voprosy k budushhemu [Linguistics of the third millennium: questions for the future]. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
8. Hornby, P. (1977). Bilingualism: Psychological, Social, and Educational Implications St. Louis: Academic Pr, 1977. (In Eng.).
9. Zalevskaia, A. A. (2014). Metodologija, tehnologija i terminologija: o neodnoznachnosti nauchnyh terminov [Methodology, technology and terminology: about the ambiguity of scientific terms]. Voprosy psiholingvistiki. 2 (20), 12–27. (In Russ.).
10. Bahtikireeva, U. M. (2016). Proekt: Sovremennye tendencii bilingval'nogo obrazovanija v Rossii i mire: vmesto posleslovija [Project: Modern trends in bilingual education in Russia and the world: instead of an afterword]. Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost', 5, 366–374. (In Russ.).
11. Proshina, Z. G. (2017). Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its applied value]. Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovanija : jazyki i special'nost', 14, 2, 155–170. (In Russ.).

УДК 81-119

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ
РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА УЧЕНИКАМИ-КИРГИЗАМИ**

А.В. Ковалева

Российский университет дружбы народов

Статья представляет собой исследование в области лингвокультурологии и методики преподавания русской литературы в национальной (киргизской школе). В центре внимания находится проблема восприятия художественного текста и его культурно-национальных аспектов киргизскими учащимися в процессе изучения русской литературы. Актуальность исследования определяется тем, что исследование проблем вос-

приятия учениками-киргизами русского художественного текста обнаруживает межкультурные связи, которые формируются и скрепляются именно в момент вхождения учениками-киргизами в поле русской культуры через художественное произведение. В связи с этим в работе рассматриваются причины и факторы, влияющие на процесс восприятия, принятия и осознания реалий русской культуры в художественном тексте. основополагающими теоретическими понятиями данного исследования являются понятия менталитета и языковой картины мира, рассматриваемые в рамках двух культур: киргизской и русской.

Ключевые слова: русская культура; языковая картина мира; киргизская культура; менталитет; художественный текст.

LINGUOCULTUROLOGICAL FEATURES PERCEPTIONS OF THE RUSSIAN ARTISTIC TEXT KYRGYZ STUDENTS

A.V. Kovaleva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

The article is a study in the field of linguoculturology and methods of teaching Russian literature in the national (Kyrgyz) school. The focus is on the problem of perception of a literary text and its cultural and national aspects by Kyrgyz students in the process of studying Russian literature. The relevance of the study is determined by the fact that the study of the problems of perception of the Russian literary text by Kyrgyz students reveals intercultural ties that are formed and strengthened precisely at the moment Kyrgyz students enter the field of Russian culture through a work of art. In this regard, the paper examines the causes and factors that influence the process of perception, acceptance and awareness of the realities of Russian culture in a literary text. The fundamental theoretical concepts of this study are the concepts of mentality and the linguistic picture of the world, considered within the framework of two cultures: Kyrgyz and Russian.

Key words: Russian culture; language picture of the world; Kyrgyz culture; mentality; artistic text.

Эстетическое восприятие художественного произведения является сложным и многогранным процессом, зависящим от многих факторов. К ним можно отнести уровень образования и культуры человека, его читательский опыт, систему морально-нравственных ценностей, интеллектуальные и психические возможности и т.д. Работа всех названных факторов обеспечивает восприятие и понимание художественного произведения читателем, и особенно важно, что степень осознанности прочитанного зависит от того, насколько развиты эти факторы. Художественный текст – это «сад расходящихся тропок». В зависимости от воспринимающего сознания адресата его интерпретация может привести к самым неожиданным результатам – от открытия иносказательной природы текста до осмысления «смерти автора», когда уже сам читатель становится со-творцом произведения и по-своему моделирует его ключевые смыслы. Работа над художественным произведением в любой аудитории является сложным процессом, т.к. важным является не только знание текста учениками, но и понимание его нравственно-этической составляющей. Работа с текстом, особенно с текстом художественной литературы, предполагает наличие у человека определенных умений и навыков, позволяющих воспринять, осознать и усвоить содержание прочитанного. Для учеников-киргизов эта работа усложняется тем, что они имеют дело с инокультурным текстом. В связи с этим возникает проблемный вопрос: каким образом школьники (представители киргизской культуры) воспринимают и усваивают художественный текст, созданный в поле русской литературы? Следует подчеркнуть, что русская литература – это особым образом организованная база данных, строящаяся на определенных зако-

нах. Войти в художественный текст русской литературы – значит войти в сам «мир русского слова», осознать его ценностное наполнение и ключевые коды языковой картины мира. Актуальность данной работы заключается в том, что исследование проблем восприятия учениками-киргизами реалий русской культуры на материале художественной литературы обнаруживает межкультурные связи, которые формируются и скрепляются именно в момент вхождения учениками-киргизами в русскую культуру посредством художественных произведений. Текст становится «порталом в лингвокультуру». Результатом таких межъязыковых и межкультурных связей является формирование интегрированной (а зачастую и контаминированной) языковой картины мира киргизских учащихся. Кроме того, знание учениками-киргизами особенностей и традиций русского общества в современной ситуации межкультурной интеграции России и Киргизии становится необходимым.

Методика обучения русскому языку в связи с необходимостью реализации межкультурных отношений и выстраивания диалога киргизской и русской культур способствует обогащению концептуально-терминологического аппарата научно-методического направления — этнокультуроведения, целью которого, в частности, является «приобщение киргизских учащихся к культуре русского народа главным образом через средство ее образного языка на основе соотношений между культурами обоих контактирующих народов» [1, с. 25]. Разработкой проблематик этнокультуроведения, важных для данного исследования, занимались такие ученые, как Варич Н.М., Манликова М.Х., Романевич Т.В., Шейман Л.А.

Таким образом, цели и задачи данного исследования состоят в изучении и оценке особенностей восприятия учениками-киргизами реалий русской культуры, отраженной в текстах художественных произведений, а также в выявлении возможных проблем в трактовке и понимании идейно-тематической сферы инокультурного текста.

Рассуждая о проблемах восприятия художественного произведения учениками-киргизами, необходимо отметить, что одной из главных является проблема восприятия, принятия и осознания реалий русской культуры. Когда явление русской культуры не совпадает с национальной языковой картиной мира и менталитетом киргизского учащегося, то возникает угроза неправильной интерпретации идеи литературного текста, которая может привести к непониманию или даже отвержению художественного произведения. Это происходит «вследствие специфических особенностей каждой национальной культуры, своеобразия нравственно-эстетических норм, сложившихся у разных народов, восприятие произведений русских писателей преломляется через призму национальной культуры учащихся и зачастую порождает некоторые смещения, не предусмотренные ни замыслом художника, ни самим материалом произведения» [2, с. 154]. Исследование этноязыковых проблем восприятия учениками-киргизами реалий русской культуры напрямую связано с пониманием национального характера и этнической ментальности киргизского народа. Прежде всего, необходимо отметить, что исторически общество киргизского народа является патриархальным; в нем уважают и ценят старшее поколение, а также сохраняют традиции и обычаи культуры. Таким образом, культурно-языковая трансмиссия в киргизском обществе весьма интенсивна до сих пор.

Работой над изучением особенностей киргизского менталитета занимался академик Т. К. Койчуев. В своем труде «Менталитет киргизов: история и современность» [3, с. 81] он отмечает, что отличительными признаками менталитета данного народа является доброжелательное отношение к другим народам, храбрость и стойкость, отсутствие рационализма и любви к труду, профессиональная несбалансированность (однорядность выбора занятий), серьезное отношение к слову и мудрости, общинность и уважение к общинной собственности, способность к адаптации, к новым условиям и постижению других языков.

Таким образом, перечисленные ментальные особенности составляют особый взгляд народа на окружающую действительность, т.е. формируют его картину мира, которая при помощи средств языка образует языковую картину мира. Как отмечает Тагаев М. Дж., «характер нации – это результат воздействия языка на формирование этнокультурного своеобразия народа» [4, с. 55].

Важной особенностью языковой картины мира, на которую указывает многие исследователи, является то, что она формируется на базе родного (этнического) языка. Все понятия, категории, единицы, существующие в языке народа, репрезентированы в языковой картине мира человека. Именно потому, что источником знаний о мире выступает этнический язык, языковая картина мира не может выйти за его рамки. Человек способен воспринимать и познавать мир только в рамках языковой картины мира, которая при помощи вербализации образов-концептов дает конкретные названия процессам, действиям, явлениям окружающего мира. Если же явление присутствует, но не вербализуется в языке, то и в языковой картине мира оно не отражается, т.е. «языковая картина мира способна отобразить лишь часть «образа мира» [5, с. 43]. Человек же, входя в пространство культуры и языка, сразу начинает усваивать их понятия и категории, формируя при этом индивидуальную языковую картину мира.

Исходя из понимания особенностей языковой картины мира, можно сделать вывод о том, что именно она определяет то, каким образом человек познает мир, усваивает и классифицирует новые знания о нем.

В процессе изучения художественного произведения основополагающим является не только понимание и усвоение информации текста, но и выражение учеником личностного отношения к тому, о чем говорится в произведении. В этой связи именно из-за расхождений в менталитете и языковой картине мира киргизского и русского народов могут возникнуть проблемы с восприятием учениками-киргизами реалий русской культуры в художественном произведении.

При изучении пьесы А.Н. Островского «Гроза» главная героиня – Екатерина – не вызывает сочувствия у киргизских учащихся. Напротив, ее поступки осуждаются. Подобным образом складывается ситуация и с восприятием образа Аксиньи в романе М. Шолохова «Тихий Дон». Связано это с тем, что в данных произведениях показана нетрадиционная трактовка семейных отношений, которая расходится с традиционным представлением киргизских учащихся об отношениях мужчины и женщины. В киргизском обществе место женщины четко определено. Женщина – это, в первую очередь, жена, мать, хранительница очага и домашнего уюта. Она должна терпеть любые трудности и невзгоды, при этом оставаясь всегда преданной и верной своему мужу. Права слова и волеизъявления женщина не имеет. Истоки этого обнаруживаются в традиционном укладе киргизского общества, когда за большой калым девушку могли выдать замуж за незнакомого ей человека. Кроме того, нормой считалось многоженство, при котором женщина также была ограничена в своих правах. Как отмечает Н.Д. Эшмурадова, «женщина в кыргызском обществе с рождения подчинялась главе семье, с замужеством переходила во власть мужа, в большинстве случаев была лишена экономических, политических и гражданских прав, права на собственное имущество, дискриминировалась в вопросе наследования» [6, с. 184]. В современном обществе ситуация изменилась, однако случаи с кражей девушек с целью дальнейшей женитьбы по-прежнему нередки.

Таким образом, у киргизских учащихся при оценке образов героинь названных произведений происходит несоответствие восприятия образа женщины, основанного на культурно-ментальных представлениях, с образом женщины, который представлен в литературном тексте. Если для киргизских учащихся традиционный образ женщины связан с такими характеристиками, как *покорная, молчаливая, кроткая*, то в литературных образах Екатерины и Аксиньи есть смелость, страсть, желание быть счастливой и любимой вопреки традициям, правилам и мнению общества. Однако и в киргизской

литературе есть образ героини, которая смогла пойти против патриархального уклада общества и высказать своим поступком протест ему. Такова героиня повести «Джамиля» Ч. Т. Айтматова – Джамиля.

Рассматривая аспект взаимоотношений мужчины и женщины, необходимо отметить, что для киргизских учащихся не всегда оправдано восхищение женщиной в стихах русских поэтов. В представлении киргизов мужчина соотносится с образом джигита, воина, добытчика и главы семьи, которому должны быть чужды сентиментальные переживания, тем более относительно женщины и любви.

По нашим наблюдениям, частотны случаи, когда киргизские учащиеся не понимают смысл поэтических сравнений образа женщины с образами-символами русской природы: березой («... *“Зелёная прическа / Девическая грудь / О тонкая березка...”*» С. Есенин); вербой («...*“Ходит в юбочке коротенькой / Верба около реки”*...» (Ф. Востриков); сосной («*“На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна / И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим / Одеята, как ризой, она”*...» (М. Ю. Лермонтов). Такая ситуация происходит ввиду того, что в концептосфере киргизской культуры образы-символы дерева мало развиты и не имеют такого важного значения, как в русской культуре. Связано это с происхождением киргизского народа и формированием его национальной языковой картины мира. Исторически киргизы вели кочевой образ жизни, и вся их жизнь протекала в высокогорье, где было много растительности для выпаса скота. В таких природных условиях человека не окружали деревья, и, соответственно, в его эмоционально-чувственную и понятийную сферу не могли входить образы деревьев, которые бы закрепились в культуре как национальные концепты. Однако необходимо отметить, что особое место в киргизской культуре занимает образ тополя, который является символом киргизской земли. В качестве поэтического сравнения с образом девушки образ тополя используется в повести Ч.Т. Айтматова «Тополь мой в красной косынке». Тополь в концептосфере тюрков – особое дерево, наделенное архетипическим содержанием. Это репрезентация Мирового древа, оси мироздания, вертикаль которого пронизывает все миры – от нижнего до горнего. Таким образом, Ч. Айтматов атрибутирует образ своей героини дополнительными семами – женщина священна, она устанавливает цикл «жизнь-смерть-жизнь».

В процессе изучения художественных произведений в средних классах школы особое внимание уделяется воспитанию бережного отношения к животным и приучению ответственности за них. Так, большинство художественных текстов русской литературы про животных повествуют о трудной жизни собаки среди людей: «Муму» И. С. Тургенева, «Белый Бим Чёрное ухо» Г. Троепольского, «Каштанка» А. П. Чехова, «Лев и собачка» Л. Н. Толстого, «Белый пудель» А. Куприна и т. п. Однако при изучении художественных текстов такой тематики в киргизской аудитории возникают трудности с восприятием и пониманием собачьей жизни, а также с выражением сочувствия и сострадания учениками к образу собаки. Связано это с культурными и религиозными представлениями киргизов о собаке.

Таким образом, проведенное исследование выявило лингвокультурологические особенности в восприятии учениками-киргизами реалий русской культуры в некоторых художественных произведениях русских писателей и поэтов. Можно предположить, что источником данных проблем является несоответствие национальной языковой картины мира представителя киргизского этноса и языковой картины мира русского человека (в данном случае автора). Кроме того, трудности у киргизских учащихся в понимании поступков героев, авторского замысла и общей идеи произведения связаны с тем, что киргизский этнос (как и любой другой) обладает уникальным мировоззрением, которое формировала культура народа. Представления народа о мире складываются веками и закрепляются в его языковой и концептуальной картине мира, а также в его менталитете. Исходя из этих накопленных знаний, человек воспринимает действитель-

ность, осознает свое место в мире, оценивает поступки людей. Именно поэтому изучение литературы иной культуры может вызывать некоторые трудности, т. к. в художественном произведении может быть представлена другая модель восприятия мира, человека, общества, человеческих отношений.

В данной ситуации целью методики преподавания литературы (а также целью учителя) является безболезненное введение киргизских учеников в мир художественной литературы русской культуры. В процессе работы над художественным произведением важным становится учет этнокультурных, этнопсихологических, языковых и ментальных факторов, которые могут влиять на степень понимания и осознания художественного текста и его идеи. Учителю необходимо создать такие условия, при которых у ученика при прочтении произведения русской литературы не возникнет внутреннего конфликта, связанного с несоответствием его национально-культурных представлений о морали и нравственности с представлениями в русской культуре.

Таким образом, в условиях современного мира развитие морали и нравственности молодого поколения посредством художественных произведений и приобщения к иной культуре является особо важной задачей, которая стоит перед учителями и преподавателями.

Список источников:

1. Этнокультуроведческий анализ художественного текста : учеб.-метод. пособ. для самост. раб. по дисц. лингвокультуролог. цикла для бакал., аспирант. и магист. / ред.-сост. М. Х. Манликова. – Бишкек : КРСУ, 2014. – 202 с.
2. Манликова, М. Х. Этнопсихолингвистические основы методики преподавания русского языка и литературы / М. Х. Манликова // Вестник КРСУ. – 2017. – № 4. – С. 153–157.
3. Койчуев, Т. К. Избранные сочинения : в 3 томах / Т. К. Койчуев. – Т. 3. – Бишкек : КРСУ, 2007. – 336 с.
4. Тагаев, М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков) / М. Дж. Тагаев. – Бишкек : КРСУ, 2015. – 240 с.
5. Залевская, А. А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 41–47.
6. Эшмурадова, Н. Д. Правовое положение женщин в киргизском традиционном обществе / Н. Д. Эшмурадова // Интерактивная наука. – 2017. – № 13. – С. 183–186.

References:

1. Jethnokul'turovedcheskij analiz hudozhestvennogo teksta: ucheb.-metod. po-sob. dlja samost. rab. po disc. lingvokul'turolog. cikla dlja bakal., aspir. i magist. (2014). [Ethnocultural analysis of a literary text: textbook-method. allowance for self- slave. according to diss. linguoculturologist. cycle for bachelor., aspir. and magister]. Ed. M.Kh. Manlikova. Bishkek. (In Russ.).
2. Manlikova, M. Kh. (2017). Jethnopsiholingvisticheskie osnovy metodiki prepodavaniya russkogo jazyka i literatury [Ethnopsycholinguistic foundations of the methodology of teaching the Russian language and literature]. Vestnik KRSU, 4, 153–157. (In Russ.).
3. Koychuev, T. K. (2007). Izbrannye sochinenija: v 3 tomah [Selected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Bishkek. (In Russ.).
4. Tagaev, M. J. (2015). Dialog jazykov i kul'tur (na materiale funkcionirovanija i vzaimodejstvija kul'turno-jazykovyh prostranstv kirgizskogo i russko-go jazykov) [Dialogue

of languages and cultures (based on the functioning and interaction of cultural and linguistic spaces of the Kyrgyz and Russian languages)]. – Bishkek. (In Russ.).

5. Zalevskaya, A. A. (2004). «Obraz mira» vs «jazykovaja kartina mira» [“Image of the world” vs “language picture of the world”]. In *Kartina mira i sposoby ee reprezentacii: nauch. dokl. konf. «Nacional’nye kartiny mira: jazyk, literatura, kul’tura, obrazovanie»* [Picture of the world and methods of its representation: scientific. report conf. “National pictures of the world: language, literature, culture, education”]. Ed. L. I. Grishaeva, M. K. Popova. (pp. 41–47). – Voronezh. (In Russ.).

6. Eshmuradova, N. D. (2017). *Pravovoe polozhenie zhenshin v kyrgyzskom tradicion-nom obshhestve* [Legal status of women in the Kyrgyz traditional society]. In *Interaktivnaja nauka*, 13, 183–186. (In Russ.).

УДК811.161.3(072)+(043.3)

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШХ ШКОЛЬНИКОВ

О.В. Данич

*Национальный институт образования
Министерства образования Республики Беларусь,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова*

Рассматривается феномен лингвокультурной грамотности в контексте общекультурного развития младших школьников. Анализируется методический потенциал межпредметного учебного словаря как средства формирования лингвокультурной грамотности. В качестве базовой технологии предлагается технология развития языкового сознания, реализованная в содержании и структуре словарных статей, а также в разделе практических заданий и упражнений, ориентированных на комплексное формирование фоновых культурных знаний и ряда важнейших метапредметных компетенций и достижение личностных результатов.

Ключевые слова: лингвокультурная грамотность, фоновые культурные знания, межпредметный учебный словарь, младшие школьники

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE LEARNING DICTIONARY IN THE CONTEXT LINGUO-CULTURAL LITERACY OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

O.V. Danich

*National Institute of Education of the Republic of Belarus,
Vitebsk State P.M. Masherov University*

The phenomenon of linguistic and cultural literacy is considered in the context of general cultural development of younger schoolchildren. The methodical potential of the interdisciplinary educational dictionary as a means of forming linguistic and cultural literacy is analyzed. As a basic technology, a technology for the development of linguistic consciousness is proposed, implemented in the content and structure of dictionary entries, as well as in the section of practical tasks and exercises focused on the complex formation of background cultural knowledge and a number of important meta-subject competencies and the achievement of personal results.

Key words: linguistic and cultural literacy, background cultural knowledge, interdisciplinary educational dictionary, junior schoolchildren.

Проблема формирования и развития культурной/лингвокультурной грамотности является, безусловно, актуальной, поскольку отправной точкой таких научных изысканий является тезис о взаимосвязи и взаимозависимости феноменов образования и куль-

туры. Интерес к различным аспектам этой проблемы только возрастает. Исследования подобного рода проводятся в русле культурологического и культуроцентристского подходов к организации процесса образования и акцентируют внимание на его основной функции – формировании, сохранении и передаче национального и мирового общественного опыта последующим поколениям.

Под лингвокультурной грамотностью мы, вслед за О.Д. Митрофановой и В.Г. Костомаровым, понимаем «достаточную (элементарную) степень владения языком, речью, читательской грамотностью, базовыми фоновыми культурными знаниями, приоритетными ценностными ориентациями, составляющими культуру личности» [1, с. 3].

Важной причиной нашего интереса к обозначенной проблеме является заметное снижение уровня общей культуры белорусского общества, в том числе, наших школьников. Все это оказывает существенное влияние на процесс межличностной коммуникации, затрудняет совместную учебную деятельность, приводит к коммуникативным неудачам и создает негативный эмоциональный эффект. Данные факторы серьезно снижают эффективность образовательного процесса, создают предпосылки для расслоения учащихся и провоцируют «интеллектуальный геноцид».

Еще одним негативным последствием низкого уровня культурной грамотности, которая охватывает все сферы человеческого знания, является проблема формирования национального самосознания, а также сохранения и актуализации культурно-национальных ценностей и традиций в современных геополитических условиях (положение между Западом и Востоком). И если раньше обозначенные проблемы не были столь актуальными (в самой читающей стране поголовной грамотности), то на данный момент эта проблема становится остроактуальной, решение которой требует внимания, как минимум, уже на 1-й ступени получения общего среднего образования.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, мы провели в конце 2020-2021 учебного года экспериментальное исследование, направленное на выявление элементарного уровня владения культурно значимой информацией. Исследование проводилось в форме анкетирования. Базой для исследования явилась параллель 4-х классов ГУО «Средняя школа № 31 г. Витебска». Всего в анкетировании приняло 115 учащихся. Отбирая слова-культурные знаки для формирования анкеты, мы руководствовались следующими критериями: 1) в списке должны быть представлены лингвокультурные единицы разных тематических полей; 2) предлагаемые единицы должны иметь коммуникативную ценность; 3) данные единицы должны быть известны и понятны всем белорусским детям младшего школьного возраста.

Таким образом, был сформирован следующий список: *Хатынь, бусел, 1941–1945, католик, Кремль, Андерсен, стреляный воробей, сумленне, православие, Иван-дурак*. Детям предлагалось обозначить свой ответ следующим образом: **З** – знаю и могу объяснить; **С** – слышал, но объяснить не могу; **Н** – не знаю и никогда не слышал об этом. Следует отметить, что исследование не носило фундаментального характера, поэтому респондентам предлагался достаточно произвольный набор единиц, включающий и национально маркированную культурную информацию, и наднациональную.

Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что 3 % детей не имеют понятия о 9 единицах, 9 % детей не слышали о 8 единицах, 7 % детей не имеют понятия о 6 единицах. Знание всех 10 культурных знаков продемонстрировали 34 % учащихся. Результаты исследования были озвучены во время доклада на методическом объединении учителей начальных классов. К сожалению, практикующие педагоги подтверждают существование определенной культурной глухоты уже у младших школьников.

Можно заметить, что наш личный научный интерес к данной проблеме возник более 10 лет назад, в процессе работы над коллективным проектом «С любовью к Витебщине», который постепенно менял свой формат, направленность, адресата и т.д. Ко-

нечным продуктом этой работы стал учебно-методический комплекс, состоящий преимущественно из краеведческого материала, представленного в виде тематических разделов, рабочей тетради и рекомендаций для педагога. Материалы данного комплекса, при нашем сопровождении, используются в ряде школ Витебска и Витебской области.

Постепенная трансформация этих материалов привела к переориентации содержания с краеведческой доминанты на общекультурную, в результате появились практические материалы «Культурное пространство Витебщины» в виде тематического словника с комментариями, иллюстрациями и заданиями для самостоятельного выполнения учащимися.

Эффективность современного образовательного процесса серьезно снижена в силу сплетения объективных и субъективных факторов: противостояние массовой и элитарной, этнонациональной культур, познавательный негативизм, проявляемый обучающимися, межпоколенный разрыв, дефицит учебного времени и многое другое. В этих непростых условиях нам представляется продуктивной идея создания межпредметного учебного словаря лингвокультурной грамотности, ориентированного на учащихся 2–4-х классов учреждений общего среднего образования. Такое издание должно включать культурные знаки, составляющие как культурный тезаурус нашей страны, так и имеющие интернациональный характер, поскольку контент словаря призван формировать объем общекультурных знаний белорусского младшего школьника.

Источником отбора культурно маркированных языковых фактов и репрезентативных контекстов, включаемых в словарь, станут, в первую очередь, учебные пособия, обеспечивающие образовательный процесс на 1-й ступени общего среднего образования, по учебным предметам «Русский язык», «Белорусский язык», «Литературное чтение», «Літаратурнае чытанне», «Мая Радзіма – Беларусь», «Человек и мир». Также предполагается учитывать результаты масштабного экспериментального исследования, направленного на выявление уровня лингвокультурной грамотности младших школьников, завершающих получение образования на I ступени общего среднего образования (исследование должно быть проведено в разных регионах Республики Беларусь и в учреждениях образования различных типов: гимназиях, средних школах, включая школы, расположенные в сельской местности).

Важным источником формирования словарного контента мы считаем результаты анкетирования практикующих педагогов государственных учреждений образования, а также анкетирование родителей учащихся. Кроме того, представляется необходимым анализировать современный русско- и белорусскоязычный медиадискурс.

Идеей нашего исследования является теория культурной грамотности, которая появилась в конце прошлого столетия и быстро завоевала популярность во всем мире. Основоположник этой теории – американский педагог и культуролог Эрик Дональд Хирш. Причиной появления данной теории можно считать катастрофически низкий уровень общей культуры студентов американских колледжей и некоторых вузов, что не могло не вызвать тревогу у педагогов.

В основу своей теории Э.Д. Хирш и его последователи положили постулат о том, что грамотность формируется объемом знаний, известных и одинаково понимаемых и интерпретируемых всеми представителями определенной национальной культуры. Можно сказать, что это такой тип универсальной информации, которую данное общество считает жизненно важной и достойной сохранения и трансляции последующим поколениям. Такие знания можно назвать общими культурными знаниями, или, по лингвострановедческой терминологии, фоновыми знаниями. По мнению Э. Хирша, эти знания занимают положение между обыденными, повседневными знаниями, которые известны каждому носителю языка, и специальными знаниями, понятными лишь представителям определенной науч-

ной отрасли. Можно сказать, что этот объем информации соотносим с энциклопедическими единицами из разных областей человеческого знания.

Автор теории культурной грамотности предположил, что, исходя из целей межличностной коммуникации, можно вычленив минимум и на его основе составить словарь, чтобы каждый представитель национальной культуры мог им пользоваться и таким образом формировал собственную, но доступную и общую для всех культурную грамотность.

Эта оригинальная и активно обсуждаемая концепция уже несколько десятилетий будоражит умы не только ученых-лингвистов, культурологов, педагогов, но и общественности. Заметим, что ученые из многих европейских и восточных стран обозначили формирование культурной грамотности как одну из актуальнейших проблем лингвистики и культурологии.

Безусловно, идея создания национального словаря культурной грамотности не уникальна. Можно вспомнить совершенно замечательный словарь Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997), В.А. Пушных, Н.Н. Шевченко «Грамотны ли вы, или 5000 слов, которые помогут проверить это» (1994), В.А. Козырева, А.Ю. Пентиной, В.Д. Черняк — «Как проверить культурную грамотность: словник и тестовые задания» (2008), работы белорусских авторов, в частности, «Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов». Под ред. Л.Н. Чумак. (2007), «Вялікая энцыклапедыя маленькага прафесара» (К.С. Півавар, Г.А. Арцяменка), 2021 г. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что данные пособия носят скорее энциклопедический, познавательный характер, сведения из которых могут и не быть востребованными, если отсутствуют специально созданные условия. В то же время следует помнить, что взаимодействие с культурой является одной из базовых потребностей человека (согласно популярнейшей теории иерархии потребностей Абрахама Маслоу, эстетические потребности и потребности в познании занимают верхнюю позицию в его условной пирамиде).

По нашему мнению, средством актуализации данной потребности уже на начальной ступени общего среднего образования может стать межпредметный учебный словарь лингвокультурной грамотности, предположительно включающий следующие разделы:

1. *Человек* (рубрики «Традиционный быт», «Национальная кухня и одежда», «Праздники», «Прецедентные имена»);
2. *Природа* (рубрики «В мире родной природы», «Ландшафт», «Города и строения»);
3. *Общество* (рубрики «Вехи истории (мировой и национальной)», «Общественные институты», «В мире науки», «Морально-нравственные ценности», «Религиозно-культурные ценности»);
4. *Художественная культура* (рубрики «Художественные идеалы и ценности», «Народная культура», «Литература», «Устное народное творчество», «Прецедентные тексты»).

Исходя из тезиса Гумбольдта, ставшего хрестоматийным, «...язык народа есть его дух, и его дух есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [2, с. 38], можно предположить, что наиболее эффективным способом моделирования минимального культурного фона станет технология развития языкового сознания младших школьников как сознания, выраженного внешними, языковыми средствами.

Данная технология предусматривает многоаспектное рассмотрение каждой лингвокультурной единицы (культурного знака, лингвокультуремы) в рамках словарной статьи, которая имеет следующую структуру:

- наименование данной единицы в толковых словарях, толкование значения;
- производные слова (словообразовательный аспект: возможные прилагательные, глаголы и др.);

- устойчивые выражения с данной единицей;
- ассоциативные ряды, которые в языковом сознании представляют собой глубинную семантическую сеть, в которой любое слово находится в сложных связях с другими словами. Люди, говорящие на родном языке, понимают друг друга с «полуслова», в частности, потому, что в языковом сознании соотечественников сформированы почти одинаковые ассоциативные словесно-ассоциативные поля. Эти поля создаются в результате усвоения родного языка с молоком матери, а позже развиваются в национальной речевой среде. По всей вероятности, каждое слово в речевом общении отзывается в языковом сознании собеседника/читателя определенным образом и способствует взаимопониманию;
- фразеологизмы, поговорки с данным компонентом;
- тексты (фольклорные и литературные), раскрывающие содержание данного концепта.

Завершающим будет раздел «Задания и упражнения», где представлены задания, ориентированные на формирование метапредметных умений: найти и извлечь, интегрировать и интерпретировать, оценить и осмыслить. По нашему мнению, формирование и развитие лингвокультурной грамотности, включающей важнейшие компетенции: языковую, коммуникативную, читательскую, культуроведческую – и обеспечивающей комфортное существование человека в социокультурном пространстве, происходит успешнее через работу с культуроведческими текстами – «культурно-значимыми текстами, отражающими историко-культурные ценности народа, его духовность, эстетичными по содержанию, форме, структуре и лексическому наполнению» [3, с. 15]. Извлечение из них культурно маркированной информации (культурных реалий, концептов), формирующей вокруг себя широкое культурное поле, отображенное в языке, позволяет углубить и расширить знания учащихся 2–4-ых классов по целому ряду учебных предметов.

Включение в учебный процесс именно таких заданий позволит синтезировать формирование собственно культурной грамотности и достижение метапредметных и личностных результатов как желаемую цель современного образовательного процесса.

Ожидаемым результатом работы со словарем лингвокультурной грамотности будет актуализация и накопление фоновых культурных знаний как основного компонента лингвокультурной грамотности, под которыми мы понимаем значимые историко-культурные сведения, потенциально известные всем носителям языка, владеющим государственными (русским и белорусским) языками, как сведения, необходимые для адекватного речевого общения, понимания глубинного смысла устных и письменных текстов (автор/читатель; говорящий/слушающий). Ценно также то, что заявленный текстоориентированный подход обеспечит формирование и развитие личностных универсальных учебных действий в процессе усвоения системы ценностно-смысловых общекультурных ориентиров, заложенных в текстах, предлагаемых для анализа.

Таким образом, отправной точкой нашего исследования мы считаем возможность и продуктивность формирования основ лингвокультурной грамотности младших школьников средствами межпредметного учебного словаря лингвокультурной грамотности, при условии организации работы с ним в процессе и на материале гуманитарных учебных предметов, что позволит реализовать их потенциал как продукта национальной и мировой культуры, как мощного инструмента развития личности носителя этой культуры.

Список источников:

1. Митрофанова, О. Д., Костомаров, В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1990. – 270 с.

2. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 88 с.

3. Ходякова, Л. А. Культуроведческий подход к преподаванию русского языка: монография / Л. А. Ходякова. – Москва : Изд-во МГОУ, 2012. – 291 с.

References:

1. Mitrofanova, O. D., Kostomarov, V. G. (1990). Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Methods of teaching Russian as a foreign language]. – Moscow: Russian language. (In Russ.).

2. Humboldt, V. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. – Moscow: Progress. (In Russ.).

3. Khodyakova, L. A. (2012). Kul'turovedcheskiy podkhod k prepodavaniyu russkogo yazyka [Cultural approach to teaching the Russian language]. – Moscow: MGOU Publishing House. (In Russ.).

УДК 372.881.161.1

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ПАРЕМИЙ
С БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКОЙ**

М.Г. Доган

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена изучению лексико-семантических особенностей паремий с безэквивалентной лексикой на базе дискурса русской лингвокультуры. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в русском языке существует достаточно большое количество паремий, содержащих в своем составе национально-культурный компонент, значение которого не доступно представителем других лингвокультур. Лингвокультурный анализ и систематизация паремий с безэквивалентной лексикой позволят внести ясность в дидактическую интерпретацию данных единиц языка. Цель статьи заключается в исследовании паремий как специфического знака концептуализации русской языковой картины мира. Задачами исследования стали выявление характерных черт паремий с положительной и отрицательной коннотацией, определение национально-культурной специфики паремий, отражающих русскую языковую картину мира. Материалом исследования являются «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова. Методами исследования стали лингвокультурологический и комплексный анализы.

Ключевые слова: паремии, безэквивалентная лексика, национальная языковая картина мира, лексико-семантический аспект, лингвокультурологический анализ.

**NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF RUSSIAN PAREMIA
WITH NON-EQUIVALENT VOCABULARY**

M.G. Dogan

RUDN University

The article is devoted to the study of lexical and semantic features of proverbs with non-equivalent vocabulary based on the discourse of Russian linguistic culture. The relevance of this study is due to the fact that in the Russian language there are a fairly large number of proverbs containing in their composition a national-cultural component, the meaning of which is not available to representatives of other linguistic cultures. Linguocultural analysis and systematization of paremias with non-equivalent vocabulary will make it possible to clarify

the didactic interpretation of these language units. The purpose of the article is to study proverbs as a specific sign of the conceptualization of the Russian language picture of the world. The objectives of the study were to identify the characteristic features of proverbs with positive and negative connotations, to determine the national and cultural specifics of proverbs that reflect the Russian language picture of the world. The research material is the Phraseological Dictionary of the Russian Language, ed. A.I. Molotkov, "Proverbs and sayings of the Russian people" V.I. Dahl and "Explanatory Dictionary of the Russian Language" by S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedova. The research methods were linguoculturological and complex analyses. *Key words*: proverbs, non-equivalent vocabulary, national language picture of the world, lexico-semantic aspect, linguocultural analysis

Key words: proverbs, non-equivalent vocabulary, national language picture of the world, lexico-semantic aspect, linguoculturological analysis

Изучение паремиологического фонда языков является актуальной темой исследования в русскоязычной научной среде XX–XXI вв. Паремии способствуют концептуализации лингвокультуры адресанта, поскольку языковая личность всегда организует содержание собственного высказывания на базе присущей ей картины мира. Часто паремии как единицы языка, отражающие лингвокультуру народа, выступают «в сознании индивида в качестве квазиэталопа или квазисимвола» [1, с. 150].

Паремиологический фонд также, как и синтаксические единицы, фразеологизмы, прецедентные тексты вербализует моральные, духовные, культурные ценности носителей языка, отражает их языковую картину мира, которая определяется исследователями «как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мироведения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [2, с. 21].

Важно отметить, что паремиологические единицы имеют развитые лексико-грамматическую и лексико-семантическую сочетаемости с различными частями речи и компонентами, среди которых существенное значение имеет лексическая сочетаемость паремий с безэквивалентной лексикой.

Под безэквивалентной лексикой в данном исследовании понимаются слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Безэквивалентная лексика сконцентрирована на репрезентации ключевых событий культуры прошлого и настоящего, она отражает «все достижения народа на многовековом пути развития, его взгляды, оценки, суждения» [3, с. 45].

Обозначенная специфика безэквивалентной лексики находит своё отражение в паремиях, поскольку оба данных явления имеют прочную связь с внеязыковой действительностью, являются своеобразным вместилищем фоновых знаний индивида, призваны закреплять в культуре опыт носителей языка.

Лингвокультурологический анализ паремий русского языка позволяет выявить источники культурной интерпретации и определить лингвокультурную специфику данных языковых единиц.

Результатом исследования пословиц и поговорок русского языка, передающих национально-культурную специфику с помощью безэквивалентной лексики, стало выявление лексико-семантических признаков данных паремий, в которых наблюдается сочетаемость с кулинарным компонентом, наименованиями предметов и явлений традиционного быта.

Национально-культурная специфика в паремиях раскрывается с помощью таких безэквивалентных лексических единиц, как «блины», «каша». Данные кулинаронимы широко распространены в паремиологическом фонде русского языка. Паремии «где блины, тут и мы», «звать на блины», «блин добро не один», «блин брюху не порча» от-

ражают такие особенности русской национальной культуры, как гостеприимство, радушие, щедрость, и имеют положительную коннотацию.

Безэквивалентная лексическая единица «блины» может быть связана в русских пословицах с представлениями о жизни и смерти, народными верованиями, традициями и праздниками. Блины пеклись на свадьбу, поминки и Масленицу, что говорит об их ритуальном значении в русской культуре: *«замотались сваты от блинов да оладий», «кто печет блины на поминки, печется о насыщении души покойника», «житьё блинам на поминках», «без блинов – не Масленица», «блины – солнцу родственники».*

В русском языке встречаются паремии с лексической единицей «блины», имеющие отрицательную эмоциональную окраску: *«блины пекла, да со двора стекла», «отложь-ка блины до Маслены», «печёт как блины», «первый блины комом».* Данные паремии могут быть использованы в качестве нравоучений, наставлений, предостережений.

Паремии с безэквивалентной лексемой «каша» также имеют прочную связь с концепциями, определяющими лингвокультуру народа. В русской лингвокультуре «каша» является символом плодородия, сытости, основы семейной жизни: *«густая каша семьи не разгонит», «без каши обед не в обед», «такая крутая каша, что хоть палец уломи», «семейная кашка погуце кипит», «в семье и каша гуце», «гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной».*

С помощью лексической единицы «каша» в русской лингвокультуре вербализуются ценностные оппозиции «свой/чужой», которые могут иметь как позитивную, так и негативную коннотацию: *«журавль не каша, еда не наша», «каша наша, а щи поповы», «каша не наша - котел не свой».* Данная лексема используется в паремиях для описания негативных качеств человеческого характера: *«сапожки под скрытом, а каша без масла»* (здесь: щегольство). В паремиях с лексемой «каша» может быть реализована концепция «бедность», поскольку каша была преимущественно крестьянской едой, т.е. пищей самого бедного социального класса Древней Руси: *«горе наше – гречневая каша; есть не хочется, а покинуть жаль», «не наша еда орехи, а наше – каша», «каша-то густа, а чаша-то пуста».*

Паремии с безэквивалентной лексикой могут актуализировать древние русские ритуально-обрядовые практики. Так, например, поговорка *«с ним каши не сварить»* связана с обрядом приготовления *вербной каши*, которую варили и ели в день Вербного воскресенья. Исследователи отмечают, что «совместное приготовление обрядовой еды свидетельствовало о желании участвовать в делах всей общины, вкладывать свою долю в общий «котел». Человек не желающий участвовать в общем обрядовом действии, считался чужим и ненадежным» [4, с. 296].

Наименования предметов и явлений традиционного быта реализуется в паремиях с такими безэквивалентными лексическими единицами, как «балалайка» и «Масленица». Национальный музыкальный инструмент «балалайка» в русской лингвокультуре ассоциируется с гулянием, праздником, весельем: *«что мне соха – была б балалайка», «наш брат Исайка – без струн балалайка», «на балалайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет».*

Пословицы и поговорки с безэквивалентной лексемой «Масленица» в русской лингвокультуре посвящены судьбе, терпению, достатку: *«не все коту Масленица, будет и Великий пост», «была у двора Масленица, да в избу не зашла», «не житье, а Масленица».*

Анализ паремий с безэквивалентной лексикой показал, что пословицы и поговорки русского языка имеют собственную лингвокультурную специфику, которая связана с историей, культурой, устройством общества, традициями, бытом, кухней русского народа. Русская языковая картина мира реализуется в пословицах и поговорках с лексемами «блины», «балалайка», «каша», «Масленица», имеющих прочную связь с линг-

вокультурой России. Всё это позволяет утверждать необходимость учёта лингвокультурной составляющей русских паремий в процессе межкультурной коммуникации, изучения русского языка как иностранного, т.к. данные единицы языка отражают национально-культурную специфику русских как общности.

Список источников:

1. Лонская, А. Ю. «Культурная революция» в Китае в языке советских СМИ / А. Ю. Лонская // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2 (117.2). – С. 54–56.
2. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
3. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
4. Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под. ред. С. М. Мокиенко. – СПб : Фило-Пресс, 2005. – 926 с.

References:

1. Lonskaja, A. Ju. (2016). «Kul'turnaja revoljucija» v Kitae v jazyke sovetskih SMI [“Cultural Revolution” in China in the language of the Soviet media]. *Molodoj uchenyj*, 13.2 (117.2), 54–56. (In Russ.).
2. Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka [Phraseological dictionary of the Russian language] (1987). L. A. Vojnova [a. o.]. Ed. A. I. Molotkov. – Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
3. Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1983). *Jazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. – Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
4. Biriĥ, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L.I. (2005). *Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologičeskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian Phraseology. Historical and etymological dictionary: approx. 6000 phraseological units]. Ed. S.M. Mokienko. – Sanky-Petersburg: Filio-Press.

УДК 82+8

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

Ю.Н. Пасютина

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье рассматривается художественная литература в качестве инструмента обучения иностранных студентов русскому языку. Подчеркивается, что чтение художественной литературы помогает понять характер русского человека, постичь его душу, культуру, менталитет. Автор предлагает изучить некоторые пособия по литературе, указывает на их достоинства и недостатки. Так, одним из главных недостатков большинства пособий является их направленность на изучение непосредственно языка, а не глубинного смысла произведения, его содержательной стороны. Художественное произведение при этом играет второстепенную роль, что в принципе противоречит целям и задачам предмета «Литература». Автор приходит к выводу о необходимости выработки целостной литературоведческой базы, где смысл художественного произведения был бы основополагающим, а язык – лишь средством его постижения.

Ключевые слова: литература, художественное произведение, русский язык, душа, смысл.

FICTION IN TEACHING FOREIGN STUDENTS

Yu.N. Pasiutsina

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

The article considers fiction as a tool for teaching the Russian language to foreign students. It is emphasized that reading fiction helps to understand the character of a Russian person, to comprehend his soul, culture, mentality. The author suggests studying some literature manuals, points out their advantages and disadvantages. So, one of the main drawbacks of most manuals is their focus on learning only the language, but not the deep meaning of the work, its content side. At the same time, the work of art plays a secondary role, which in principle contradicts the goals and objectives of the subject "Literature". The author comes to the conclusion that it is necessary to develop a holistic literary base, where the meaning of any work of art would be fundamental, and language is only a means of comprehending it.

Key words: literature, fiction, the Russian language, soul, meaning.

Одним из аспектов обучения иностранному языку является чтение художественной литературы. Необходимо учить языку не только используя упражнения из учебника, заметки из газет и журналов, но и используя тексты художественной литературы: стихи, прозу, классические произведения и современные. По словам Н.В. Кулибиной, «...без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком» [1, с. 3]. Применение на занятиях оригинальных текстов способствует усвоению новой лексики, грамматических категорий, требует от студентов творческого использования полученной информации. Художественное произведение заставляет и учит думать, размышлять, улавливать тончайшие нюансы русского языка. Кроме того, невозможно постичь всю глубину русского языка, как, впрочем, и любого другого, без понимания культуры, менталитета того народа, язык которого вы изучаете. Именно литература дает полное представление о всех периодах жизни человека, о тех исторических событиях, которые повлияли на ход развития истории, сформировав тем самым загадочную душу русского человека.

Бесспорно, литература занимает важное место в обучении учащихся русскому языку как иностранному, однако, как отмечает В.Г. Мехтиев, не всегда данному предмету отводится достойная роль, в основном литература выполняет «вспомогательную» функцию. Так, исследователь полагает, что существующие пособия не направлены на решение учебных задач, «начиная от формирования практического овладения языком до комплексного филологического анализа художественного произведения» [2, с. 2]. В некотором смысле мы согласны с Мехтиевым, что литература для многих преподающих русский язык, лишь «служанка-прислужница», а к произведению применяют только функциональный подход, рассматривают его с точки зрения языка, определенных грамматических, фонетических, лексических категорий, забывая при этом о содержательной стороне, смысловой нагрузке. В этом и состоит трудность: необходим целостный подход к изучению произведения, при котором творение того или иного писателя являлось бы, прежде всего, источником постижения культуры русского человека, поверхностные языковые категории были бы проводниками к глубинным слоям произведения. Концепция произведения, его эмоциональная окраска, а также позиция автора первостепенны, а, значит, нужно учить чувствовать произведение, сопереживать происходящему, а языковые средства призваны помочь в этом. Без этих умений человек не сможет составить полную национальную картину мира. Кроме того, необходимо понимать, что люди, изучающие русский язык, разные: каждый со своей системой ценностей, присущей той или иной культуре, со своим багажом знаний, отличными от

наших понятиями о базовых вещах. Эта непохожесть наций значительно усложняет процесс обучения и процесс создания учебных пособий по литературе, ведь невозможно просчитать все особенности различных культур мира. Рассмотрим некоторые из изданных учебников по литературе для изучающих русский язык как иностранный.

Н.В. Кулибина, автор книги «Зачем, что и как читать на уроке», полагает, что необходимо ответить на следующие вопросы: зачем читать художественную литературу, какие отобрать тексты и как организовать работу над этими текстами, здесь же она подробно рассказывает об организации учебной работы над художественным текстом (принципы отбора текстов литературных произведений, способы знакомства учащихся с текстом, задачи предтекстового этапа работы, методика проведения притекстовой работы, организация послетекстового этапа работы) [1]. Во второй части учебника предлагаются методические разработки для уроков русского языка по произведениям современных писателей (С. Довлатов, Л. Петрушевская, В. Пелевин). Важно, что работа над текстом строится как последовательное раскрытие смысла художественного произведения от понимания значения языковой единицы, составляющих конкретный образ, к восприятию его образной сути и далее к постижению его роли в создании смысла художественного произведения.

Не менее интересна и вторая книга Н.В. Кулибиной «Читаем стихи русских поэтов», в которой предлагаются стихотворные произведения Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, И.А. Бродского, а также дается краткая биографическая справка о каждом поэте [3]. Обширные задания к выбранным произведениям помогают иностранным учащимся понять смысл того или стихотворения. Так, перед прочтением басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука» автор предлагает предположить, почему именно так называется произведение, почему слова в названии написаны с большой буквы и т.д. После прочтения басни необходимо объяснить значение выражений «пойти на лад», «в товарищах согласья нет», «из кожи лезть», передать их другими словами, подобрать синонимы. Утверждается, что некоторые из выражений стали пословицами – «Да...воз и ныне там», «Рак пятится назад, а щука тянет в воду».

Необходимо отметить, что в данном пособии автором предпринята попытка научить иностранцев чувствовать. Как нигде лучше особенности характера русского человека раскрываются в стихах, посредством слова учащиеся постигают смысл, сопереживают, рисуют картины происходящего, воображают, пытаются поставить себя на место автора, тем самым представляя себя русским. Это дает шанс приблизиться к пониманию многих вещей, которые удивляют иностранцев в нас, носителях русского языка.

Интерес представляют книги серии «Библиотека Златоуста», которая включает адаптированные тексты для пяти уровней владения русским языком: произведения классиков русской литературы, современных писателей, публицистов, журналистов, а также киносценарии. Уровни ориентируются на лексические минимумы, разработанные для Российской государственной системы тестирования по русскому языку. Каждый выпуск снабжен вопросами, заданиями и словарем, в который вошли слова, выходящие за пределы минимума. В серии необходимо выделить следующие произведения классической и современной литературы: Л.Н. Толстой «Анна Каренина», А.П. Чехов «Дама с собачкой», «Ионыч», «Тои сестры», А.С. Пушкин «Пиковая дама», Дина Рубина «Шарфик», Аркадий и Борис Стругацкие «Трудно быть богом». Кроме адаптированного текста в данных изданиях есть справка об авторах, комментарии после каждой главы, раздела, а также вопросы, которые помогают учащимся понять содержание того или иного текста. В издании «Турецкий гамбит» Бориса Акунина предлагается также дискуссия (надо ли верить в себя и ничего не бояться? Вы верите в судьбу? и т.д.). К сожалению, данная серия не в полной мере соответствует целям предмета «Литера-

тура», и носит скорее ознакомительный характер, так как не всегда можно уловить в представленных сокращенных текстах замысел произведения, его идею.

В учебном пособии Е.Я. Загорской «Лица. Характеры. Судьбы: произведения русских писателей-классиков с комментариями и заданиями» представлены произведения русских писателей: Л.Н. Толстого, И. Тургенева, А.П. Чехова, И. Бунина и др [4]. В пособие включены как сами литературные тексты, так и оригинальные предисловия к ним, система речевых заданий и лексических упражнений, направленные на понимание авторского замысла и достоинства языка художественных произведений. Работа над фразеологизмами, синонимами, сравнительными оборотами, позволяет расширить речевую компетентность обучаемых, обратить их внимание на творческое использование языковых средств русскими писателями-классиками.

В книге Е.Я. Загорской «Загадочная русская душа: произведения русских писателей XIX – XX вв. с комментариями и заданиями» представлены отрывки из произведений русских писателей XIX—XX вв.: А.С. Пушкин «Выстрел», Л.Н. Толстой «Отец Сергей», «Война и мир», И.С. Тургенев «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», И.А. Бунина «Тёмные аллеи», А.И. Куприна «Поединок» [5]. Тексты, выбранные авторами учебника, объединены одной темой – русская душа, национальный характер – яркие сложные характеры. В первой части «Любовь. Семья. Вера» собраны литературные произведения, в которых отражены проблемы семейных взаимоотношений, русские традиции, быт. Во второй части пособия «Русская дуэль» отобраны произведения, в которых герой описывается в экстремальной ситуации поединка. Перед каждым текстом дается комментарий о произведении, его героях, проблематике, а также разделы «Словарь», «Задания», «Вопросы», «Фразеология». Такая структура пособия помогает учащимся приобрести навыки анализа литературного произведения, а система заданий отражает их речевую направленность, что активизирует мышление, речь и навыки аналитического чтения.

Еще одно учебное пособие названного автора вызывает пристальный интерес. Это «Признание в любви: фрагменты произведений русских писателей XIX – XX вв. с комментариями и заданиями», в котором отобраны фрагменты лишь слегка адаптированных текстов о любви из произведений русских писателей XIX—XX вв.: А.С. Пушкин «Метель», «Капитанская дочка», М.А. «Тихий Дон», В.П. Астафьев «Звездопад», А.И. Куприн «Олеся», «Поединок», «Гранатовый браслет» и др. [6]. Объединяет все фрагменты романтическая тема объяснения героев в любви. Так, в отрывке из «Тихого Дона» М. Шолохова описываются чувства Григория и Аксиньи, после текста дан глоссарий, в котором перечисляются и объясняются незнакомые слова («мешкать», «гутарить», «коромысло» и др.). Кроме того, предлагаются вопросы и задания (подобрать синонимы к диалектным словам и выражениям, описать Аксинью Астахову, используя предложенные слова, описать «весеннее» и «осеннее» душевное состояние героев, объяснить образные выражения, дается тема для письменной работы – сочинения).

В данном пособии использован функциональный подход, то есть языковые средства раскрываются на фоне произведений, а не смысл раскрывается с помощью языкового выражения. Оно и вполне понятно: отрывки не дают полную картину, следовательно, утеряна идея произведения, не удастся постигнуть его суть, вызвать «правильные» эмоции.

Необходимо отметить мультимедийный комплекс учебных пособий из серии «Золотые имена России». В данную серию входит довольно много пособий о наиболее значимых фигурах (не только писателях) в истории России («Михаил Булгаков», «Александр Пушкин», «Федор Достоевский», «Михаил Ломоносов», «Лев Толстой» и др.). Интересен представленный комплекс прежде всего тем, что включает в себя фильмы об указанных выше личностях, о жизни людей в ту или иную эпоху, раскрываются ключевые события тех времен, что, несомненно, помогает понять Россию и ее

культуру. Например, пособие «Михаил Булгаков» включает в себя фильм о Булгакове и адаптированный роман «Мастер и Маргарита» [7]. Посмотрев фильм, учащиеся узнают о Гражданской войне, Февральской революции, Первой мировой войне, временном правительстве, то есть окунуться в историю, что даст им возможность понять и характер русского человека, его особенности. Картины из фильма «Мастер и Маргарита» заинтересуют и подготовят к дальнейшему прочтению данного произведения. Несомненно, серия пособий является хорошей попыткой донести до иностранных студентов культуру русского человека.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые из изданных учебных пособий по литературе, мы приходим к выводу, что несмотря на существующие недочеты, все они призваны помочь преподавателю раскрыть секрет души русской, постичь художественное слово, научиться «думать» на русском языке и русскими категориями, а потом их необходимо использовать в преподавании русского языка как иностранного. Тем не менее создание целостной литературоведческой базы лишь только намечается, где смысловое начало должно выйти на первый план, а языковые средства – стать инструментом для выражения этого самого начала.

Список источников:

1. Кулибина, Н. В. «Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного» / Н. В. Кулибина. – СПб. : ООО «Центр Златоуст», 2001. – 390 с.
2. Богданова, П. С., Мехтиев, В. Г. Литература в обучении иностранных студентов русскому языку [Электронный ресурс] / П. С. Богданова, В. Г. Мехтиев // *Studia Humanitatis*. – Режим доступа : <http://st-hum.ru/content/bogdanova-ps-mehtiev-vg-literatura-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-russkomu-yazyku>. – Дата доступа : 15.03.2022.
3. Кулибина, Н. В. Читаем стихи русских поэтов : пособие по обучению чтению художественной литературы / Н. В. Кулибина. – 6-е изд. – СПб. : «Златоуст», 2015. – 97 с.
4. Загорская, Е. Я. Лица. Характеры. Судьбы : произведения русских писателей-классиков с комментариями и заданиями : учебное пособие / Е. Я. Загорская, Л. А. Ветошкина, Т. В. Такмашова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 184 с.
5. Загорская, Е. Я. Загадочная русская душа : произведения русских писателей XIX – XX вв. с комментариями и заданиями / Е. Я. Загорская, Л. А. Ветошкина, Т. В. Такмашова. – М. : Флинта, 2012. – 216 с.
6. Загорская, Е. Я. Признание в любви: фрагменты произведений русских писателей XIX – XX вв. с комментариями и заданиями / Е. Я. Загорская, Л. А. Ветошкина, Т. В. Такмашова. – М. : Флинта, 2012. – 192 с.
7. Потапурченко, З. Н. Михаил Булгаков / З. Н. Потапурченко. – М. : Русский язык, 2013. – 89 с.

References:

1. Kulibina, N. V. (2001). «Zachem, chto i kak chitat' na uroke. Hudozhestvennyj tekst pri izuchenii russkogo jazyka kak inostrannogo» [Why, what and how to read in class. Literary text in the study of Russian as a foreign language]. – Sankt-Peterburg: ООО «Centr Zlatoust». (In Russ.).
2. Bogdanova, P. S., & Mehtiev, V. G. (2018). *Literatura v obuchenii inostrannyh studentov russkomu jazyku* [Literature in teaching Russian to foreign students]. Retrieved from <http://st-hum.ru/content/bogdanova-ps-mehtiev-vg-literatura-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-russkomu-yazyku>

3. Kulibina, N. V. (2015). Chitaem stihy russkikh pojetov: posobie po obucheniju chteniju hudozhestvennoj literatury [We read the poems of Russian poets: a manual for teaching reading fiction]. – Sankt-Peterburg: «Zlatoust». (In Russ.).

4. Zagorskaja, E. Ja. (2013). Lica. Haraktery. Sud'by: proizvedenija russkikh pisatelej-klassikov s kommentarijami i zadanijami: uchebnoe posobie [Characters. Fates: works of Russian classic writers with comments and assignments: study guide]. – Moscow: Flinta. (In Russ.).

5. Zagorskaja, E. Ja. (2012). Zagadochnaja russkaja dusha: proizvedenija russkikh pisatelej XIX – XX – vv. s kommentarijami i zadanijami [Mysterious Russian soul: works of Russian writers of the 19th - 20th centuries. with comments and assignments]. – Moscow: Flinta. (In Russ.).

6. Zagorskaja, E. Ja. (2012). Priznanie v ljubvi: fragmenty proizvedenij russkikh pisatelej XIX – XX vv. s kommentarijami i zadanijami [Declaration of love: fragments of the works of Russian writers of the XIX - XX centuries. with comments and assignments]. – Moscow: Flinta. (In Russ.).

7. Potapurchenko, Z. N. (2013). Mihail Bulgakov [Mikhail Bulgakov]. – Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).

УДК 81'246.3

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ УЧЕБНОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ

Е.Г. Шовкович

Московский государственный областной университет

При изучении иностранных языков учащиеся встречаются с различными трудностями, одной из которых является интерференция. Ошибки, которые присутствуют в речи носителей одного языка, связаны со степенью близости другого изучаемого языка. Влияние родного и/или первого иностранного языка на всех языковых уровнях может оказывать искажающее или полностью разрушающее смысл воздействие, что препятствует пониманию слушателя или читателя.

В данной статье рассматривается проблема интерференции при изучении нескольких языков. Приводятся классификации ошибок и примеры интерференции, возникающие при изучении русского, английского, французского и немецкого языков. В статье также рассматриваются факторы возникновения интерференции и предлагаются способы по её уменьшению.

Существенное влияние лингвистической интерференции порождает необходимость введения более эффективных методов и способов преодоления её воздействия.

Ключевые слова: многоязычие, интерференция, обучение, лексика, иностранные языки, родной язык

LINGUISTIC INTERFERENCE AS A CONSEQUENCE OF LEARNING MULTILINGUALISM

E.G. Shovkovich

Moscow Region State University

When learning foreign languages, students encounter various difficulties, one of which is interference. Errors that are present in the speech of native speakers of one language are associated with the degree of closeness of another language being studied. The influence of the native and / or first foreign language at all language levels can have a distorting or completely destroying effect, which prevents the listener or reader from understanding.

This article deals with the problem of interference in the study of several languages. Classifications of errors and examples of interference arising from the study of Russian,

English, French and German are given. The article also discusses the factors of interference occurrence and suggests ways to reduce it.

The significant impact of linguistic interference creates the need to introduce more effective methods and ways to overcome its impact.

Keywords: multilingualism, interference, learning, vocabulary, foreign languages, native language.

Многоязычие, как владение несколькими языками, подразумевает регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации [1].

Усваивая несколько языков с первого года жизни, ребенок начинает использовать их для общения с теми, кто говорит с ним на этих языках, и для того, чтобы познавать окружающий его мир.

При взаимодействии нескольких языков очень часто мультилингв начинает применять нормы одного языка в другом в письменной и/или устной форме. Такое явление называется «интерференция» (последствие влияния одного языка на другой) [2].

Необходимость учета интерференции в процессе обучения иностранным языкам на разных уровнях появляется от искусственной природы учебного многоязычия.

Интерференция является ключевым понятием принципа учета родного языка в методике обучения иностранным языкам. Все существующие методические концепции так или иначе сталкиваются с проблемой контакта родного и изучаемых языков [3, с. 36].

До середины XIX века обучение языкам (живым) происходило в основном в естественной среде, и только с появлением массовых публичных школ и необходимостью изучения иностранных языков (живых) на уроках встал вопрос о роли и влиянии родного языка на изучаемые иностранные. В связи с этим возникает важная проблема, касающаяся вопроса участия родного языка в обучении иностранному языку. Решение этого вопроса привело к возникновению двух противоположных концепций. Первая предусматривает исключение родного языка из процесса обучения иностранному языку и касается так называемого «натурального» («прямого») метода. Вторая предусматривает участие родного языка и касается «смешанного» («комбинированного») метода [3, с. 37]. Его сторонники видели негативные последствия полного игнорирования родного языка и рекомендовали в целях экономии времени и сил воспринимать родной язык как вспомогательный фактор, в том числе использовать для раскрытия смыслов перевод языковых единиц на родной язык.

Интерференция, согласно языковым уровням, подразделяется на три вида:

- 1) фонетическую,
- 2) грамматическую
- 3) лексическую (лексико-семантическую) [4].

Фонетическая интерференция наблюдается на фонетическом уровне. Учащиеся переносят произносительные навыки, полученные ими в процессе овладения родным или доминирующим языком на изучаемый язык, и, тем самым, нарушают фонетическую норму последнего. Этот процесс является причиной появления акцента.

В первую очередь к фонетической интерференции относится смещение ударения в изучаемых языках под влиянием родного (такую интерференцию ещё называют акцентологической): президент вместо президент (рус.) (в русской речи американца); Pôlitik (в немецкой речи под влиянием английского языка) или Pôlitik (в немецкой речи под влиянием русского языка) вместо Pôlitik (нем.) и др.

Вторым важным моментом является ошибочная замена короткого гласного на долгий (и наоборот): ship [i:] вместо ship [i] или sheep [i] вместо sheep [i:] (в английской речи русскоговорящего); Stadt [a:] вместо Stadt [a] или Staat [a] вместо Staat [a:] (в немецкой речи русскоговорящего). Такая ошибка чаще всего встречается на уроках английского языка или немецкого в русскоязычной школе, ведь русские не привыкли разли-

чать на слух длительность звучания гласного, который несет при этом смысловую различительную функцию. И в русском языке отсутствует фонематическая долгота, учащиеся (при восприятии английской или немецкой речи на слух) очень часто не слышат разницу между долгими и краткими гласными звуками.

Грамматическая интерференция появляется тогда, когда учащийся применяет грамматические правила, свойственные его родному языку, к аналогичным элементам иностранного языка.

Грамматическая интерференция касается употребления предлогов в различных языках. Например, русский предлог «в» представлен разными тематическими предлогами пространства, времени, движения в английском языке (on, in; to, in и др.). Русскоязычные ученики под влиянием своего родного языка переводят на английский неверно фразу «в понедельник» как “in Monday”, а не “on Monday” или «идти в институт» как “go in the institute”, вместо “go to the institute”. Такую же ошибку мы наблюдаем и при изучении немецкого языка: «в 5 часов» переводят как “in 5 Uhr”, а не “um 5 Uhr”.

Интерференция проявляется в связях между словами. Из-за особенностей в грамматических структурах русского и французского языков (как и любого другого иностранного языка) часто возникают ситуации, когда в одном языке требуется употребление прямого дополнения, а в другом – косвенного. В качестве примера возьмем русский глагол «помогать» и французский глагол “aider”. Русский глагол «помогать» требует после себя косвенное дополнение: «помогать маме», в то время как французский аналог – прямое: “aider maman”, а не “aider à maman” (во французском языке предлог “à” ставится перед косвенным дополнением (это один из случаев употребления этого предлога)).

Часто встречаемой ошибкой является путаница в порядке слов в предложении. Например, русскоязычные студенты забывают, что при изучении языков с прямым порядком слов, важно помнить, что в утвердительных предложениях обязательно должно быть подлежащее, которое всегда стоит перед сказуемым. То есть русское предложение «вчера ходил в магазин папа» нельзя дословно перевести на английский как “yesterday went shopping dad” или на немецкий как “war gestern einkaufen papa” или на французский как “hier est allé faire des courses papa”. Даже в самых, казалось бы, простых предложениях вроде «Я – учитель» учащиеся делают ошибки, переводя буквально: “I – teacher” (правильно: “I am a teacher”) (англ.), “Ich – Lehrer” (правильно: “Ich bin ein Lehrer”) (нем.), “J enseignant” (правильно: “Je suis enseignant”) (франц.). Это происходит по причине того, что ученики часто забывают глагол-связку «быть (есть, являться)», который в языках с прямым порядком слов обязательный.

Под лексической интерференцией понимают ошибочное употребление контактного коррелята.

Учащиеся в процессе обучения иностранных языков сталкиваются с так называемыми «ложными друзьями переводчика» (это пары слов в двух разных языках, которые одинаковы по произношению или написанию, но разные по своему смысловому значению) [5]. Ниже в таблице приведем несколько примеров.

Язык (ориг.)	Ложный друг	Неверный перевод	Верный перевод	Язык (пер.)
английский	accurate	аккуратный	точный	русский
английский	brilliant	бриллиант	отличный	русский
английский	servant	сервант	слуга	русский
русский	афера	affaire	affaire	английский
русский	дата	data	date	английский
русский	букет	bucket	bouquet	английский
французский	accord	аккорд	договор	русский
французский	banc	банк	скамейка	русский
французский	évacuateur	эвакуатор	водослив	русский
немецкий	krawatte	кровать	галстук	русский

немецкий	angel	ангел	удочка	русский
немецкий	familie	фамилия	семья	русский
английский	stadium	stadium	stadion	немецкий
английский	brave	brav	mutig	немецкий
английский	gift	gift	geschenk	немецкий
английский	apology	apologie	excuses	французский
английский	cave	cave	grotte	французский
английский	fabric	fabrique	tissu	французский

При переводе текстов учащиеся, встречая слово, которое похоже на слово из их родного или первого иностранного языка, переводят его, не обращаясь к словарю, а используя то значение, которое приходит в голову по ассоциации с другим (известным) языком.

Использование слова в неверном значении при переводе искажает смысл высказывания. Например, в предложении «У меня на куртке сломалась собачка» (рус.), слово «собачка» не соотносится со словом «собака». Не зная тонкостей иностранного языка, обучающиеся совершают ошибки и переводят как “I have a broken dog on my jacket” (англ.).

Причиной возникновения интерференции является тот факт, что учащиеся, усваивающие второй иностранный язык, строят свою речь по нормам родного и первого иностранного языков: они сопоставляют и противопоставляют в нем то, что сравнивается и противопоставляется в родном и первом иностранном языке, и устанавливают несвойственные им связи и отношения между отдельными языковыми фактами второго иностранного языка. С этим связан тот факт, что педагоги, обучающие второму иностранному языку, сталкиваются со значительными трудностями, связанными с негативным влиянием первого иностранного языка [6].

Частотность возникновения интерференции и положительного переноса зависит от ряда факторов, основными из которых являются:

1) уровень развития речи на родном языке. Осознанное владение увеличивает долю положительного переноса;

2) уровень владения первым иностранным языком. Чем лучше ученик знает первый иностранный язык, тем меньше интерференция и тем больше доля положительного переноса;

3) величина промежутка времени, отделяющих изучение первого иностранного языка от второго иностранного. Этот фактор остается наименее изученным, поэтому пока невозможно определить приемлемую величину данного промежутка;

4) возраст обучающихся [7].

Одним из способов преодоления или уменьшения интерференции служит качественная подача материала. В учебных заведениях педагогам иностранных языков необходимо больше уделять внимание тем явлениям, которые отличаются в родном языке учащегося.

Самым же простым способом для обучающихся является запоминание тех или иных особенностей языка (выучивание глаголов вместе с предлогами, заучивание ложных-друзей переводчика и др.).

Лингвистические исследования проблемы интерференции показывают, что путем структурного сопоставления языков в плане выражения и в плане содержания можно предсказать распределение областей вероятных ошибок для всех уровней изучаемого языка и тем самым распределение трудностей овладения им.

Но осознание типологических различий между системами родного и изучаемого языка невозможно без опоры на сходные явления этих языков, которые не меньше, чем различия, препятствуют овладению необходимыми категориями изучаемого языка [8, с. 9].

Уменьшение языковой интерференции при изучении иностранных языков является сложной и комплексной задачей, но правильная организация работы над особенностями изучаемых языков, ведет к ее значительному сокращению.

Список источников:

1. Бодоньи, М. А. Многоязычные и полиязычные технологии обучения многоязычию / М. А. Бодоньи // Вестник ПГЛУ, 2013. – № 2. – С. 132–135.
2. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kartaslov.ru/>. – Дата доступа: 30.01.2022.
3. Ильнер, А. О. Развитие иноязычного речевого слуха в условиях учебного многоязычия : монография / А. О. Ильнер, науч. ред. Л. И. Корнеева ; Министер. образов. и науки Рос. Федерац., Уральск. федеральн. ун-т. – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – 136 с.
4. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. VI. – М. : Прогресс, 1972. – С. 25–80.
5. «Ложные друзья» переводчика вводят нас в заблуждение. 2020. Электронный ресурс. – Режим доступа : <https://englishfull.ru/leksika/lozhnye-druzya-perevodchika.html>. – Дата доступа : 31.01.2022.
6. Дубовцев, В. В. К проблеме типологии интерференции / В. В. Дубовцев // Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков: сборник. – Воронеж, 1973. – С. 28–31.
7. Гончарова, О. Н. Языковая интерференция при обучении второму иностранному языку [Электронный ресурс] / О. Н. Гончарова. – Режим доступа : https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00871345_0.html. – Дата доступа : 30.01.2022.
8. Кузаль, К. Воспроизведение и восприятие русских звуков в иностранной аудитории / К. Кузаль. – Вроцлав : Изд-во Вроцлавского ун-та, 1998. – 88 с.

References:

1. Bodoni, M. A. (2013). *Mnogoyazychnye i poliyazychnye tekhnologii obucheniya mnogoyazychiyu* [Multilingual and multilingual technologies for teaching multilingualism]. *Vestnik PSLU*, 2, 132-135. (In Russ.).
2. Map of words and expressions of the Russian language. Retrieved from <https://kartaslov.ru/> (In Russ.).
3. Ilnar, A. O. (2016). *Razvitie inoyazychnogo rechevogo sluha v usloviyah uchebnogo: monogoyazychiya* [The development of foreign speech hearing in the conditions of educational multilingualism: monograph]. Scientific. ed. L.I. Korneeva; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Yekaterinburg: UrFU. (In Russ.).
4. Weinreich, U. (1972). *Odnoyazychie i mnogoyazychie* [Monolingualism and multilingualism]. In *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 6 (pp. 25–80). – Moscow. (In Russ.).
5. The translator’s “false friends” mislead us (2020). Retrieved from <https://englishfull.ru/leksika/lozhnye-druzya-perevodchika.html> (In Russ.).
6. Dubovtsev, V. V. (1973). *K probleme tipologii interferencii* [On the problem of interference typology]. In *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya germanskih i romanskih yazykov* [Questions of philology and methods of teaching Germanic and Romance languages]. – Voronezh. (In Russ.).
7. Goncharova, O. N. (2017). Language interference in teaching a second foreign language. Retrieved from https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00871345_0.html (In Russ.).
8. Kuzal, K. (1998). *Vosproizvedenie i vospriyatie russkih zvukov v inostrannoj auditorii* [Reproduction and perception of Russian sounds in a foreign audience]. Wrocław: Publishing House of Wrocław University. (In Russ.).

**ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ И ВУЗОВСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

А.А. Лазуркин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Наш доклад посвящен анализу важнейшей для любого образования лингвокультурной компетенции. Нами показано, что сегодня востребованы специалисты, которые, помимо профессиональных знаний, обладают универсальными способностями, позволяющими быстро подстроиться под меняющееся общество, которые способны к самоусовершенствованию. Именно лингвокультурная компетенция позволяет им сделать это. Владение данной компетенцией является условием достойной подготовки личности к общественной жизни и деятельности, позволяет глубже посмотреть на взаимодействия культуры и языка. В целом же, такой подход будет способствовать сохранению важнейших ценностей нашей культуры и ментальности, формирующих нашу духовность.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, ценности культуры, новые технологии.

**SCHOOL TEACHER AND UNIVERSITY LECTURER
IN A NEW SOCIAL SITUATION**

A.A. Lazurkin

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

Our report is devoted to the analysis of the most important linguocultural competence for any education. We have shown that today there is a demand for specialists who, in addition to professional knowledge, have universal abilities that allow them to quickly adapt to a changing society, who are capable of self-improvement. It is linguocultural competence that allows them to do this. Possession of this competence is a condition for a worthy preparation of an individual for social life and activity, allows a deeper look at the interaction of culture and language. In general, such an approach will contribute to the preservation of the most important values of our culture and mentality, which form our spirituality.

Key words: competence, competence, cultural values, new technologies.

В последние десятилетия не только в России и Белоруссии формируется общественное мнение по поводу избыточности, ненужности гуманитарного образования. Действительно, существует перепроизводство специалистов в области юриспруденции, нет конкурсов на филологические и социологические специальности. Отсюда делается неверный вывод: уменьшить количество мест на данные специальности, а гуманитарно ориентированную молодежь направить в рабочие, т.к. квалифицированных рабочих сейчас не хватает.

Все более усиливается специализация, которая начинается чуть ли в начальной школе. Это приводит к утрате целостного мировидения и миропонимания. Утрачивается целостность культуры, а обширные знания в разных областях стали именоваться дилетантизмом. Однако ученые бьют по этому поводу тревогу. Так, профессор С. Савельев пишет: «...глубокая специализация любого вида ставит мозг на грань вымирания» [1, с. 42].

Как быть в этой ситуации учителю, как повысить качество образования? Это одна из актуальных проблем в Республике Беларусь. Мы предлагаем это сделать через формирование ключевых компетенций, во-первых, и через новые технологии, во-вторых.

Проблема компетенций в разных областях знаний возникла еще в конце прошлого века. В педагогику она пришла позднее. Данный термин, скорее всего, заимствован

из латинского языка, хотя некоторые ученые ведут отчет из английского языка. От этого корня образованы два термина – *компетенция* и *компетентность*. *Компетентности* – это сложные личностные образования, составляющими которых являются интеллектуальная, эмоциональная и нравственная ипостаси. Это сферы отношений между знанием и действием в человеческой практике (В.С. Леднев, Н.Д. Никандров, И.А. Зимняя, Г.Э. Белицкая и др.).

Значения этих слов таковы: «*competens*» –

1) подходящий, соответствующий, сообразный; 2) компетентный, законный; «*compete*» – 1) вместе помогать, добиваться, стремиться; 2) сходиться, встречаться; 3) приключаться; 4) совпадать (во времени); 5) соответствовать, подходить, согласовываться; 6) быть годным, способным; 7) юр.: требовать согласно закону [2].

В энциклопедическом словаре «компетенция» определяется как 1) круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; 2) знания, опыт в той или иной области [3, с. 173]. Термина «компетентность» в этом словаре нет. Он появился позже, в педагогике он используется чаще всего в тех значениях, которые даются в словаре Г.М. Коджаспировой и А.Ю. Коджаспирова: «Компетенция - круг вопросов, в которых данное лицо обладает познанием, опытом. <...> Компетентность – личные возможности должностного лица и его квалификация (знания, опыт), позволяющие принимать участие в разработке определённого круга решений или решать вопросы самому, благодаря наличию у него определённых знаний, навыков; уровень образованности личности, который определяется степенью владения теоретическими средствами познавательной или практической деятельности» [4, с. 133–134].

Современные исследователи выделяют от трех до 40 компетентностей. Например, И.А. Зимняя считает главными 10 компетентностей [5].

Мы используем в своей работе термины *компетенции* и *компетентности* как синонимичные, хотя некоторые авторы их дифференцируют (Л.И. Берестова, А.В. Хуторской и др.).

Современный учитель должен обладать профессиональной компетентностью, которая свидетельствует об определенном уровне его квалификации. Мы, вслед за Л.В. Ивановой [6, с. 93], профессиональную компетенцию понимаем так: это интегративное качество личности, учитывающее уровень знаний и владение другими видами компетенций (функциональной, предметной и др.), а также наличие личностной мобильности, т.е. способности быстро усваивать новое вообще. Все вместе позволит учителю полностью реализовать свой потенциал.

Сегодня востребованы специалисты, которые, помимо профессиональных знаний, обладают универсальными способностями, позволяющими быстро подстроиться под меняющееся общество, которые способны к самоусовершенствованию. Наш доклад посвящен анализу важнейшей для любого образования лингвокультурной компетенции.

На сегодняшний день в методике и теории языка появился целый ряд близких по значению терминов: «культурная компетентность» Ю.Е. Прохорова; «языковая компетенция» Н. Хомского; «языковая компетентность» Д. Слобина и Дж. Грина; «культурно-языковая компетенция» В.Н. Телия; «лингвокультурологическая компетенция» В. В. Воробьева; «культурно-языковая компетентность» В.А. Масловой; «лингвокультурная компетенция» Л.А. Шкатовой и др.

Мы избираем более актуальное, как нам кажется, понятие «лингвокультурная компетенция», которое является важным качеством в формировании мировоззрения и духовности личности, существенным фактором достойной подготовки ученика и студента к быстро меняющейся жизненной ситуации. В содержание лингвокультурной компетенции мы включаем базовые лингвокультурные единицы языка.

Именно владение лингвокультурной компетенцией позволяет глубже посмотреть на взаимоотношения языка и культуры. В целом же, такой подход будет

способствовать сохранению ценного материала нашей культуры, нашего языка, нашей ментальности, нашей духовности. Это особенно важно в условиях модернизации образования, при которой почти исчезает духовная составляющая. При этом лингвокультурная компетенция учителя русского языка, становясь ключевой, приобретает особое значение.

Феномен взаимосвязи языка и культуры уникален, он может варьироваться, наполняясь новым культурным содержанием, которое меняется с каждой новой эпохой и новым поколением.

Содержание лингвокультурной компетенции составляют базовые лингвокультурные единицы – *время, пространство, добро, зло, любовь, семья* и др. Они должны быть наполнены содержанием еще в начальной школе. В нашей стране сейчас ведется работа в этом направлении. Такой подход исключительно важен в условиях модернизации образования, которая отрицательно влияет на духовную составляющую народа и общества. В этих условиях лингвокультурная компетенция учителя русского языка, становясь ключевой, приобретает особое значение. Без нее обучение русскому языку не может быть успешным, потому что большинство слов русского языка, кроме словарного значения, заключают в себе и культурную информацию. Например, дым – негативное явление, он мешает дышать, в дыму можно погибнуть. Однако символ слова ДЫМ в русской культурной традиции – благотворная сила, способная предотвращать несчастья. Эти знания входят в лингвокультурную компетенцию, что помогает понять русскую классику: *Нам дым Отечества и сладок и приятен.*

С культурологической точки зрения язык является не только инструментом культуры, наследования, аккумуляции знаний, обмена знаниями и опытом, но и способом осознания культуры носителем языка. Л.А. Городецкая рассматривает лингвокультурную *компетентность* как часть культурной компетентности личности, которая проявляется в общении и представляет собой совокупность взаимосвязанных представлений об общих нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения и поведения личности в рамках данной лингвокультуры.

С позиции лингвистики в лингвокультурную компетентность входит знание языковой системы (слов, фразеологизмов, прецедентных текстов). Отражение языковой культуры происходит за счёт аккумуляции и усвоения определенного запаса информации, которая должна накапливаться и усваиваться в течение довольно длительного времени не только потому, что её много, но и потому, что обозначенные знания необходимо закреплять, подтверждать, повторять и актуализировать.

Теперь несколько слов о новых технологиях. Существует много хорошо зарекомендовавших себя технологий игровые технологии, мультимедийные технологии, кейс-технология, технология проектов и т.д. Учитель нового поколения должен не только квалифицированно применять существующие и новые технологии, но и сам уметь создавать их. Одним из путей к достижению этого стал созданный нами словарь [7]. В основе самого словаря лежит концепция взаимодействия **учитель – словарь – ученик**. Русское слово представлено в нем как многоаспектное явление, поэтому в словарную статью помещаются: различный справочный материал, социокультурные, лингвистические и литературоведческие комментарии, ссылки на языковые правила и т.д. Его социокультурная направленность выражается в том, что в словарь вводятся многие белорусские реалии, что привело к повышению интереса обучающихся русскому языку, т.к. они охотнее работают с родным для них материалом. Полноценная работа с нашим словарем приведет к улучшению качества обучения русскому языку, а также улучшит гуманитарное образование в целом.

Исходя из этих позиций, современные тенденции в обучении русскому языку должны быть ориентированы не только на то, чтобы приобщить обучаемых к знанию единиц языка и их функционирования, но и познакомить их с «понятиями, погружен-

ными в культуру», «культурными концептами», базовыми духовными ценностями, в которых отражается менталитет, история и религия народа.

В этой связи мы предлагаем создать особую программу «ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА», частью которой должен стать вводный курс о языке, куда входили бы сведения и происхождении языка и письменности, общие классификации языков по родству и структуре, знакомство с существующими словарями. На любом факультете нужно учить создавать и понимать тексты по специальности.

Список источников:

1. Савельев, С. Церебральный сортинг / С. Савельев. – М. : ВЕДИ, 2016. – 232 с.
2. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.html>. – Дата доступа: 09.09.2021.
3. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1993. – 1631 с.
4. Коджаспирова, Г. М., Коджаспиров, А. Ю. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспирова. – Р н/Д. : МарТ, 2005. – 448 с.
5. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.
6. Иванова, Л. В. Компетентность самосовершенствования педагога : некоторые аспекты изучения и формирования / Л. В. Иванова // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 90–94.
7. Николаенко, С. В., Лазуркин, А. А. Комплексный учебный словарь по русскому языку (с практической частью) / С. В. Николаенко, А. А. Лазуркин. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 160 с.

References:

1. Savel'ev, S. (2016). Cerebral'nyj sorting [Cerebral sorting]. – Moscow: VEDI. (In Russ.).
2. Bol'shoj latinsko-russkij slovar' Retrieved from <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.html>.
3. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Big encyclopedic dictionary] (1993). Ed. A.M. Prohorov. – Moscow: Sovetskaja jeknciklopednija. (In Russ.).
4. Kodzhaspirova, G. M., Kodzhaspirov, A.Ju. (2005). Slovar' po pedagogike [Dictionary of Pedagogy]. – Rostov on the Don: MarT. (In Russ.).
5. Zimnjaja, I. A. (2004). Kljuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaja osnova kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii [Key competencies as an effective-target basis of the competency-based approach in education]. – Moscow: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov. (In Russ.).
6. Ivanova, L.V. (2020). Kompetencija samosovershenstvovaniija pedagoga: nekotorye aspekty izuchenija i formirovaniija [Competence of self-improvement of a teacher: some aspects of study and formation]. Pihologo-pedagogicheskij zhurnal «Gaudeamus»,18, 1, 90–94. (In Russ.).
7. Nikolaenko, S. V., Lazurkin, A.A. (2018). Kompleksnyj uchebnyj slovar' po russkomu jazyku (s prakticheskoj chast'ju) [A comprehensive educational dictionary in the Russian language (with a practical part)]. – Vitebsk: Vitebsk State P.M. Masherov University Publ. (In Russ.).

УДК 821.161.3-1.09

**АСЭНСАВАННЕ ВЕРЛІБРАВАЙ ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА ТАНКА
Ў АЙЧЫННЫМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ**

Т.А. Дубоўская

Віцебскі філіял Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО»

У артыкуле даследуюцца літаратуразнаўчыя працы беларускіх навукоўцаў, прысвечаныя верлібравай паэзіі народнага паэта Беларусі Максіма Танка. Асабліва ўвага скіравана на грунтоўных і маштабных даследаваннях Вячаслава Рагойшы, Міколы Арочкі, Дзмітрыя Бугаёва, Уладзіміра Гніламедава, Міколы Мікуліча, у якіх верлібры (свабодныя вершы) лірыка разглядаюцца як важны і заканамерны этап яго творчасці.

Паэтычны рацыяналізм, фармальна-і зместавая цэласнасць, паглыбленне аналітычнасці вобраза, вобразна-асацыятыўнага мыслення, складаная метафарычнасць, рэчыўна-прадметная дэталёвасць – асноўныя рысы свабодных вершаў М. Танка.

Разам з тым адной з найважнейшых задач на сённяшні дзень застаецца спецыяльнае даследаванне верлібраў М. Танка ў аспекце іх нацыянальна-культурнай канцэптуальнасці як ключавой адметнасці, што вылучае беларускі верлібр на фоне сусветнай літаратурнай прасторы.

Ключавыя словы: верлібр, умоўна-асацыятыўны вобраз, канкрэтна-пачуццёвы вобраз, метафарычнасць, прадметна-рэчыўная дэталёвасць.

**COMPREHENSION OF MAXIM TANK'S VERLIBRE CREATIVITY
IN RUSSIAN LITERARY CRITICISM**

T.A. Dubovskaya

Vitebsk branch of International University «MITSO»

The article examines the literary works of Belarusian scientists devoted to the verlibre poetry of the national poet of Belarus Maxim Tank. Special attention is paid to the thorough and large-scale studies of Vyacheslav Ragoishi, Nikolai Arochko, Dmitry Bugaev, Vladimir Gnilomedov, Nikolai Mikulich, in which the verlibra of the lyric is considered as an important and natural stage of his work.

Poetic rationalism, formal-semantic integrity, deepening of the analyticity of the image, figurative-associative thinking, complex metaphoricity, material-subject detailing are the main features of M. Tank's verlibres.

At the same time, one of the most important tasks today is a special study of M. Tank's verlibres from the point of view of their national and cultural conceptuality as a key feature that distinguishes the Belarusian verlibre against the background of the world literary space.

Key words: verlibre, associative image, concrete-sensual image, metaphoricity, subject detail.

Адным з самых яркіх прадстаўнікоў верлібравай паэзіі ў айчынным літаратурным з'яўляецца Максім Танк. Паэт першым з беларускіх лірыкаў мэтанакіравана і паслядоўна замацаваў у форме свабоднага верша прысутнасць уласнабеларускай міфапаэтыкі, гісторыі, этнаграфіі. Менавіта акцэнтам на нацыянальна-культурным складніку айчынным верлібр вылучаецца з большасці ўзораў гэтай мастацкай формы ў літаратурах замежжа, дзе яна арыентаваная найперш на абстрактнае мысленне, а праблемы нацыянальнага адраджэння не стаяць на парадку дня.

У свабодных вершах М. Танка асэнсоўваюцца глабальныя праблемы, аднак рэчыўны свет, аснова вобразаў, лад маўлення маюць нацыянальную афарбоўку. Такая

аўтарская інтэнцыя з’яўляецца адной з асноўных характарыстык верлібраў М. Танка і зрабілася традыцыяй М. Танка [1].

Даследчыкамі зместава-фармальных асаблівасцей творчасці М. Танка, у прыватнасці яго верлібравай паэзіі, у айчынным літаратуразнаўстве з’яўляюцца В.П. Рагойша (кніга «Паэтыка Максіма Танка: Культура вобраза. Характар верша», 1968; артыкулы «*Версіфікацыйнае майстэрства Максіма Танка*», 2009; «“Вершы мае – часовыя прыстанішчы...”»: Максім Танк – майстар вершаванага слова», 2009), М.М. Арочка (кніга «Максім Танк: Жыццё ў паэзіі», 1984), У.А. Калеснік (кнігі «Паэзія змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура», 1959; «Максім Танк. Нарыс жыцця і творчасці», 1981), Д.Я. Бугаёў (кніга «Паэзія Максіма Танка», 1964, 2003), А.А. Лойка (раздзел «Зямля – усяго пачатак...» з кнігі «Паэзія і час: літаратурнакрытычныя артыкулы, творчыя партрэты», 1981), У.В. Гніламедаў (раздзел «Каб ведалі... (Максім Танк)» з кнігі «Класікі і сучаснікі: артыкулы, нарысы, старонкі ўспамінаў», 1987; артыкул «Максім Танк і Назым Хікмет», 2012), А.К. Кабаковіч («Беларускі свабодны верш», 1984), А.Л. Верабей (кнігі «Беларуска-рускі паэтычны ўзаемапераклад 20–30-х гадоў», 1990; «Максім Танк і польская літаратура», 2012), М.У. Мікуліч (кнігі «Максім Танк: на скразняках стагоддзя», 1994; «Максім Танк і сучасная беларуская лірыка», 1999; «Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка», 2001; «Паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939)», 2010; «Максім Танк. Талент, заручаны з небам», 2012; артыкул «“Трэба ўчуцца, адтварыць вобраз...”»: Максім Танк у рускіх перакладах», 2012), У.А. Навумовіч (артыкул «Верлібры Максіма Танка ў кантэксте сусветнай паэтычнай традыцыі», 2014), В.І. Русілка (артыкул «Голас магутнага дрэва: новыя вершы М. Танка», 1994), Г.К. Тычко (артыкул «Польский и русский авангардизм в творческой судьбе Максима Танка», 2012), В.У. Ярац (артыкул «У промнях незвычайнага святла: верлібр Максіма Танка», 2012) і інш.

Адной з найбольш грунтоўных, канцэптуальных прац, прысвечаных творчасці М. Танка, з’яўляецца манаграфія В. П. Рагойшы «Паэтыка Максіма Танка: Культура вобраза. Характар верша» [2], у якой літаратуразнаўцам даследуюцца найбольш характэрныя рысы паэзіі і стылю пісьменніка. Асаблівую ўвагу даследчык звяртае на такія аспекты, як паэтычная ўмоўнасць у лірыцы М. Танка, імкненне аўтара да сінтэтычнага адлюстравання рэчаіснасці, узрастанне метафорыка-псіхалагічнага абагульнення ў канкрэтна-пачуццёвым вобразе творцы, гарманічнае суіснаванне ў яго паэзіі купалаўскай рамантычнай умоўнасці і коласаўскай рэалістычнай канкрэтнасці мастацкага мыслення, што выяўляецца ў арганічным спалучэнні канкрэтна-пачуццёвага і ўмоўна-асацыятыўнага вобразаў, надзвычайная роля комплекснага вобраза як пераходу да «чыста» ўмоўна-асацыятыўнага вобраза – аднаго з характэрных для паэтычнай спадчыны пісьменніка. У пасляваеннай творчасці М. Танка В. П. Рагойша адзначае тэндэнцыю да рытмічнай разняволенасці паэтычнага радка, інтанацыйную дэфармацыю метра, танічную скіраванасць лірыкі паэта, «лагізаванасць» кампазіцыі яго твораў, арыентацыю на гутарковую мову, на ўсё слова як важную аснову сучаснай рыфмы аўтара. Дэкламацыйны і вольны вершы М. Танка літаратуразнаўца разглядае як адны з галоўных вех на шляху да верлібра. «Верш Максіма Танка пакідае прыемнае ўражанне цэласнасці, арганізаванасці. У ім нельга ўбачыць ні вобразнай какафоніі, ні інтанацыйнай адвольнасці, ні кампазіцыйнага сваволля. Замест какафоніі – гармонія, замест адвольнасці – арганізаванасць, замест сваволля – дысцыпліна. Менавіта гэта з’яўляецца асноўным якасным паказчыкам дасканаласці свабоднага верша Максіма Танка...» [2, с. 216], – падкрэслівае В. П. Рагойша.

У творчасці М. Танка, па словах даследчыка, усё большую ролю пачынаюць адыгрываць думка, развага, мастацкая логіка, філасофскае асэнсаванне рэчаіснасці, усё выразней праяўляюцца непасрэднасць інтанацыі, задушэўнасць тону, інтымнасць пера-

жывання, якое становіцца больш складаным і глыбокім. Кандэнсацыя вобразнага мыслення, ускладненне асацыятыўнасці, паглыбленне аналітычнасці вобраза – іх вытокі літаратуразнаўца бачыць у пашырэнні рытмічнай свабоды вершаў пісьменніка. Сугучныя ацэнкі выказваліся і ў працах У.А. Калесніка («Паэзія змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура», 1959; «Максім Танк. Нарыс жыцця і творчасці», 1981), Р.С. Бязозкіна (раздзел «Хлеб і песня» ў кнізе «Паэзія – маё жыццё: літаратурнакрытычныя артыкулы», 1989).

У кнізе М.М. Ароўкі «Максім Танк: Жыццё ў паэзіі» [3] даследуецца жыццёвы і творчы шлях лірыка, асабліва ўвага скіравана на майстэрства, паэтыку, разнастайнасць яго жанрава-стылёвых пошукаў. Літаратуразнаўца падкрэслівае, што ўжо на пачатку творчасці выяўляецца схільнасць М. Танка да жанравай формы верлібра (верш «На касагоры», 1930), да той паэтычнай культуры вобразна-асацыятыўнага мыслення, якую многія даследчыкі вылучаюць у яго паэзіі толькі на сучасным этапе. Пра заходнебеларускія свабодныя вершы аўтара як сталыя мастацкія творы сведчаць «Лісткі календара» (1970) – дзённікавыя запісы М. Танка. Пісьменнік, як зазначае М.М. Ароўка, у сваёй ранняй паэзіі стварыў «досыць самастойныя, эстэтычна вартасныя рэчы, напісаныя (гэта гучыць парадаксальна) яшчэ да “вучнёўскага перыяду”, які ў творчай біяграфіі паэта прынята абазначаць 1932–1935 гг.» [3, с. 33]. Гуманістычная накіраванасць, глыбокая чалавечнасць, прадметна-рэчыўная дэталёвасць, паэтызацыя першаасноў народнага жыцця, філасофскае пранікненне ў рэчаіснасць, складаная метафарычнасць – найважнейшыя штрыхі, якія з’яўляюцца стылевызначальнымі ў творчай спадчыне М. Танка, у тым ліку ў яго верлібравай паэзіі.

У кнізе Д.Я. Бугаёва «Паэзія Максіма Танка» [4] разам з глыбокім аналізам літаратурнай спадчыны пісьменніка, яго індывідуальнага мастацкага аблічча і эвалюцыі аўтарскага стылю сцвярджаецца вялікая заслуга паэта ў асваенні на беларускай літаратурнай «глебе» свабоднага верша, які, па словах даследчыка, «сваёй рытмічнай дысгарманічнасцю як бы спецыяльна нацэлены на трывожны стан чалавечай душы» [4, с. 276].

Народны характар паэзіі М. Танка, у якой выяўляецца самабытнасць мастацкага светабачання, і адначасова сувязь творчасці лірыка з эстэтычным вопытам ХХ ст. асэнсоўваюцца ў кнігах У.В. Гніламедава «Ад даўніны да сучаснасці: нарыс пра беларускую паэзію» і «Класікі і сучаснікі: артыкулы, нарысы, старонкі ўспамінаў». Свабодны верш для М. Танка – гэта «новая канцэпцыя жыцця, якое бачыцца паэту ў яго рэальным напаўненні, у разнастайнасці “высокага” і “нізкага”, у багаці штодзённай прозы» [5, с. 210]. Многія творы, у якіх лірык імкнецца адлюстраваць аблічча сучаснага свету, напісаны ў жанравай форме верлібра. Паэтычны рацыяналізм, філасофская скіраванасць творчых і духоўных пошукаў, некаторая стрыманасць у пачуццях – рысы, уласцівыя свабодным вершам М. Танка [5, с. 212]. Як зазначае літаратуразнаўца, «на прыкладзе сваіх таленавітых сучаснікаў М. Танк вучыўся знаходзіць неабходныя ў паэзіі крупіны прозы, узбудзіць вобраз, канкрэтызаваць паэтычныя перажыванні ў ёмістай метафары, думаць асацыятыўна» [5, с. 211].

Уплыў фарматворных і мастацка-эстэтычных здабыткаў М. Танка на паэзію многіх айчынных пісьменнікаў, у прыватнасці паэтаў «філалагічнага пакалення» (А. Лойка, А. Вяцінскі, Я. Сіпакоў, У. Караткевіч, М. Стральцоў, М. Ароўка і інш.), асвятляецца ў кнізе М.У. Мікуліча «Максім Танк і сучасная беларуская лірыка» [6]. Даследчык акцэнтуюе ўвагу на спецыфіцы танкаўскага верлібра, які будуецца на першакаштоўнасцях народнай мудрасці і маралі. Свабодны верш паэта «сам па сабе мяккі, лірычны, нярэдка настроены на глыбокі псіхалагічны аналіз, у ім досыць вялікае значэнне мае іронія, а часам і самаіронія» [6, с. 127]. Менавіта з імем М. Танка М.У. Мікуліч, як і многія іншыя літаратуразнаўцы, звязвае «эстэтычную спеласць» верлібра ў беларускай паэзіі.

Усебаковы анализ верлібраў М. Танка праведзены такімі даследчыкамі, як М.І. Мішчанчук (артыкулы «Максім Танк і традыцыі “адкрытай” літаратуры. Жанрава-стыльвая эвалюцыя творчасці», 1998; «“Думаць вершамі”: Максім Танк і традыцыі беларускай і рускай філасофскай лірыкі», 2008; раздзел «Максім Танк: да праблемы традыцыйнага і наватарскага» з манаграфіі «Класіка – сучаснасць – перспектывы: пра літаратурны працэс ХХ стагоддзя», 2009), І.С. Шпакоўскі (артыкул «Спецыфіка паэтыкі Максіма Танка», 1998), А. С. Гурская (артыкул «Максім Танк: шматграннасць творчай асобы», 1998), Я.А. Гарадніцкі (артыкул «Семантыка і сінтактыка танкаўскага вершаванага тэксту (да праблемы семіятычнага аналізу)», 2010), Г.Я. Адамовіч (артыкул «Знешнія і ўнутраныя ўплывы ў паэтычнай спадчыне Максіма Танка», 2010), Т. К. Грамадчанка (артыкул «Інтэртэкстуальнасць у лірыцы Максіма Танка», 2010), Н.В. Заяц (артыкул «“Гартаючы старонкі гісторыі...”: мастацкае асэнсаванне мінулага ў паэзіі Максіма Танка канца 1980-х – пачатку 1990-х гг.», 2012), В.У. Грынкевіч (артыкул «“Імперыя, у якой не заходзіць сонца...”: верлібры Максіма Танка», 2012), С.М. Тычына (артыкул «Біблейскія матывы ў творчасці Максіма Танка, 2014»), У.Ю. Верына, Ю.Б. Арліцкі (артыкул «Верлібр Максіма Танка в оригинале и в русском переводе», 2016), Т.А. Мотрэнка (артыкул «Верлібры-”інсайты” Максіма Танка ў кнізе “Мой каўчэг”: адметнасці зместу і гучання», 2020) інш. Большасць вышэйпазначаных артыкулаў змешчана на старонках зборнікаў матэрыялаў навуковай канферэнцыі «Танкаўскія чытанні», што рэгулярна праходзіць у Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка.

Апошнім часам усё большая ўвага даследчыкаў скіравана на вывучэнне верлібравай творчасці М. Танка ў самых розных яе аспектах. Так, даследаванню міфалагічных вобразаў Антычнасці ў творах, у тым ліку свабодных вершах, М. Танка прысвечана манаграфія А.У. Сузько «Антычнасць у беларускім кантэксце: антычныя матывы і вобразы ў паэзіі М. Танка» (2008). Ідэйна-тэматычныя паралелі верлібраў М. Танка з творамі турэцкага паэта Назыма Хікмета праводзіць У.В. Гніламедаў у артыкуле «Максім Танк і Назым Хікмет» (2012). Даследаванне паэзіі М. Танка з выкарыстаннем прыёмаў кагнітыўнай лінгвістыкі складае аснову артыкула Р.В. Дапіры «“Сцены ўздымаю і шыру вуглы”: канцэпт Сцяна ў лірыцы Максіма Танка» (2004). Акцэнт на ўсходніх традыцыях у беларускай мініяцюры зроблены А.П. Бязлепкінай у артыкуле «Хоку ў творчасці М. Танка і іншых беларускіх паэтаў» (2003). Асноўныя фармальныя і зместавыя асаблівасці верлібраў М. Танка, мастацкі пераклад і грунтоўнае знаёмства лірыка з творами сусветна вядомых мастакоў слова як перадумовы для ўзнікнення ў яго паэзіі свабоднага верша – усё гэта разглядаецца В.У. Ярцам у артыкуле «У промнях незвычайнага святла: верлібр Максіма Танка» (2012).

Такім чынам, спектр літаратуразнаўчых прац, у якіх даследуюцца мастацкія пошукі М. Танка ў рэчышчы ідэйна-тэматычнага зместу, жанравай формы, паэтыкі, дастаткова шырокі. Верлібр разглядаецца навукоўцамі пераважна ў кантэксце ўсёй паэзіі лірыка як важны, заканамерны этап яго творчасці. Тым не менш, важнай задачай на сённяшні дзень застаецца спецыяльнае даследаванне свабодных вершаў М. Танка ў аспекце іх нацыянальна-культурнай канцэптуальнасці, з акцэнтацыяй на тым, што ў формах верлібравых танкаўская дэманстратыўнасць у ментальна-этнічнай маркіраванасці вобразнага ладу з’яўляецца нехарактэрнай для сусветнай традыцыі, дзе верлібр разглядаецца як форма, скіраваная хутчэй на абстрагаванне ад нацыянальнай праблематыкі.

Спіс крыніц:

1. Дубоўская, Т. А. Акцэнтаваная нацыянальна-культурная канцэптуальнасць у свабодных вершах Максіма Танка / Т. А. Дубоўская // *Польмя*. – 2014. – № 10. – С. 149–159.
2. Рагойша, В. П. Паэтыка Максіма Танка: Культура вобраза. Характар верша / В. П. Рагойша ; пад рэд. М. Р. Ларчанкі. – Мінск : БДУ, 1968. – 227 с.

3. Арочка, М. М. Максим Танк : Жыщцё ў паэзіі / М. М. Арочка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 272 с.
4. Бугаёў, Д. Я. Паэзія Максіма Танка / Д. Я. Бугаёў. – 2-е выд., выпр., дап. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 311 с.
5. Гніламедаў, У. В. Ад даўніны да сучаснасці : Нарыс пра беларускую паэзію / У. В. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 246 с.
6. Мікуліч, М. У. Максим Танк і сучасная беларуская лірыка / М. У. Мікуліч. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 191 с.

References:

1. Dubovskaya, T. A. (2014). Akcjentavanaja nacyjanal'na-kul'turnaja kancjeptual'nasc' u svabodnyh vershah Maksima Tanka [The accentuated national-cultural conceptuality in Maxim Tank's verlibra]. Polymya, 10, 149–159. (In Belars.).
2. Ragoisha, V. P. (1968). Pajetyka Maksima Tanka: Kul'tura vobraza. Haraktar versha [The poetics of Maxim Tank: The Culture of the Image. The nature of the verse]. – Minsk: BSU. (In Bealarus.).
3. Arochko, N. N. (1984). Maksim Tank: Zhyccjo ў pajezii [Maxim Tank: Life in Poetry]. – Minsk: Science and Technology. (In Belarus.).
4. Bugaev, D. Ya. (2003). Pajezija Maksima Tanka [The poetry of Maxim Tank]. – Minsk: Belarusian Science. (In Belarus.).
5. Gnilomedov, V. V. (2001). Ad daŭniny da suchasnasci: Narys pra belaruskiju pajeziju [From antiquity to the present day: Essays on Belarusian poetry]. – Minsk: Mastackaja litaratura. (In Belarus.).
6. Mikulich, N. V. (1999). Maksim Tank i suchasnaja belaruskaja liryka [Maxim Tank and modern Belarusian lyrics]. – Minsk: Mastackaja litaratura. (In Belarus.).

УДК 811.161.3(072)+(043.3)

ШКОЛЬНЫ ПАДРУЧНІК ПА МОВЕ ЯК АДЗІНЫ ТЭКСТ

Л.С. Васюковіч

Віцебскі філіял Міжнароднага ўніверсітэта “МІТСО”

Артыкул прысвечаны праблеме вызначэння лінгваметадычнага статусу школьнага падручніка па мове як цэласнага, адзінага тэксту. Даказваецца, што з улікам набыткаў лінгвістыкі і педагогікі актуальны аналіз вучэбнага выдання ў каардынатах трыяды *моўная адукацыя – тэкст – вучань*. Асновай такога падыходу з'яўляецца дыдактычна арыентаваны змест, рэалізацыя ў падручніку вядучых тэкставых катэгорый – цэласнасць, завершанасць, падзельнасць, дыялагічнасць, прэцэдэнтнасць.

Цэласнасць падручніка трактуецца аўтарам як камунікатыўнае ўтварэнне, кампаненты якога, разнародныя паводле структуры, тэматыкі, аб'яднаныя дыдактычнай задачай, ствараюць адзіную сэнсавую прастору. Цэласнасць выдання выяўляецца ў тым, што разнажанравыя інфармацыйныя фрагменты інтэграваныя прадметным зместам, сістэмай працы па фарміраванні кампетэнцый навучэнцаў. Тэксты падручніка ўяўляюць сабой лінейную сукупнасць адзінак, паслядоўнае разгортванне зместу, дзе кожны кампанент звязаны з папярэднім і абумоўлены наступным. Інтэграванасць падручніка прадвызначаецца камунікатыўна-пазнавальнай устаноўкай, фактарам адрасата, прызначанасцю тэксту для пэўнага кантынгенту навучэнцаў, характарам пазнавальных задач, спецыфікай маўленчых сродкаў.

Ключавыя словы: тэорыя школьнага падручніка, падручнік як адзіны тэкст, вучэбны тэкст, цэласнасць падручніка, тэкставыя катэгорыі.

SCHOOL TEXTBOOK ON LANGUAGE AS A SINGLE TEXT

L.S. Vasyukovich

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

The article is devoted to the problem of determining the linguo-methodological status of a school language textbook as an integral, unified text. It is proved that, taking into account the achievements of linguistics and pedagogy, the current analysis of the educational publication in the coordinates of the triad language education - text - student. The basis of this approach is the didactically oriented content, the implementation in the textbook of the leading text categories - integrity, completeness, articulation, consistency, dialogue, precedence.

The integrity of the textbook is interpreted by the author as a communicative formation, the components of which, heterogeneous in structural, thematic terms, united by a didactic task, create a single semantic space. The integrity of the publication is manifested in the fact that information fragments of different genres are integrated by subject content, a system of work on the formation of students' competencies. The texts of the textbook are a linear set of units, a consistent deployment of content, in which each component is associated with the previous one and is conditioned by the next one. The integration of the textbook is predetermined by the communicative-cognitive attitude, the factor of the addressee, the purpose of the text for a certain contingent of students, the nature of cognitive tasks, and the specifics of speech means.

Key words: school textbook theory, textbook as a single text, educational text, text integrity, text categories.

У класічных працах па тэорыі школьнага падручніка (А.Р. Аруцюнаў, І.Л. Бім, У.П. Бяспалька, Н.Д. Гальскова, Д.Д. Зуеў, І.Я. Лернер, Я.І. Пасаў і інш.) тэкст зыходна прызнаецца асноўным кампанентам і традыцыйна падзяляецца на асноўны, дадатковы і паясняльны [1, с.103]. Аналагічная класіфікацыя тэкстаў – паводле дамінуючых функцый – развіваецца і канкрэтызуецца ў далейшых выданнях (напрыклад, 20 выпускаў серыі “Праблемы школьнага падручніка”). Сучасныя даследаванні кваліфікуюць статус падручніка, зыходзячы з новых рэалій: сацыяльны заказ грамадства, філасофія адукацыі, кампетэнтнасная адукацыйная парадыгма, вядучыя дыдактычныя падыходы, актуалізацыя ролі мультымедычных сродкаў і г.д. З улікам набыткаў лінгвістыкі і педагогікі з’яўляецца неабходнасць разглядаць праблему школьнага падручніка ў рэчышчы трыяды *моўная адукацыя – тэкст – вучань*, што, на думку Я.І. Пасава, служыць асновай для разумення праблемы стварэння школьных падручнікаў не як прыватнай дзейнасці складальнікаў вучэбных кніг, а “як справы дзяржаўнага значэння” [2, с. 39]. У сувязі з гэтым хацелася б падкрэсліць значнасць папярэдніх набыткаў у галіне тэорыі школьнага падручніка. Эвалюцыя навуковых поглядаў на любую педагагічную з’яву мае на ўвазе зменлівасць адукацыйнай парадыгмы, што прадугледжвае не замену, а дыялектычную трансфармацыю, захаванне найбольш прадуктыўных рыс, кансерватыўны, рацыянальны характар змен у сістэме ведаў, узораў дзейнасці, адэкватныя пэўнаму этапу развіцця грамадства. Змест сучаснай моўнай адукацыі арыентаваны на аксіялагічныя вектары метадычных даследаванняў, абумоўленыя як сацыяльным заказам на падрыхтоўку носьбіта каштоўнасцей нацыянальнай і сусветнай культуры, так і дасягненнямі лінгвістычнай і педагагічнай навукі. Новы погляд лінгвістыкі на ўласны аб’ект даследавання адлюстроўвае дынаміку пазнання такога феномена, як тэкст, у аспекце фармулёўкі прыярытэтнай адукацыйнай мэты – фарміраванне моўнай асобы, здольнай інтэграваць уласную культуру ў дыялог іншых культур.

У рэчышчы тэорыі тэксту школьны падручнік уяўляе сабой адзіны тэкст, які складаецца з розных, адносна самастойных тэкстаў. Апэрыраванне паняццем адзінага тэксту дазваляе пазбегнуць інтэрпрэтацыі асобных кампанентаў як разрозненых, ізаляваных. Ідэя адзінага тэксту садзейнічае пераадоленню фармальнай дыскрэтнасці падручніка, служыць падставай знітаваць, аб'яднаць састаўныя часткі, не зважаючы на іх поліморфны характар. З камунікатыўна-функцыянальных пазіцый падручнік будзем разглядаць як цэласны феномен, як «тэкст тэкстаў» (макратэкст), аб'яднаны паняццямі сістэмы і камунікатыўнасці. У такім разе падручнік лагічна трактаваць як выданне з пэўным мноствам кампанентаў – асобных вучэбных тэкстаў, што ўтвараюць зместавае, структурнае і функцыянальнае адзінства, інтэграванае дыдактычным прызначэннем.

Спецыфіка падручніка як адзінага тэксту прадвызначаецца вучэбнай сферай пазнання. Дыдактычна мадыфікаваны тэкст выдання прадстаўлены рознафарматнымі кампанентамі (вербальны / графічны / ілюстрацыйны; традыцыйны/электронны) з уласцівымі катэгорыямі звязнасці, мадальнасці, завершанасці, функцыямі інфармавання і ўздзеяння на чытача. Менавіта вядучыя катэгорыі тэксту як асноватворныя паняцці абумоўліваюць параметры адзінкі. Падручнік як мноства (часам разнародных, але дыдактычна мэтазгодных) кампанентаў утварае функцыянальнае адзінства з улікам зместу, структуры і дыдактычнага прызначэння.

Так, *цэласнасць* вылучаецца як найважнейшая, фундаментальная адзнака тэксту, як сэнсавае адзінства падручніка. На думку А.А. Лявонцьева, “не той тэкст цэласны, які цэласны для таго, хто гаворыць, а той, які цэласна ўспрымаецца чытачом” [3, с. 12]. Мы ўсведамляем цэласнасць як камунікатыўную, маўленчую з’яву, а звязнасць трактуем як граматычны, другасны паказчык. У гэтым выпадку цэласнасць выдання прадыхавана аўтарскай канцэпцыяй складальнікаў, падтрымліваецца адзінствам падыходаў, дэклараваных у нарматыўных дзяржаўных дакументах (адукацыйны стандарт, вучэбная праграма), агульнасцю канцэпцыі, мэтанакіраваным адборам тэкстаў, ілюстрацыйных матэрыялаў аўтарскім калектывам. Пры камунікатыўным падыходзе найважнейшай адзнакай тэксту з’яўляецца не звязнасць як фармальна-структурнае праяўленне сінтаксічнай арганізацыі, а цэласнасць як феномен суаднясення тэксту з пэўным тэматычным полем. Адрозненне падручніка ад асобнага тэксту (напрыклад, мастацкага/навуковага твора), у якім іерархічна звязаныя кампаненты адлюстроўваюць галоўную думку аўтара, заключаецца ў тым, што цэласны падручнік-тэкст мае менш жорсткі, варыятыўны характар пабудовы, у ім магчымыя свабодныя замены матэрыялаў, іх перастаноўка, трансфармацыя. Гэтая «вольнасць» у заменах не разбурае агульнай канструкцыі вучэбнага выдання.

Спецыфіка цэласнасці падручніка як тэксту прадвызначаецца тым, што асобныя кампаненты, нягледзячы на структурную і тэматычную разнароднасць, знітаваныя камунікатыўна-дыдактычнай задачай, што выяўляе змест як рэпрэзентацыю ведаў пра свет і чалавека. У гэтым рэчышчы падручнік можна трактаваць як тэкст перарывістай, несущэльнай структуры, што рэалізуецца як цэласнасць на аснове зместавай інфармацыі і дыдактычнага прызначэння.

Падручнік як адзіны тэкст характарызуецца *завершанасцю і падзельнасцю*. *Завершанасць* як тэкставая катэгорыя не мае фармальных паказчыкаў, яна праяўляецца на зместавым узроўні. Як падкрэслівае І.Р. Гальперын, “калі, на думку стваральніка, запланаваны вынік дасягаецца шляхам разгортвання тэмы – тэкст завершаны” [4, с. 131]. Падручнік як інтэграцыя асобных тэкстаў набывае завершанасць, прадыхаваную аб’ёмам вучэбнай інфармацыі, прадугледжанай праграмай. Завершанасць увасабляецца праз матэрыяльныя знакі – пачатак, канец, назва тэксту. Завершанасць тэксту звязана з паняццем *падзельнасці*. Сігналам падзельнасці, «асобнасці» тэкстаў з’яўляюцца межы, акрэсленыя пачаткам і заканчэннем матэрыялу параграфу, рубрыкай *дамашняе заданне*, пытаньня-

мі для абагульнення, самаправеркі і інш. Падручнік уключае тэксты як дыскрэтныя кампаненты, узаема сувязь якіх адлюстроўваецца ў дыдактычнай пары: макратэкст – мікратэкст, першасны – другасны тэкст, вусны – пісьмовы тэкст, тэкст для слухання/для чытання, тэкст для гаварэння/для пісьма і г.д.;

– *камунікатыўнасць вучэбнага тэксту*. Тэксту як сістэмнаму ўтварэнню ўласціва камунікатыўнасць, ён зыходна разлічаны на разуменне. Тэкст першасна арыентаваны на перадачу інфармацыі, на дыялог з чытачом/слухачом /Другім. Ігнараванне камунікатыўнага прызначэння адзінкі прыводзіць да таго, што навучэнец можа застацца чытачом, які ўспрымае толькі паверхневы ўзровень тэксту. Рэалізацыя камунікатыўнага патэнцыялу адзінкі прадугледжвае сістэмную працу з вучэбным тэкстам як пераход з рэжыму маналогу ў дыялог, у палілог;

– *дыдактычная арыентаванасць* адзінкі. Вучэбны тэкст мае адкрыты, незамкнёны характар, разлічаны на розныя катэгорыі чытачоў. Аб’ём інфармацыі, заключанай у тэксце, – велічыня дыялектычная. Дыдактычная «вага» вучэбнага тэксту неаднолькавая для чытачоў. Тэкст можа інтэрпрэтавацца па-рознаму ў залежнасці ад наяўных ведаў, сфарміраваных уменняў, вопыту дзейнасці, інтарэсаў. Чытач стварае ўласную праекцыю адзінкі, залежную не толькі ад зыходнай інфармацыі, але і ад патэнцыяльных магчымасцей таго, хто ўспрымае тэкст (Г.В. Калшанскі, Н.А. Купіна, В.Ф. Русецкі і інш.). Дыдактычная ўстаноўка тэксту арыентавана на засваенне лексіка-семантычнай, тэрміналагічнай сістэмы, граматычных канструкцый, маўленчых формул. Нягледзячы на тое, што падручнік раскрывае канкрэтны змест пэўнай галіны, вучэбны тэкст утрымлівае агульнадыдактычныя спосабы яго праектавання ў розных прадметных сферах. Зместава-структурнае адзінства тэксту падразумявае ўстойлівую аднатыпную арганізацыю, пэўную аднастайнасць маўленчага афармлення;

– *сегментаванасць вучэбнага тэксту* азначае, што па меры падачы інфармацыі макратэкст канкрэтызуецца, удакладняецца, падзяляецца на дыдактычныя фрагменты. Неабходнасць сегментацыі становіцца сутнаснай прыметай вучэбнага тэксту, што тлумачыцца дзвюма прычынамі. Па-першае, падручнік уяўляе сабой адзіны тэкставы кантынум, па сваёй дыдактычнай сутнасці ён выступае непадзельным. Па-другое, камунікатыўны характар вучэбных тэкстаў, асаблівасці іх успрымання дыктуюць неабходнасць квантаванасці матэрыялу з мэтай яго адэкватнага асэнсавання і разумення. Сегментацыя праяўляецца ў паслядоўнасці, прадстаўленасці тэкстаў розных жанраў, у чаргаванні традыцыйных, стандартных і экспрэсіўных кампанентаў, падачы вербальнай і невербальнай інфармацыі. Сегментацыя адзінкі – своеасаблівы дыдактычны прыём, арыентаваны на аптымізацыю успрымання суцэльнай інфармацыі;

– *дыялагічнасць* як ключавы параметр вучэбнага тэксту арыентуе выказванне на зносіны, на ўзаемаразуменне. Дыялагічнасць разглядаецца як прынцып арганізацыі тэкставай прасторы падручніка. У працах М.М. Бахціна адзначаецца, што “дыялагічныя адносіны ... гэта амаль універсальная з’ява, якая пранізвае ўсё маўленне чалавека і ўсе адносіны і праявы чалавечага жыцця” [5, с. 49]. Вучэбны тэкст канкрэтызуе статус удзельнікаў дыялогу – складальніка падручніка (адрасанта) і чытача-навучэнца (адрасата). Дыялагічнасць праецыруе дзейнасць камунікантаў, неабходнасць улічваць адрасантам патэнцыяльныя рэакцыі адрасата (напрыклад, разуменне/неразуменне зместу адзінкі). Дыялагічнасць вучэбных тэкстаў назіраецца ва ўзаемадзеяннях *чытач – вучэбны тэкст, навучэнцы як чытачы, вучань – тэкст – настаўнік* з прыярытэтнай устаноўкай на фарміраванне чытацкай пісьменнасці, што падразумявае актыўны дыялог з тэкстам з мэтай атрымаць, зразумець і скарыстаць інфармацыю ў пазнавальных і жыццёвых сітуацыях.

Дыялагічныя адносіны на аснове вучэбнага тэксту ўзнікаюць не адвольна, а паводле задумы складальнікаў, для гэтага выкарыстоўваюцца спецыяльныя сродкі і пры-

ёмы. Формамі дыялагізацыі выступаюць: зварот да чытачоў, да аўтарытэту вучоных праз цытаванне, упамінанне прозвішчаў, назваў прац, сістэма пытанняў, вобразная падача інфармацыі праз выкарыстанне метафар, параўнанняў, прыкладаў-ілюстрацый, імператыўныя формы як спосабы пераканаць, запрасіць да ўдзелу ў сумесных разважаннях, калектыўных пошуках лінгвістычнай ісціны.

Дыялагічнае ўзаемадзеянне *чытач – вучэбны тэкст* рэалізуецца праз афармленне тэкстаў падручніка з дапамогай паралінгвістычных сродкаў (графічная сегментацыя тэксту, колеравыя і шрыфтавыя выдзяленні, рамачнае размяшчэнне матэрыялу і інш.). Камунікацыя з чытачом забяспечвае дыялог тэкстаў падручніка, спрыяе выяўленню розных пазіцый, асэнсаванню аўтарскага пункта погляду. Дыялагічны характар заданняў працэдуруюць характар і змест маўленчых паводзін у разнастайных жыццёвых сітуацыях: *навучэнец – настаўнік, мовазнаўца (навуковец) – навучэнец, даследчык, дакладчык – апанент, пісьменнік – навучэнец, крытык – навучэнец, кіраўнік – выканаўца* і інш. Розныя сэнсавыя пазіцыі дазваляюць сфармуляваць уласную праекцыю тэксту, маўленчай сітуацыі. Праз такія заданні выпрацоўваецца новы погляд на вырашэнне праблемы, назапашваецца вопыт прымаць супярэчлівыя меркаванні, адбіраць моўныя сродкі, што выяўляюць спецыфіку кожнага статусу, рознааспектнае бачанне задачы. Праз вучэбныя тэксты падручніка ствараецца дыялог як рэальнае быццё, фундаментальная ўласцівасць мовы, паколькі “дыялагічнасць пазнання замацаваная ў структуры гатовага тэксту” [5, с. 59].

Падручніку як цэласнаму аб’екту ўласцівая такая тэкставая катэгорыя, як *прэцэдэнтнасць*. Прэцэдэнтныя тэксты вызначаюць дамінаванне структуры выдання. Істотнымі выступаюць мэтанакіраваны адбор і спосаб прадстаўлення прэцэдэнтных тэкстаў, залежны ад канцэптуальных пазіцый складальнікаў. Тэкст як форма існавання культуры асэнсоўваецца як каштоўнасць, вербалізаваная ў слове. З мэтай прадухіліць эпізодычны, спарадычны зварот да прэцэдэнтных тэкстаў перспектыўным бачыцца іх прэзентацыя ў сістэме кодаў культуры як пэўнай “паняційнай сеткі”, засвойваючы якую, вучань як носьбіт мовы “катэгарызуе, структурыруе і ацэньвае навакольны і ўласны ўнутраны свет” [6, с. 147]. У падручніку павінны быць рэпрэзентаваны “базавыя” коды, якія забяспечваюць засваенне эталонаў маўлення. Гласарый лінгвакультурных кодаў адлюстроўвае нацыянальную спецыфіку культуры кожнага народа, што спасцігаецца праз родную мову. Гэта, на нашу думку, паслужыць цэласнаму асэнсаванню мовы, тэксту не як “сховішча” граматычных канструкцый і правіл, а як з’явы нацыянальнай культуры, універсальнага сродку, першасна арыентаванага на суб’яднальніка – рэальнага, патэнцыяльнага або віртуальнага. Рацыянальнай бачыцца ідэя класіфікацыі прэцэдэнтных адзінак з улікам тэматычнай прыналежнасці ключавога слова ў кодах культуры (касмаганічны, прадметны, харчовы, заморфны, каларатыўны, прасторавы, тэмпаральны, духоўны коды, інтэграваныя характарыстыкай чалавека, яго паводзін, псіхічнага або фізічнага стану), прапанаваная даследчыкамі В.А. Маславай і М.У. Піменавай [7, с. 69 – 84]. Тым больш, што беларуская лінгвістыка, фалькларыстыка маюць салідныя даследаванні арніталагічнага, колеравага, дэндралагічнага і іншага кодаў. Напрыклад, сістэмны аналіз тэкстаў беларускай дэндралагічнай тэматыкі паслужыў асновай выяўлення механізмаў сімвалізацыі, якія канкрэтызуюцца паводле асаблівасцей жанру. Так, у калядных, купальскіх, вясельных песнях, звязаных з каляндарнай традыцыяй, дрэва выступае знакам ключавога месца-часу, сімвалам касмічнай арганізацыі. Вобразы дрэў пры гэтым “функцыянуюць як сімвалічны код, генетычна звязаны са старажытнымі касмалагічнымі ўяўленнямі беларусаў” [8, с. 7]. Сучасныя навуковыя набыткі здольныя забяспечыць лінгвакультурную каштоўнасць вучэбных тэкстаў падручніка, якія сукупна рэпрэзентуюць мову і культуру народа, замацаваныя ў калектыўнай свядомасці як цэласнае ментальнае ўтварэнне. Назапашаны лінгвакульту-

ралагічны вопыт навучэнцаў фарміруе разуменне лінгваэтнакультурнай спецыфікі роднай мовы ў мультылінгвальным кантэксце, што на фоне глабалізацыйных працэсаў дазваляе захаваць індывідуальную манеру маўленчых паводзін, нацыянальны стыль зносін.

Такім чынам, тэксты школьнага падручніка ў сваёй сукупнасці ўтвараюць адзіны тэкст, інтэгравана адлюстроўваюць агульную полікультурную прастору. З’яўляючыся тэкстам нетрадыцыйным – з прычыны асаблівасцей дыскрэтнай структуры – падручніку ўласцівыя найважнейшыя параметры: *цэласнасць, завершанасць, падзельнасць, камунікатыўнасць, дыялагічнасць, прэцэдэнтнасць, дыдактычная арыентаванасць*.

Спіс крыніц:

1. Зуев, Д. Д. Школьный учебник: монография / Д. Д. Зуев. – М. : Педагогика, 1983. – 240 с.
2. Пассов, Е. И. Учебник как феномен сферы иноязычного образования / Е. И. Пассов // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 4. – С. 39 – 46.
3. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии : избр. психологич. труды / А. А. Леонтьев. – М. : ППСИ, 2001. – 444 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин / отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд. 9-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 144 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
6. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
7. Маслова, В. А., Пименова, М. В. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2018. – 180 с.
8. Швед, И. А. Дэндралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору: манаграфія / И. А. Швед. – Брэст : БрДУ, 2004. – 301 с.

References:

1. Zuev, D. D. (1983). Shkol'nyj uchebnik: monografija [School textbook: monograph]. – Moscow: Pedagogy Publ. (In Russ.).
2. Passov, E. I. (2004). Uchebnik kak fenomen sfery inozazychnogo obrazovaniya [Textbook as a phenomenon in the sphere of foreign language education]. Inostrannye jazyki v shkole, 4, 39 – 46. (In Russ.).
3. Leont'ev, A. A. (2001). Jazyk i rechevaja dejatel'nost' v obshhej i pedagogicheskoj psihologii: izbr. psihologich. Trudy [Language and speech activity in general and pedagogical psychology: selected psychological works]. – Moscow: PPSI Publ. (In Russ.).
4. Gal'perin, I. R. (2016). Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Resp. ed. G.V. Stepanov. Ed. 9th. – Moscow: LENAND Publ. (In Russ.).
5. Bahtin, M. M. (1986). Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Ed. 2th. – Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.).
6. Pimenova, M. V. Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii [Soul and Spirit: Features of Conceptualization]. – Kemerovo : IPK «Grafika» Publ. (In Russ.).
7. Maslova, V. A., & Pimenova, M. V. (2018). Kody lingvokul'tury [Linguistic culture codes]. Ed. 3th. – Moscow: FLINTA: Nauka Publ. (In Russ.).
8. Shved, I. A. (2004). Djendralagichny kod belaruskaga tradycyjnaga fal'kloru: managrafija [Dendrological code of Belarusian traditional folklore: monograph]. – Brest: Brest State University Publ. (Un Belarus.).

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ vs СТРАНОВЕДЕНИЕ
vs ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Е.Б. Лавицкая

Средняя школа № 40 г. Витебска имени М.М. Громова

The article is devoted to the issue of differentiation of the concepts of linguoculturology, regional studies and linguo-cultural studies, which is relevant for modern linguistic didactics. Pedagogical science and methods of teaching a foreign language often do not distinguish between these categories, considering them as synonymous. However, in the system of competencies formed when teaching a foreign language, it is important to understand their qualitative characteristics.

The regional studies potential of the discipline “Foreign Language” is focused on getting students acquainted with the physically measurable realities of the world around them: the geography of the country, its political structure and social landscape, sports, the education system, etc. Linguistic and regional knowledge allows us to correlate country-specific information with various nominations and language descriptions. Linguoculturology is a research direction, the focus of which is the relationship between language and culture, is realized in the study of the specifics of the national markedness of the picture of the world.

Ключевые слова: лингвострановедение, страноведение, лингвокультурология, методика преподавания иностранного языка, компетенции.

**LINGUOCULTUROLOGY vs LOCAL STUDIES
vs LINGUISTIC STUDIES IN THE SYSTEM OF EDUCATION
FOREIGN LANGUAGE**

E.B. Lavitskaya

Secondary M.M. Gromov school No. 40 in Vitebsk

The article is devoted to the issues of differentiation of the concepts of linguoculturology, regional studies and linguo-cultural studies that are topical for modern linguistic didactics. Pedagogical science and methods of teaching a foreign language often do not distinguish between these categories, considering them as synonymous. However, in the system of competencies formed when teaching a foreign language, it is important to understand the qualitative characteristics of the relevant competencies.

The country-specific potential of the discipline “Foreign Language” is focused on familiarizing students with the physically measurable realities of the real world: the geography of the country, its political structure and social landscape, sports, the education system, etc. Linguistic and regional knowledge makes it possible to correlate country-specific information with their nominations and language description. Linguoculturology is a research direction that studies the relationship between language and culture, is implemented in the study of the specifics of the national markedness of the picture of the world.

Key words: similes, anthropocentric approach, national picture of the world, standard, linguistic cultures.

Лингвокультурология прочно закрепилась как обязательный аспект организации образовательного процесса по иностранному языку. Однако понимание данного дидактического аспекта не получило должного осмысления в научной педагогической литературе. Более того, зачастую к лингвокультурологическим задачам обучения причисляют воспита-

тельные функции занятий. Такое положение дел обусловило наш интерес к проблеме формирования лингвокультурологической компетенции на уроках иностранного языка.

Лингвокультурология – это научное направление, возникшее на стыке диалектического взаимодействия лингвистики и культурологии и исследующее проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Значимым здесь является «стыковый» характер, что понимается не как «сумма знаний», а новая научная отрасль, способная обеспечить получение новых данных. Начатые в 90-х гг. XX в. достаточно активные изыскания в указанном направлении получили серьезную поддержку среди самых видных лингвистов и воплотились в целой плеяде исследовательских работ. Сформировались соответствующие научные школы. Все это помогло в осознании необходимости экспликации лингвокультурологических основ в иные отрасли – в первую очередь, прикладные. Очевидной целью стала методика преподавания иностранных языков, что помогло перейти ей на качественно новый уровень своей экзистенции – к пониманию необходимости формирования у личности не некоего объема структурно-лингвистической информации, а компетенций адекватного обеспечения межкультурного диалога, то есть коммуникации с присущей ей экстраязыковым фоном.

Для лингвистики XXI в. аксиоматично положение о том, что язык – это культурный код нации, а не просто средство общения и инструмент познания (хотя основы такого подхода были заложены еще в работах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, В.В. Виноградова и др.). Так, В. Гумбольдт писал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [1, с. 123]. Языковая материя – это не только способ отображения реальности, но способ ее интерпретации, то есть создания особой реальности, в которой живет человек. По сути, язык – это «дом бытия» (понятие Л.М. Хайдеггера). Именно поэтому лингвистика находится в современном научном авангарде.

Язык – это особый путь постижения ментальных основ нации, а значит – ее культуры, истории, национальной философии бытия. Отражение всего этого обнаруживается в паремиологическом фонде, метафорах и символах культуры. Отсюда ключевая формула: язык есть часть культуры = язык есть ретранслятор культурного кода. Генеральная цель лингвокультурологии – исследование языка как системы воплощения, хранения и трансляции культурного кода ее носителей.

Таким образом, обучение иностранному языку являет собой особый тип «вхождения» в иноязычную культуру. Практически каждая языковая личность принадлежит к конкретной национально-этнической общности, чьими отличительными чертами являются собственные литература, музыка, декоративно-прикладное искусство и т.д.: «Язык – это путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [2, с. 26].

В школьной (да и вузовской) дидактике лингвокультурологический компонент обучения иностранному языку зачастую подменяется категориями, связанными со страноведением и лингвострановедением. Оба направления, безусловно, самым непосредственным образом связаны с языковым образованием, однако не ориентированы на целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отраженных в языке. Язык через значение выходит в мир, значение – это тропинка, которая соединяет язык с внеязыковой реальностью. За языковыми явлениями лежит определенная социокультура. За языковой картиной мира лежит социокультурная картина мира [3, с. 994].

Страноведение относится к прикладным лингвистическим дисциплинам и ориентировано на изучение реалий иностранного государства: его политического устройства и административно-территориального деления, экономики и социально-демографической картины, важных культурных символов и др. Иными словами, исследованию подвергаются физически измеримые объекты реального мира (люди, здания,

ландшафт, органы государственного управления и т.д.) – «различные грани: физико-географическое, экологическое, историко-культурное, этноконфессиональное, лингвистическое, социально-экономическое и политическое» [4, с. 7]. Данный компонент имеет также большую актуальность для образовательного процесса, так как позволяет в определенной степени «визуализировать» иноязычное пространство.

Лингвострановедение как исследовательское направление впервые оформилось в отечественной науке благодаря работе В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам» [5]. Сам термин «лингвострановедение» в указанной статье был приближен к категории лингвокультурологии, так как речь шла об использовании страноведческих фактов в процессе изучения языка и приемах ознакомления учащихся с новой для них языковой культурой. Однако в более поздних работах понимание лингвострановедения было скорректировано, и главный объект внимания сместился в сторону изучения специфики номинации и использования языка для обозначения страноведческих реалий (например, разница в формате указания дат в: ДД.ММ.ГГ для Европы и ММ.ДД.ГГ для США).

Грамотное межкультурное общение осуществляется не только посредством использования языкового кода, но и при его соответствии внелингвистическим характеристикам речевого взаимодействия. Приведем несколько примеров, позволяющих дифференцировать лингвокультурологический, страноведческий и лингвострановедческий компоненты обучения иностранному языку.

Задание лингвокультурологического характера:

Переведите на английский язык следующие слова: сутки, однофамилец, кипяток.

Такой тип задания (на перевод) при всей своей незатейливости позволяет актуализировать понимание обучающимися факта наличия безэквивалентной лексики как показателя национально-культурной специфики языковой картины мира: сами понятия, представленные для перевода, разумеется, существуют как объекты реального мира и у русскоязычных, и у англоязычных народов, однако специальные номинации для них были придуманы только первыми. Данный пример наглядно демонстрирует, как язык отражает мировосприятие.

Пример страноведческого задания:

Подготовьте меню для завтрака (шведский стол) в гостинице «London».

В данном случае учащимся придется актуализировать свои знания привычек и обычаев Великобритании, то есть продемонстрировать владение информацией о реалиях быденной жизни англичан. Наличие соответствующих компетенций проявляется, если будут предложены традиционные для жителей страны блюда национальной кухни: жареный бекон, овсяная каша, чай и т.д.

Лингвострановедческий компонент являет собой реализацию языковой специфики национального характера в призме страноведческих реалий. Приведем пример такого рода практического задания:

Найдите карту Нью-Йорка в районе Гамильтон-парка. Придумайте названия для улиц, обозначенных как 1th–7th Street. Обоснуйте свой выбор.

В данном случае обучающиеся знакомятся с лингвострановедческими реалиями такой англоязычной страны, как США, – номинацией улиц. Компоненты дорожно-уличной инфраструктуры представляют собой страноведческие знания, а их названия относятся к собственно языковому компоненту.

Таким образом, при обучении иностранному языку актуальными являются не только собственно языковой компонент, реализующийся в парадигме структурной лингвистики, но страноведческий, лингвострановедческий и лингвокультурологический компоненты. Несмотря на близость своих метаданных (цели, объекта, предмета и т.д.), данные аспекты отличаются. Страноведческие знания помогают представить образную картину иноязыч-

ной страны: географическое и административно-политическое устройство, социальный и культурный ландшафты. Лингвострановедческий компонент изучает особенности номинации и языкового описания страноведческих реалий. Лингвокультурологические знания более глубокие, так как позволяют представить через языковой материал национально-культурные особенности картины мира носителей иностранного языка.

Список источников:

1. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и влияния на духовное развитие человечества (1830-1835) / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 436 с.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. ; общ. ред. и вст. ст. А. Е. Кибрика. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
3. Шарипова, Н. Э. Лингвокультурология как новое направление в системе преподавания иностранного языка / Н. Э. Шарипова // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (83). – С. 993–994.
4. Севастьянов, Д. В. Страноведение и международный туризм : учебник для вузов / Д. В. Севастьянов. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 327 с.
5. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Докл. на междунар. симпозиуме «Страноведение и преподавание рус. яз. как иностр.», Ленинград, 22–26 июня 1971 г. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 25–29.

References:

1. Gumbol'dt, V. (1984). O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva (1830–1835) [On the difference in the structure of human languages and the impact on the spiritual development of mankind (1830-1835)]. In Gumbol'dt, V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Humboldt, W. Selected works on linguistics]. – Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Sepir, Je. (1993). Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]. Ed. A.E. Kibrik. – Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers». (In Russ.).
3. Sharipova, N. Je. (2016). Lingvokul'turologija kak novoe napravlenie v sisteme prepodavaniya inostrannogo jazyka [Cultural linguistics as a new direction in the system of teaching a foreign language]. Molodoj uchenyj, 3 (83), 993–994. (In Russ.).
4. Sevast'janov, D. V. (2020). Stranovedenie i mezhdunarodnyj turizm: uchebnik dlja vuzov [Country studies and international tourism: a textbook for universities]. – Moscow: Izdatel'stvo Jurajt. (In Russ.).
5. Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1971). Lingvisticheskaja problematika stranovedenija v prepodavanii russkogo jazyka inostrancam [Linguistic problems of regional studies in teaching Russian to foreigners]. In Dokl. to the international Symposium “Country Studies and Teaching Russian. lang. as a foreigner”, Leningrad, June 22-26, 1971 (pp. 25–29). – Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

ТЕОРИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА. СЕМАНТИКА

УДК 811.111-26

ИНТРА- И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА

Е.А. Красина

Независимый исследователь, г. Москва

Онтологический статус дискурса как интегрального компонента речевой деятельности характеризуется и уточняется со стороны его интра- и экстралингвистических параметров, прежде всего, с опорой на ключевое понятие «пространства», «мира» как одного из ключевых понятий нового философствования, по Ю.С. Степанову, и «дома бытия языка», по М. Хайдеггеру. Регулятором взаимодействия текста и дискурса становится говорящий субъект, который, присваивая пространство, изменяет его, превращая в четырехмерное когнитивное пространство бытия в пределах «одного из возможных ментальных миров».

Ключевые слова: дискурс, текст, интралингвистические и экстралингвистические параметры, пространство, ментальный мир, онтологический статус.

INTRA- AND EXTRALINGUISTIC PARAMETERS OF DISCOURSE FROM THE POINT OF VIEW OF ITS ONTOLOGICAL STATUS

E.A. Krasina

Independent researcher, Moscow

Ontological status of discourse as an integral component of speech activity is characterized and specified considering its intra- and extralinguistic parameters? Above all, basing on the key notion of “space”, “world” as one of the key terms of the new philosophizing, according to Yu.S. Stepanov, and the notion of “the house of language being”, according to M. Heidegger. Speaking subject makes the regulator of the text and discourse interaction, while acquiring the space, it changes it turning into the four-dimensional cognitive of being within the frames of “one of the possible mental worlds”.

Key words: discourse, text, intralinguistic and extralinguistic parameters, space, mental world, ontological status.

Во второй половине XX века в рамках лингвистики текста выделяется еще один объект – дискурс, получивший статус «единицы, выходящей за пределы привычных синтаксических образований – предложения и словосочетания, что позволило обозначить переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса и сформулировать основы теории дискурса [1, с. 8].

Постепенно, отгалкиваясь от реалий синтаксической системы – высказывания-предложения и текста, дискурс расширяет свои границы и включает экстралингвистические параметры, например, знания о мире, установки говорящего, реакции адресата и др., что, по М. Фуко, дает понимание дискурса как «иерархии знаний» [2].

Собственно лингвистический – синтаксический компонент сочетает в себе структуру, семантику и функцию, что позволяет Н.Д. Арутюновой сформулировать два подхода к дискурсу: с одной стороны, это «текст, взятый в событийном аспекте», а с другой, – это «речь, погруженная в жизнь» [3, с.137]. Еще шире, по Л. Витгенштейну, дискурс способен приобретать функцию формы жизни [4].

История термина дискурс начинается с трудов Э. Бюиссанса [5] и Э. Бенвениста [6, с. 312], и оба исследователя, исходя из триады Ф. де Соссюра «язык – речь – речевая деятельность» обозначают область существования дискурса: это речевая деятельность и одновременно некоторое промежуточное звено, область определения между языком и речью, при том, что *discourse* объединяет их и комбинирует, а говорящий посредством реализации полученных комбинаций использует код языка (...). Речь же играет роль механизма или инструмента, позволяющего осуществлять эти комбинации» [6, с. 454]. В свою очередь, Э. Бенвенист своей известной антиномией *discourse vs récit*, придает дискурсу статус речевого произведения, утверждая, что дискурс-высказывание (а не повествование) «возникает каждый раз, когда мы говорим», при этом «нельзя упускать из вида своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного» [6, с. 312].

Часто цитируемое энциклопедическое толкование термина дискурс предполагает, что это не исключительно «речь, погруженная в жизни», но и «речь, как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах)», и как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [3, с. 136–137].

Таким образом, уже у истоков своего существования дискурс осознается как многомерное полипарадигмальное явление, которое отличают интра- и экстралингвистические параметры: «Сочетая интра- и экстралингвистические параметры, дискурс все более обнаруживает две тенденции: центробежную – от формально-структурного ракурса исследования и центростремительную – к внешнему событийному, ситуационному, социально-ориентированному контексту коммуникации и её участников. Категория дискурса в целом и его собственные категории находятся в процессе становления, который базируется на функциональном и когнитивном исследовании этого междисциплинарного объекта» [8].

Что касается онтологической характеристики экстралингвистических параметров дискурса, Ю. С. Степанов исходит из оппозиции «система (языка. – Е.К.) и текст vs дискурс». Тогда исходным понятием для интерпретации дискурса выступает «Пространство», по Ю.С. Степанову, – «ключевое слово нового философствования», а его «близким синонимом» становится «Мир» как ментальный мир, как «один из возможных миров в ментальном пространстве» и одновременно как «один из языкового выражения «Мира» (любого из «миров») в философии языка [9, с. 670].

При этом каждый дискурс объективируется в текстах, означивающих область определения дискурса, поскольку «один из возможных миров» представляют тексты, которые с точки зрения языкового выражения опираются на особую грамматику и лексику; строятся по особым правилам. Такой подход, на наш взгляд, позволяет характеризовать язык посредством своих собственных текстов, а не просто любого текста как его феномена [10].

Сравните онтологическую характеристику дискурса М. Хайдеггера [11, с. 391–407], понимающего дискурс как «язык в языке» или «дом бытия» языка. В доме бытия языка, «в жилище бытия обитает человек», и в привычном трехмерном пространстве места как бытия именно «мысль дает бытие слову» [11, с. 192]. Очевидно, что при этом пространство бытия становится четырехмерным – появляется человек: это говорящий субъект, один из интегральных параметров времени. Он принадлежит четырёхмерному времени, а именно: «Времени нет без человека; время есть место, сделанное человеком», поскольку «время не есть, время имеет место» (выделено нами. – Е.К.) [11, с. 400–401]; а, по Э. Бенвенисту, и человек, и новое четырехмерное пространство существует в дискурсе «здесь и сейчас». Очевидно, что таким образом в когнитивном про-

странстве бытия уточняется онтологический статус дискурса через язык как совокупность собственных текстов.

Со стороны лингвистики онтологический статус дискурса получает уточнение в концепции Г. Гийома. Отталкиваясь от сосюрровской триады «речевая деятельность – язык – речь», Г. Гийом в качестве четвертого элемента этой триады постулирует термин «дискурс»: «речевая деятельность – язык – речь – дискурс». Полагаем, что областью существования дискурса, как и языка и речи, оказывается речевая деятельность, которая «как целое, как интеграл заключает последовательность (...) перехода языка, постоянно существующего в говорящем (следовательно, вне зависимости от конкретного момента), к речи (в речь), принадлежащей говорящему только в конкретные моменты времени (с большими или меньшими интервалами между этими моментами)» [12, с. 37]. И речь, и дискурс в отношении к языку и речевой деятельности в целом существуют как употребление, проявление, актуализация языка *in praesentia*, по И.А. Бодуэну де Куртенэ [13, с. 75–77].

В итоге дискурс и речевая деятельность тесно взаимодействуют, дискурс становится интегральной частью речевой деятельности уже потому, что обе эти категории регулируются говорящим субъектом, принадлежащим и даже создающим некоторое внешнее пространство, один из возможных миров, один из ментальных миров, присвоенных говорящим субъектом и предполагающих опору на определенные события, ситуации и условия коммуникации.

Список источников:

1. Караулов, Ю. Н., Петров, В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петрова // Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.
2. Фуко, М. Археология знаний / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
4. Витгенштейн, Л. Философские работы : Феноменология. Герменевтика. Философия языка / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 206 с.
5. Buyessens, E. Les langages et le discours : essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de sémiologie / E. Buyessens. – Bruxelles : Office de Publicité, 1943. – 98 p.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с франц. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
7. Структура текста : сб. статей / отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1980. – 289 с.
8. Красина, Е. А., Перфильева, Н. В. Горизонты дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.uacm.edu.mx/andamios/proximas_convocatorias. – Дата доступа : 04.04.2022.
9. Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
10. Dijk, T. A. Van. Strategies of discourse comprehension / T. A. van Dijk, W. Kintsch. – New York : Academic Press, 1983. – 423 p.
11. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – 450 с.
12. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Л. Гийом ; общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скредлиной. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
13. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Том I. – М. : АН СССР, 1963. – 391 с.

References:

1. Karaulov, Ju. N., Petrov, V. V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa [From text grammar to cognitive theory of discourse]. In T.A. van Dejk. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication] (pp. 5–11). – Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Fuko, M. (1996). Arheologija znaniy [Archeology of knowledge]. – Kiev: Nika-Centr. (In Russ.).
3. Arutjunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Otv. red. V.N. Jarceva [Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. V.N. Yartseva] (pp. 136–137). – Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
4. Vitgenshtejn, L. (1994). Filosofskie raboty: Fenomenologija. Germenevtika. Filosofija jazyka. Ch. 1. [Philosophical Works: Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of language. Ch. 1]. – Moscow: Gnozis.
5. Buyessens, E. (1943). Les langages et le discours: essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité. (In Fran.).
6. Benvenist, Je (1974). Obshhaja lingvistika [General linguistics]. – Moscow: Progress. (In Russ.).
7. Struktura teksta: sb. Statej. Otv. red. T.V. Civ'jan [Structure of the text: sat. articles. Ed. T.V. Tsivyan] (1980). – Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Krasina, E. A., Perfil'eva, N. V. Gorizonty diskursa [Horizons of discourse]. Retrieved from https://www.uacm.edu.mx/andamios/proximas_convocatorias
9. Stepanov, Ju. S. (1998). Jazyk i Metod. K sovremennoj filosofii jazyka [Language and Method. To modern philosophy of language]. – Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
10. Dijk, T. A. van, Kintsch, W. (1993). Strategies of discourse comprehension.– New York: Academic Press. (In Eng.).
11. Hajdegger, M. (1993). Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija [Time and being: articles and speeches]. – Moscow: Respublika. (In Russ.).
12. Gijom, G. (1992). Principy teoreticheskoy lingvistiki. Obshh. red., poslesl. i komment. L.M. Skrelinoj [Principles of theoretical linguistics. Total ed., after and comment. L.M. Skrelina]. – Moscow: Progress. (In Russ.).
13. Bodujen de Kurtenje, I. A. (1963). Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected works on general linguistics]. – Moscow: AN SSSR. (In Russ.).

УДК 811.161.3

**ТЭНДЭНЦЫЯ ДА ІНФАРМАЦЫЙНАГА АКЦЭНТАВАННЯ
Ў СІНТАКСІЧНАЙ СІСТЭМЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ**

Н.У. Чайка

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Артыкул прысвечаны вывучэнню адной з ключавых тэндэнцый у сінтаксічнай сістэме беларускай мовы – інфармацыйнага акцэнтавання выказвання. У сучасным свеце неабходнасць інфармацыйнага акцэнтавання і аналітызму прадудыруе вялікую колькасць сінтаксічных дэрыватаў – канструкцый эліптычных, няпоўных, рэдукаваных, з імпліцытнай семантыкай. У артыкуле вывучаецца сінтаксічная рэпрэзентацыя дыстынктнасці выказвання – канструкцыі з пропускам кампанента. Прадстаўлены спосабы актуалізацыі важнай інфармацыі, што спрыяе дынамічнаму развіццю сінтаксічных адзінак і камунікатыўнаму ўдасканаленню.

Ключавыя словы: інфармацыйнае акцэнтаванне, эліптычныя канструкцыі, няпоўныя сказы, канструкцыі з сінтаксічнай рэдукцыяй, сінтаксічная дэрывацыя.

DISTINCTION OF THE SYNTACTIC SYSTEM OF THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

N.V. Chaika

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The article is devoted to the study of one of the key tendencies in the syntactic system of the modern Belarusian language – the distinction of the utterance.

In the modern world, the need for information emphasis and analytism produce a large number of syntactic derivatives – elliptical, incomplete, reduced constructions and constructions with implicit semantics.

The article studies the syntactic representation of the distinction of an utterance – elliptical, incomplete, reduced constructions.

The methods of actualization of important information are presented, which contribute to the dynamic development of syntactic units and their communicative improvement.

Key words: distinction of an utterance, elliptical sentences, incomplete sentences, constructions with syntactic reduction, syntactic derivation.

Агульныя тэндэнцыі сінтаксічных сістэм моў свету – эканомія моўных сродкаў, тэндэнцыя да аналітызму і патрэба інфармацыйнага акцэнтавання – спрыяюць дынамічнаму развіццю і ўдасканаленню камунікатыўных адзінак. Гэтыя фактары прадудыруюць значную колькасць сінтаксічных дэрыватаў – канструкцый рэдукаваных, няпоўных, эліптычных, парцэляваных і сегментаваных. Змена аблічча сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы прыводзіць да структурнай фрагментарнасці канструкцый, нейтралізацыі сінтаксічных сувязей і адносін у іх, да скарачэння аб'ёму выказвання да мінімальнага, да выражэння прэдкатыўнасці кантэкстуальна або імпліцытна. Падобныя з'явы актыўна даследуюцца вучонымі на сучасным этапе развіцця навукі.

Сучасныя тэндэнцыі ў сінтаксічных сістэмах вывучаліся прадстаўнікамі розных сінтаксічных напрамкаў і тлумачыліся, зыходзячы з метадалагічных прынцыпаў іх даследавання. Сінтаксічную дэрывацыю разглядалі як праяву структурнай эканоміі (Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А. В. Грудзева [1–3]), дыстынктнасці выказвання (К. Карлсан [4]), аналітызму (З. Выхадзілава, Т. А. Коласава [5; 6]). Пры гэтым падобныя з'явы ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы не даследаваліся, таму неабходна выявіць асноўныя фактары дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы – тэндэнцыі да эканоміі і аналітызму, а таксама інфармацыйнае акцэнтаванне ў выказванні. Патрабуюць удакладнення кваліфікацыйныя параметры ўпарадкавання названых з'яў у беларускай мове.

Дастаткова значным фактарам дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы выступае **інфармацыйнае акцэнтаванне ў выказванні**. Названая тэндэнцыя падразумявае дакладнасць перадачы інфармацыі, якая ажыццяўляецца двума спосабамі – пропускам кампанента і яго вылучэннем. Пропуск кампанента прадстаўлены канструкцыямі няпоўнымі, эліптычнымі і рэдукаванымі – ен актуалізуе важную інфармацыю, што спрыяе дакладнасці выказвання.

Асобную групу складаюць няпоўныя сітуацыйныя сказы, у якіх апускаецца прэдкатыўная аснова цалкам. У такіх выпадках экспліцытна выражаецца адзін член – акалічнасць мэты, які і забяспечвае інтанацыйнае акцэнтаванне ў дадзеным сказе: *А гэта на тваю хату, Иван... (Вяртаецца, зноў дастае ваду.) Думаеш, глупствам займаюся? Няма каму ваду з калодзежа браць... Раз'ехаліся ўсе... А калодзеж жывы павінен быць... (А. Дудараў); З яго чэрпаць трэба, каб і вада жывой была... Во я і выбіраю яе штодня... За былых сваіх суседзяў, за дзяцей іх і за свайго сына... (Аднёс вядро, выліў.) На тваю хату, Пятрок... (А. Дудараў), прычыны: Б у с ь к о (спяхмурнеў,*

трагічна). *За што?! (Вымае з кішэні пяцёрку, падае Гарыку, той круціць галавой. Дастае з другой, трэцяй і так з шасці кішэняў на пяцёрцы.) За што?! (А. Макаёнак); Чарнаву с. Вашу чэсную руку. (Горача паціскае і нечакана цалуе ёй руку. Вера сканфузілася.) Выбачайце, па шчырасці (К. Крапіва), спосабу дзеяння: Прымчалася Страказа-верталёцік. Страказа. Хутчэй! Хутчэй! На мальву напалі вусені! (Г. Каржанеўская); Туляга (да дзвярэй кабінета). Атрымаеш ты ў мяне навуковую ступень. Дзверы адчыняюцца. Туляга адскаквае ўбок і прымае звычайны баязлівы выгляд. Уваходзіць Гарлахвацкі. Гарлахвацкі. Ну, як? (К. Крапіва) або мадальны дзеяслоў: Незнаёмая жанчына. Я-то крыху чула пра яго. (Падыходзіць да кабінета і намерваецца пастукаць. Дзверы адчыняюцца і высоўваецца Гарлахвацкі.) Можна, таварыш дырэктар? У вас, казалі, для машыністкі работа ёсць? (К. Крапіва).*

Інфармацыйнае акцэнтаванне ў няпоўных сказах ажыццяўляецца ў структуры дыялагічнага адзінства. Рэплікі дыялога маюць розную будову: апускацца ў іх можа любы член, што абумоўлена лёгкасцю яго ўзнаўлення з дапамогай кантэксту. Кампенсацыя сэнсу няпоўных канструкцый у структуры дыялагічнага адзінства суправаджаецца таксама невербальнымі сродкамі камунікацыі: мімікай, жэстамі і інш.

Сэнсава-граматычнае адзінства канструкцый у структуры дыялога дазваляе экспліцытна выражаць толькі той член, які змяшчае новую інфармацыю, неабходную для далейшага развіцця паведамлення:

Залыгін. Праўду пішуць.

Дзяцел. Праўду? Цяпер гэтых праўд развялося больш, як грыбоў у цёплы дождж. Якая з іх лепшая – не разбярэш!

Салдат. А можа, той, сапраўднай, і зусім няма.

Залыгін. Ёсць.

Чыбук. Дзе яна, пад якім кустом? У бальшавікоў? (І. Мележ).

Структура дыялагічнага адзінства, у склад якога ўваходзяць няпоўныя канструкцыі, класічная: першы сказ з'яўляецца поўным і змяшчае ўсе неабходныя структурныя і семантычныя кампаненты. Астатнія рэплікі «нанізваюцца» на стрыжнёвы сказ і змяшчаюць толькі актуальную інфармацыю: *Нечакана блізка і хрыплавата адгукаецца вартавы:*

– Што там? Зноў ячная?

– Не, зацірка з салам.

– Ну, усё лепей. А то гэта ячная ўжо ў бруха не лезе.

– Палезе. Ну, як твой бандыт? – раптам пытаецца новы вартавы.

– Ціхі, як мыша. Спіць усё.

– Ціхі, кажаш? (В. Быкаў);

Купалка. Хіба бацькі не расказваюць табе казак, паданняў?

Хлопчык. Расказваюць.

Купалка. Пра каго?

Хлопчык. Пра Бураціна, пра Снежную каралеву, пра Дзюймовачку...

Купалка. (расчаравана.) А-а-а... Пра мяне, значыць, забыліся.

Хлопчык. Бабуля штось казала. Пачакай, я ўспомню (Г. Каржанеўская).

За аснову класіфікацыі няпоўных дыялагічных сказаў прынята лічыць экспліцытна выражаны член у іх. Выдзяляюцца сказы-рэплікі, што змяшчаюць *дзеінік*. Падобныя сказы могуць уключаць пытанне да суб'яднага:

– Хто гэта – нішчылі?

– Мы.

– Гляджу: разумныя вельмі, – з'едліва сказаў былы ротны (В. Быкаў);

– Хто вядзе роту? – перамагаючы боль запытаў ён.

– Дрозд (І. Мележ);

– *Што вас так зацікавіла, мой мілы госць? – прагрымеў над ім голас Сяргея Карнавіча.*

– *Фітанцыды! – механічна адказаў Толя, адрываючыся ад цікавага артыкула, якім ён захапіўся.*

– *Цікава? (Б. Мікуліч).*

Экспліцытна выражаны дзейнік можа змяшчаць удакладненне да папярэдняга пытання. У такім выпадку назіраецца сэнсавае дубліраванне дзейніка стрыжнёвага сказа: *Яму ніхто не адказаў. Даніла быў заняты бобам, а Брытвін толькі павёў на хлопца касым абыякавым позіркам.*

– *Ля Азярышча б прайсці лягчэй. Там паліцыя свая.*

– *А ты скуль ведаеш? – суха запытаў Брытвін.*

– *Я? Гэткі сакрэт! Усе ведаюць, – зварок бесклапотна адказаў Сцёпка, але ўнутрана насцярожыўся: тон гэтага пытання быў яму дужа вядомы, і ён ужо зразу меў, што дарма так сказаў (В. Быкаў).* Цесная сэнсава-граматычная сувязь рэплік дыялога дазваляе ўжываць адзін кампанент у функцыі цэлага сказа.

Назіраюцца выпадкі, калі сказ-рэпліка змяшчае *выказнік*. Рэпліка можа змяшчаць пытанне:

І н г а (праводзіць рукой па яго ішчацэ). Зноў начаваў у лабараторыі?

А с к о л ь д. Хто-небудзь павінен наглядаць за апаратурай.

І н г а (уздыхае). Абедаў? (А. Макаёнак) і адказ:

– *Значыцца, Оршу занялі?*

– *Занялі, бацька, занялі! (І. Мележ);*

– *Дом мініраваны?*

– *Мініраваны.*

– *Чым?*

– *Авіябомбамі. Толам (І. Мележ).*

Цесная сувязь няпоўных сказаў з актуальным падзелам дазваляе ўжываць элементы, якія змяшчаюць новую інфармацыю.

Рэплікі дыялога, што выконваюць функцыю *акалічнасці*, могуць змяшчаць прамы адказ на пытанне суб'ядніка:

– *Зноў на сходзе начавалі ?*

– *На сходзе, – усмешліва пацвердзіў Башлыкоў (І. Мележ) і могуць яго ўдакладняць: – Такія выпадкі маглі быць у твая часы, – сцвердзіў я. – Прабачце, я прафан у геральдыцы. Яноўскія, мне здаецца, вядуцца на нашай зямлі з дванаццатага стагоддзя? – З трынаццатага, – сказала яна (У. Караткевіч);*

– *У Юравічы пойдзеі.*

– *У... у цюрму? (І. Мележ).*

Дыялагічныя адзінствы, у якіх рэплікі – няпоўныя сказы выконваюць функцыю *дапаўнення*, маюць асаблівую структуру. Дапаўненне ў большасці выпадкаў дубліруецца ў рэпліках дыялогу, змяшчае пытанне: *З а л ы г і н. Праўду пішуць. Д з я ц е л. Праўду? (І. Мележ); Д а ч к а. Але і нашаму дасталося. Яму адарвалі вуха. Т а т а. Як вуха? (А. Макаёнак), адказ на яго: Яна зусім не здзівілася. Здзівіўся я, даведаўшыся, што гэта слова ёй знаёма.*

– *Што ж, вельмі цікава. А чым вы зацікаўлены? Песнямі, прымаўкамі?*

– *Легендамі, пані. Старымі мясцовымі легендамі (У. Караткевіч) або ўдакладняе яго: – Дарэмна вы кінуліся туды, – сказала яна. – Вы, вядома, нікога не пабачылі. Я ведаю, бо бачу яго толькі я і часам яшчэ ахмістрыня. Берман бачыў яго.*

– *Каго «яго»?*

– *Малога Чалавека Балотных Ялін.*

– *А гэта што такое?*

– Не ведаю. Але ён з’яўляецца, калі ў Балотных Ялінах хтосьці павінен памерці наглай смерцю. Ён можа хадзіць яшчэ год, але дачакаецца свайго.

– Магчыма, – няўдала пажартаваў я. – Будзе сабе хадзіць яшчэ год семдзесят, пакуль вас не пахаваюць праўнукі.

Яна рэзка адкінула галаву (У. Караткевіч) ці змяшчае працяг гутаркі: – Пана, – голасна сказаў я. – Вы лічыце, што гэта годна сапраўднага двараніна – штурхнуць чалавека і не папрасіць у яго прабачэння?

Ён павярнуўся:

– Вы мне гэта?

– Вам, – спакойна адказаў я. – Сапраўдны шляхціц – гэта джэнтльмен (У. Караткевіч).

Зрэдку назіраюцца выпадкі, калі рэпліка дыялога змяшчае азначэнне: – Раку пад Круглянамі ведаеш? – казаў Маслакоў, пераабуючыся.

– Ну.

– Дык вось там.

– Доўгі той? Драўляны?

– Ён самы.

– Наўрад ці што выйдзе, – падумаўшы, сказаў Брытвін, па сваёй звычцы назіраючы ў дол. – Там ахова (В. Быкаў). Фарміраванне семантыкі ў падобных канструкцыях ажыццяўляецца з дапамогай кантэксту або на аснове логіка-семантычных адносін.

Няпоўныя канструкцыі ў структуры дыялагічнага адзінства могуць быць аформлены ў выглядзе даданай часткі складанага сказа:

– Так яно і павінна быць, – падтаквала мужу жонка, Ліна.

– Хто дбае, той і мае.

– Яно быццам, – згаджаўся з жонкаю Пятро. – І ўсё ж... Не ва ўсіх усё так гладка, як у нас.

– Бо не ўсе такія, як мы, – усміхалася Ліна. – І ты ў нас малайчына, і Наташка во. Ды і я ж...

Ліна пачынала весела, бесклапотна смяяцца. Смяяўся і ён, Пятро (Б. Сачанка).

Падобныя канструкцыі змяшчаюць новую інфармацыю ў дачыненні да папярэдніх рэплік: Ман засмяяўся.

– Во гумарыст! Цябе Дзядзюля аддаў за так.

– Каб пазбавіцца? (І. Шамякін).

Падобныя сказы, нягледзячы на структурную непаўнату, з’яўляюцца функцыянальна паўнаwartаснымі сінтаксічнымі адзінкамі. Канструкцыі праецыруюць змест прэдыкатыўнай часткі на поўны сказ, у выніку чаго становяцца сэнсава завершанымі: – Зноў ты, Навум, гародзіш абы-што. Цябе я сам папрасіў. Гэта ж скарб – мець такога адукаванага вайскоўца.

– Каб здаровага.

– Хто ведае так зброю. І сваю. І – што важна – нямецкую. І тактыку.

– Ніхто нас не вучыў партызанскай тактыцы. А дарэмна. Ніхто не думаў, што прыйдзецца ваяваць на сваёй зямлі (І. Шамякін). Шырокае выкарыстанне падобных сказаў абумоўлена іх лаканічнасцю і кампактнасцю.

Як бачна, тэндэнцыя да інфармацыйнага акцэнтавання выказвання яскрава прасочваецца ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы. Моўныя змены ажыццяўляюцца з дапамогай прычын знешняга і ўнутранага парадку. Знешнімі выступаюць фактары дакладнасці і лагічнасці маўлення, якія і змяняюць аблічча моўных адзінак. Аснова структурных змен закладзена ў самой мове, дзе дзейнічаюць унутраныя заканамернасці – сістэмнасць мовы. Сінтаксічная непаўнота, сегментацыя і парцэляцыя выдзяляюцца шляхам пропуску, далучэння і вылучэння інфармацыі, якая з’яўляецца самай важнай, што спрыяе дыстынктнасці выказвання.

Список крyниць:

1. Harma, J. (1986). Sur l'omission du verbe et sa recuperabilite en français. In Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. Wiśniewski, M. Przegląd równoważników zdania znamienych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
4. Carlson, K. Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
5. Vychodilová, Z. Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
6. Колосова, Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.

References:

1. Harma, J. Sur l'omission du verbe et sa recuperabilite en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 198 (pp. 135–146). – Helsinki. (In Fran).
2. Wiśniewski, M. (1995). Przegląd równoważników zdania znamienych dla współczesnej polszczyzny. In Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska, 46 (s. 115–150). – Toruń. (In Pol.).
3. Gruzdeva, E. V. (2007). Izbytochnost' i jellipsis v russkom pis'mennom tekste [Redundancy and ellipsis in the Russian written text]. – Cherepovets : Cherepovets State University Publ. (In Russ.).
4. Carlson, K. (2002). Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences.– New York; London: Routledge (In Eng.).
5. Vychodilová, Z., Zimek, R. (1988). Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek. Masarykova unv. (In Pol.).
6. Kolosova, T. A. (1980). Russkie slozhnye predlozhenija asimmetrichnoj struktury [Russian complex sentences of asymmetric structure]. – Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russ.).

УДК 81'33

**О РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ
ОТОБРАЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА ФОРМАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ**

М.В. Воронов, Д.Р. Зотов

Московский государственный психолого-педагогический университет

Рассматривается проблематика формализации представленных на естественном языке текстов с целью обеспечения возможности последующего оперирования представленного в тексте содержания. Поскольку решение этой задачи для текста любого типа сегодня не представляется возможным, объектом рассмотрения выбраны технологические тексты, для которых разработан метод формализации. Обсуждаются возможности практического использования представленных в формализованном виде технологических текстов

Ключевые слова: текст, содержание, модель, технология, форма.

ON SOLVING THE PROBLEM OF INCREASING THE ADEQUACY OF THE DISPLAY OF TEXT CONTENT BY FORMAL STRUCTURES

M.V. Voronov, D.R. Zotov

Moscow State Psychological and Pedagogical University

The problems of formalization of texts presented in natural language are considered in order to ensure the possibility of subsequent operation of the content presented in the text. Since it is not possible to solve this problem for any type of text today, the object of consideration is technological texts for which a formalization method has been developed. The possibilities of practical use of technological texts presented in a formalized form are discussed

Key words: text, content, model, technology, form.

Тексты предназначены для переноса в пространстве и во времени заложенных в них автором результатов его речемыслительной деятельности. Тем самым текст исполняет роль почтальона, цель которого – передать получателю вложенную автором содержание. На своем жизненном пути текст может подвергаться различного рода преобразованиям. В настоящее время для этого привлекаются так называемые информационные (компьютерные) технологии, и здесь достигнуты впечатляющие результаты. Наиболее значимые из них достигнуты на пути автоматизации процессов передачи, хранения, редактирования и форматирования текстов, которые реализуются, как правило, не принимая во внимание их содержание. Вместе с тем возрастает потребность содержательного манипулирования текстами. На этом пути имеется необходимость трансформации исходного текста, например, представленного в вербальной форме в текст, представленный на некотором формальном языке. При этом содержание исходного текста, как правило, искажается. Как следствие, возникает требование: при прочих равных условиях смысл, воспринимаемый при чтении текста в формализованном виде, в максимальной мере должен соответствовать смыслу, воспринимаемому при чтении этого же текста в вербальной форме.

Добившись значительных успехов в разработке средств бессодержательной компьютерной обработки текстов, исследователи столкнулись с проблемами, обусловленными потребностью сохранения при заложенной в них семантики и обеспечением управляемости его изменений. На этом пути достигнут ряд успехов. Отдельные программы, например, в определенной мере, уже «умеют», например, вести поиск содержательно близких фрагментов во заданном множестве текстов, выделять близкие по содержанию факты, распознавать заложенный в тексте сарказм и т.п. Однако они «не понимают слова» как это делают люди, а используя, как правило, вероятностные модели и нечеткие алгоритмы, попросту угадывают значения слов, словесных оборотов и даже отдельных предложений. Таким образом, несмотря на прогресс в области информационных технологий и то, решение задачи компьютерной обработки вербальных текстов общего назначения на содержательной основе в обозримом будущем вряд ли возможна, задачи по разрешению проблемы соотношений между содержанием текста и его смыслом остаются актуальными.

Решение такого рода задач опирается на достижения целого ряда наук. Среди них особое место занимает современная лингвистика, поскольку результаты соответствующих исследований дают основания для решения ряда вопросов, возникающих при разрешении проблема формализации текстов. Здесь уместно отметить, что при рассмотрении вопросов содержания текстов вводится понятие семантического структурированного пространства, анализ суждений часто реализуется с применением математической логики, вводятся объективизированные средства содержания мысли и др.

Представляется перспективным вести поиск путей решения рассматриваемых задач, базируясь на следующем утверждении: содержание любых формальных преобразований заключено в причинности [2]. Следовательно, причина становится ясной, если понятен механизм ее действия. Отсюда, в частности следует, что при построении модели текста максимум внимания целесообразно сосредоточить на выявлении и передаче содержащихся в нем причинно-следственных механизмов.

Рассматривая проблематику отображения семантики нельзя обойти такие аспекты, как уровень эксплицитности и имплицитности текстов [3]. Дело в том. Что современные компьютеры потенциально «могут работать» только с эксплицитной информацией. Отсюда: чем «больше в тексте эксплицитности», тем корректнее будет работать осуществляться его формализация. В наибольшей мере эксплицитность свойственна так называемым технологическим текстам.

Технологическими называем тексты, в которых представлено описание технологий, как процессов о том, как «из данного получить желаемое». Их основное назначение – направлять интерпретационную способность адресата и тем самым целенаправленно управлять его деятельностью. К такого рода текстам относятся различного рода инструкции (приказы, распоряжения), описание технологических процессов, учебные материалы и др.

Семантическую сущность большинства предложений технологических текстов заключается в передаче конкретных часто обособленных действий. Вместе с тем возможность каждого «последующего» действия обусловлена выполнением ряда действий «предшествующих». Эти обстоятельства дают повод рассматривать технологические тексты в качестве словесного описания алгоритмов достижения преследуемой цели, что, несомненно, способствует возможности разработки способов их формализованного представления.

Для технологических текстов был разработан метод их формализации, суть которого в следующем [4]. Поскольку в рамках определенной предметной деятельности используемые термины (узусальные слова и морфемы) интерпретируются практически однозначно, их предполагается сохранять и в формализованном представлении в качестве элементов, правда, лучше их фиксировать в стандартном виде (существительные в именительном падеже, глаголы в неопределённой форме и т.п.).

Образование же из данного множества слов предложения сопровождается эффектом семантической эмерджентности, т.е. предложение, в которое собраны и определенным образом упорядочены эти слова, несет в себе больше содержания, чем последние взятые в отдельности. Таким же свойством обладают и образующие текст предложения. Тем самым задача передачи содержания текста сводится к формализации структуры отдельных предложений и их совокупности, как структуры текста в целом.

Технологические тексты отличает их процессная сущность. В этой связи анализ структуры предложений целесообразно вести с позиций вербоцентрической теории структурного синтаксиса. Это, в частности, означает, что при построении структуры предложения технологического текста за основу в качестве единственного главного члена предложения берется глагольный предикат (поскольку в этих текстах основное содержание заключается в описании действий), далее выявляются условия реализации данного действия и участвующие в нем объекты, а затем уточняется описание последних. Тем самым в формируемой структуре по существу сохраняется содержание рассматриваемого предложения.

Вышеизложенное позволяет сформулировать суть предлагаемого метода формализации технологических текстов: обеспечение передачи содержания технологических текстов при их формализации осуществляется в ходе реализации автоматизированных

конструктивных алгоритмов отображения связей между словами в предложениях и между предложениями текста

В технологических текстах основная масса предложений может быть представлена в виде тройки $P = \langle X, D, Y \rangle$, где D – предикат, передающий описываемое в предложении действие и находящийся с другими членами предложения в определенных отношениях, X, Y – формализованные описания соответственно исходного и результирующего состояния рассматриваемой системы. Задача состоит в том, чтобы в ходе анализа предложения перевести эти элементы в соответствующие формальные структуры, например, во фреймовые, а затем осуществить «сборку» структурированных представлений отдельных предложений в единый граф текста.

В этой связи формализацию представления предложений в технологических текстах предлагается осуществлять следующим образом. Вначале выделяется его предикат, для которого формируется описывающий его фрейм с соответствующим именем. Затем выделяются и фиксируются в этом фрейме сирконстанты данного действия и участвующие в нем объекты. Для каждого участвующего в действии объекта формируется свой фрейм, в котором в формализованном виде фиксируются его состояние и отношения с другими объектами. Построенная тройка множеств взаимосвязанных фреймов представляет собой модель данного предложения.

На следующем этапе осуществляется фиксация связей между этими моделями. Поскольку в технологических текстах все описываемые действия логически связаны и эти связи отображены в сформированных фреймах, эта операция может быть осуществлена автоматическом режиме.

При решении вопросов формирования, описывающих данное предложение формальных структур, приходится сталкиваться с рядом трудностей однозначной интерпретации передачи отношений между его членами. Эти трудности обусловлены особенностями различных технологических текстов, которые необходимо учитывать при применении описанного метода. Анализ последних обусловил целесообразность разбиения последних на три группы.

К первой следует отнести тексты-типа инструкций. Предложения в них, чаще всего расположены линейно, и представлены, как правило, в простейшей форме. Построение формальных моделей текстов-инструкций обычно не вызывает трудностей.

Вторую группу составляют тексты, отображающие собственно технологии (сборка мебели, пошив одежды, строительство дома и т.п.). В этих текстах велика доля сложных предложений, очередность следования в текстах предложений не всегда соответствует последовательности описываемых ими действий. Обусловленные этими обстоятельствами трудности преодолеваются путем разбиения сложных предложений на простые так, чтобы в каждом из них описывалось лишь одно действие, а также вводится специализированная нумерация действий.

К третьей группе отнесем учебные тексты. Их отличительные особенности, которые следует учитывать при их формализации, заключаются в наличии большого числа определений вводимых понятий и часто имеющих каскадное представление условий для осуществления описываемых действий. В этой связи для формализованного представления таких текстов формируются пополняющие словарный запас специализированные фреймы-прототипы и применяется нелинейная нумерация описывающих действия предложений, а также используется ряд инструктивных положений, которые актуальны для конкретных предметных областей знаний.

Возможность представления текстов в формализованной форме с сохранением, по существу, их содержания открывает возможности с помощью компьютерных технологий более эффективно решать целый ряд прикладных задач. Это, в том числе:

- проверка полноты и связности текстов, нахождение в них логических лагун и противоречий,
- разработка «умных» библиотек технологий, учебно-методических материалов и тренажеров,
- решение задач анализа и синтеза знаний в данной предметной области и др.

Список источников:

1. Информационная структура текста : сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания ; Отв. ред. Н. Н. Трошина – М. : ИНИОН, 2018. – 214 с.
2. Мареев, С. Н. Диалектика содержания и формы и проблемы формализации / С. Н. Мареев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социологи. Право. – 2017. – № 42(24). – С. 15–26.
3. Куликова, В. А. Имплицитная и эксплицитная оценочность новообразований в заголовках интернет / В. А. Куликова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы VII Международного научного семинара, посвящ. 110-летию Саратовского государственного университета ; отв. редактор О. И. Дмитриева. – Саратов : Изд-во «Амирит», 2020. – С.54–61.
4. Воронов, М. В. Формализация регулятивных текстов / М. В. Воронов, В. И. Пименов // Информатика и автоматизация – 2021. – Вып. 20. – Т. 3. – С. 562–590.

References:

1. Informacionnaja struktura teksta (2018). [Information structure of the text]. RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija. Ed. N.N. Troshina. – Moscow: INION. (In Russ.).
2. Mareev, S. N. (2017). Dialektika sodержanija i formy i problemy formalizacii [Dialectics of content and form and problems of formalization]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filosofija. Sociologi. Pravo», 42(24), 15–26. (In Russ.).
3. Kulikova, V. A. (2020). Implicitnaja i jeksplicitnaja ocenocnost' novoobrazovanij v zagolovkah internet [Implicit and explicit evaluation of neoplasms in Internet headlines]. In Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksicheskoj sistemy russkogo jazyka [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language]. Ed. O.I. Dmitrieva (pp. 54-61). Saratov. (In Russ.).
4. Voronov, M. V., & Pimenov, V. I. (2021). Formalizacija reguljativnyh tekstov. [Formalization of regulatory texts]. Iformatika i avtomatizacija, 20(3), 562–590. (In Russ.).

УДК 81'367.623:[811.161.3+811.111]

**ГРУПА ДЗЕЯСЛОВАЎ ДРУГАСНАЙ НАМІНАЦЫІ СА ЗНАЧЭННЕМ
“РАЗУМЕННЕ” Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ**

В.А. Мусіенка

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Анатацыя: Мэта артыкула – выявіць спецыфіку другасных лексіка-семантычных варыянтаў дзеясловаў са значэннем «разуменне» ў беларускай і англійскай мовах, уста-
навіць агульныя і спецыфічныя рысы для кожнай з моў. Семантычны аналіз дзеясловаў
будуецца на палажэннях рэцыпіентнага аналізу. Праводзіцца супастаўляльны аналіз
дзеясловаў рознай семантычнай скіраванасці з зыходнай донарскай сферай ментальных
дзеясловаў ‘усведамляць, спасцігаць розумам сэнс, змест’, падчас якога разглядаюцца

асноўныя лініі разумовага развіцця. Аналізуецца група дзеясловаў з другаснай ментальнай семантыкай у якой утвараюцца суадносныя пары ў беларускай і англійскай мовах. З пункту гледжання семантычнай суаднесенасці дзеясловаў са значэннем «разуменне» вылучаюцца групы лексічных адзінак. Вылучаецца група дзеясловаў з розным семантычным нападзеннем, якія ў англійскай мове маюць больш шырокую семантыку, чым у беларускай.

Ключавыя словы: дзеяслоў, ментальнасць, другасная намінацыя, метафара, семантыка, беларуская мова, англійская мова.

GROUP OF VERBS OF SECONDARY NOMINATION WITH THE MEANING OF “UNDERSTANDING” IN BELARUSIAN AND ENGLISH

V.A. Musiyenka

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Abstract: The purpose of the article is to identify the specifics of secondary lexical and semantic variants of verbs with the meaning “understanding” in the Belarusian and English languages, to establish common and specific features for each of the languages. The semantic analysis of verbs is based on the provisions of recipient analysis. A comparative analysis of verbs of different semantic orientation with the original donor sphere of mental verbs ‘to realize, comprehend the meaning, content of the mind’ is carried out, during which the main lines of mental development are considered. A group of verbs with secondary mental semantics in which relative pairs are formed in the Belarusian and English languages is analyzed. Groups of lexical units are distinguished from the point of view of the semantic correlation of verbs with the meaning “understanding”. A group of verbs with different semantic content, which in English have a wider semantics than in Belarusian is distinguished.

Keywords: verbs, mentality, secondary nomination, metaphor, semantics, Belarusian, English.

У сучаснай навуковай літаратуры выказваецца думка пра тое, што мысленне і мова, нягледзячы на іх цесную ўзаемасувязь, не могуць цалкам атаясамлівацца. Думкі могуць выяўляцца не толькі вербальнымі, але і невербальнымі спосабамі (жэстамі, мімікай, музычнымі гукамі, малюнкамі, фарбамі, чарцяжамі, формуламі і інш.), што пацвярджае распаўсюджанае меркаванне аб пачуццёвай і абстрактна-лагічнай формах ажыццяўлення мыслення. Нягледзячы на тое, што мысленне можа працякаць незалежна ад моўных працэсаў і не абмяжоўвацца яго вербальнасцю, мове адводзіцца першараднае значэнне ў разумовым працэсе. Мова, з’яўляючыся матэрыяльнай формай існавання мыслення, служыць сродкам разумення як чужых, так і ўласных думак чалавека, у мове адкладаюцца і актуалізуюцца веды, з дапамогай якіх чалавек усведамляе самога сябе і навакольную яго рэчаіснасць.

Пытанні ўзаемадзеяння моўных і ментальных структур, катэгорыі ментальнасці і ментальнага поля актыўна распрацоўваюцца ў даследаваннях па кагнітыўнай лінгвістыцы, семантыцы, канцэпталогіі [3; 5; 7; 8]. І. М. Кобызева апісвае такія ментальныя катэгорыі, як наміналізацыя ментальных прэдыкатаў, змест ментальных станаў, вынікі ментальных станаў [5, с. 97]. В. Г. Гак уяўляе ментальнае поле, звязанае з інтэлектуальнай і разумовай дзейнасцю чалавека [3, с. 22].

Увага лінгвістаў часцей за ўсё засяроджваецца на семантыцы ментальных дзеянняў і станаў, выражаных дзеясловамі мыслення і разумення [1–10]. С. Р. Амельчанка, апісваючы функцыянальна-семантычныя ўласцівасці ментальных дзеясловаў у мове

казакоў Ніжняга Паволжа, вылучае ядзерныя, цэнтральныя і перыферычныя часткі ў функцыянальна-семантычным полі ментальнай дзейнасці [7].

Базавым ідэнтыфікатарам дадзенай групы ў дзвюх неблізкароднасных мовах з'яўляюцца ўласна ментальныя дзеясловы *разумець / understand*. Гэты беларускі дзеяслоў характарызуецца шырокай семантычнай парадыгмай і ўключае значэнні 'усведамляць, спасцігаць розумам сэнс, змест', 'ведаць, здагадацца аб чым-небудзь, усведамляць што-небудзь', 'быць дасведчаным у чым-небудзь; магчы разбірацца ў чым-небудзь, меркаваць пра што-небудзь', 'падразумяваць, мець на ўвазе'. Англійскі адпаведнік уключае 'to know or realize the meaning of words, a language, what somebody says, etc' – 'ведаць або разумець значэнне слоў, мовы, таго, што хтосьці кажа і г.д.', 'to know or realize how or why something happens, how it works or why it is important' – 'ведаць або разумець, як і чаму нешта адбываецца, як гэта працуе або чаму гэта важна', 'to think or believe that something is true because you have been told that it is' – 'думаць або верыць у тое, што сказанае з'яўляецца праўдай', 'to realize that a word in a phrase or sentence is not expressed and to supply it in your mind' – 'зразумець сэнс прапушчанага ў фразе слова'.

Група дзеясловаў з другаснай ментальнай семантыкай утварае 22 суадносныя пары ў беларускай і англійскай мовах. З пункту гледжання семантычнай суаднесенасці гэтых дзеясловаў можна вылучыць чатыры групы лексічных адзінак.

У дзеясловах з канвергентнай семантыкай вылучаюцца сем міжмоўных карэлятаў, у якіх семантыка другасных ЛСВ з'яўляецца тоеснай:

1) бел. *дабрацца* 'капаючы, разграбаючы і падобнае, наблізіцца да чаго-небудзь, здабыць што-небудзь' → 'прыкладаючы намаганні, дасягнуць разумення чаго-небудзь'; англ. *get* 'to go to a place and bring something' – 'пайсці і прынесці або здабыць што-небудзь' → 'to gain or have understanding of' – 'дасягнуць разумення чаго-небудзь': *Не ў ладах вы са стылем, ён у вас каструбаваты, неачэсаны, часам цяжка дабрацца да сэнсу.* (У. Дамашэвіч); *Do you get this question? – Ці дабіраеся [= разумееш] ты да гэтага пытання;*

2) бел. *асляпіць* 'пазбавіць зроку, зрабіць сляпым' → 'пазбавіць здольнасці правільна зразумець што-небудзь, разабрацца ў чым-небудзь'; англ. *blind* 'cause (someone) to be unable to see, permanently or temporarily' – 'выклікаць у (каго-небудзь) немагчымасць бачыць, пастаянна або часова' → 'to make somebody no longer able to think clearly or behave in a sensible way' – 'пазбавіць здольнасці думаць ці паводзіць сябе разумна': *Ці не асляпіла яго непрыязнасць да Кашына і прыхільнасць да Доры?* (У. Карпаў); *His sense of loyalty blinded him to the truth – Пачуццё адданасці асляпіла яго і не дазваляла яму ўбачыць праўду;*

3) бел. *прасвятліць* 'зрабіць светлым ці больш светлым' → 'зрабіць ясным, зразумелым; высветліць'; англ. *illuminate* 'make (something) visible or bright by shining light on it' – 'зрабіць (што-небудзь) бачным або яркім, асвятляючы яго' → 'to make something clearer or easier to understand' – 'зрабіць нешта больш зразумелым або прасцейшым для разумення': *І камандзір задаў пытанне, якое, здавалася яму, хоць штосьці магло прасвятліць ці ва ўсялякім разе падказаць гэтаму дзіваку, калі ён наш чалавек, што не з таго трэба пачынаць.* (І. Шамякін); *This text illuminates the philosopher's early thinking – Гэты тэкст прасвятляе ранняе мысленне філосафа;*

4) бел. *разблытаць* 'расплесці, разматаць што-небудзь зблытанае' → 'зрабіць ясным, зразумелым што-небудзь, дабрацца да сутнасці чаго-небудзь'; англ. *untangle* 'free from a tangled or twisted state' – 'вызваліць з заблытанага або перакручанага стану' → 'to straighten out (something puzzling or complicated); clarify or resolve' – 'зрабіць зразумелым (штосьці загадкавае або складанае); праясніць або вырашыць': *Ва ўсіх следчых работнікаў укаранілася думка: ён штосьці можа ведаць у гэтай справе, і мог бы намагчы разблытаць справу.* (К. Чорны); *The accountant was unable to untangle*

the company's finances – Бухгалтар не змог **разблытаць** фінансы кампаніі; *Lawyers began trying to untangle the complex affairs of the bank* – Юрысты пачалі спрабаваць **разблытаць** складаныя справы банка;

5) бел. *уханіць* ‘схапіць, рэзкім рухам узяць каго-, што-небудзь’ → ‘не сумець успрыняць, зразумець што-небудзь, разабрацца ў чым-небудзь’; англ. *grasp* ‘seize and hold firmly’ – ‘схапіць і трымаць цвёрда’ → ‘not to understand something completely’ – ‘не зразумець што-небудзь цалкам’: *Дзякую за прыемную інфармацыю, але сэнс яе да канца я не ўханіў.* (М. Грамыка); *They failed to grasp the importance of his words* – Яны не здолелі **ўханіць** важнасці яго слоў;

6) бел. *чытаць* ‘успрымаць вачамі што-небудзь напісанае, надрукаванае літарамі ці іншымі друкаванымі знакамі; вымаўляць для тых, хто слухае, што-небудзь напісанае, надрукаванае’ → ‘па знешніх прыкметах угадваць, зразумець унутраны сэнс, перажыванні і падобнае’; англ. *read* ‘to look at and understand the meaning of written or printed words or symbols’ – ‘глядзець і зразумець значэнне напісаных або друкаваных слоў або сімвалаў’ → ‘to discover or make out the true nature or mood of’ – ‘выявіць або разабрацца ў перажываннях або настроі каго-небудзь’: *Грыша прагным поглядам азіраў гэты яр і меркаваў, як уцячы. Баязліва і скосу кідаў вачамі на грамаду. Здавалася, што яна чытае ў ім патайныя думкі.* (Я. Колас); *To read someone's mind* – **Чытаць** чые-небудзь думкі;

7) бел. *бачыць* ‘успрымаць зрокам’ → ‘усведамляць, зразумець сказанае’; англ. *see* ‘perceive with the eyes; discern visually’ – ‘успрымаць вачыма; выяўляць візуальна’ → ‘to express comprehension, agreement’ – ‘выказаць разуменне, згоду’: *Костусь бачыў, што праўду кажа Ілюк.* (К. Чорны); *It has to be the answer, don't you see?* – Такім павінен быў быць адказ, вы не бачыце?; *See, I told you I'd come* – **Бачыш**, я сказаў табе, што прыйду.

Вылучаецца група дзеясловаў з розным семантычным нападзеннем (*пранікнуць / penetrate, прачытаць / read*), якія ў англійскай мове маюць больш шырокую семантыку, чым у беларускай.

1) У беларускім дзеяслове *пранікнуць* фіксуецца адно другаснае значэнне ‘прайсці, трапіць куды-небудзь праз што-небудзь’ → ‘зразумець сэнс, сутнасць чаго-небудзь, разабрацца ў чым-небудзь’: *Пра Сідара я неяк чуў: «Харошы, просты чалавек». Яшчэ і тут, на гэтым прыкладзе, я намагаўся пранікнуць у глыбінны сэнс такога азначэння.* (Я. Брыль). У англійскім адпаведніку *penetrate* фіксуюцца два другасных значэнні ‘succeed in forcing a way into or through (a thing)’ – ‘здолець прабіцца ў або праз (рэч)’ → а) ‘to understand or discover something that is difficult to understand or is hidden’ – ‘зразумець або выявіць тое, што цяжка зразумець або схавана’: *Science can penetrate many of nature's mysteries* – *Навука можа пранікнуць у многія таямніцы прыроды; No one could penetrate the meaning of the inscription* – *Ніхто не мог пранікнуць у сэнс надпісу;* → б) ‘to be understood or realized by somebody’ – ‘быць зразумелым або ўсвядомленым кім-небудзь’: *I was at the door before his words penetrated* – *Я быў ужо каля дзвярэй, перш чым яго словы праніклі ў маю свядомасць; None of my advice seems to have penetrated his thick skull* – *Здаецца, ніводная з маіх парад не пранікла ў яго тоўсты чэрап.*

Тое ж самае адносіцца да беларускага дзеяслова *прачытаць*, у сэнсавай структуры якога фіксуецца адзін другасны ЛСВ ‘успрыняць што-небудзь напісанае ці надрукаванае (сам сабе ці вымаўляючы ўголас)’ → ‘па якіх-небудзь знешніх прыметах, праяўленнях убачыць, зразумець (чые-небудзь унутраныя перажыванні, думкі, жаданні і падобнае)’: *І як бы хто прачытаў яго думкі — раптам перад носам адчыніліся дзверы, і з кватэры выйшла кабета.* (Ц. Гартны). У англійскім адпаведніку *read* фіксуюцца два значэнні ‘look at and comprehend the meaning of (written or printed matter) by mentally interpreting the characters or symbols of which it is composed’ – ‘паглядзець і зразумець значэнне (пісьмовага або друкаванага матэрыялу), у думках інтэрпрэтуючы сімвалы, з якіх ён складаецца’ → ‘to guess what somebody else is thinking’ – ‘здагадацца, зразумець

што думае нехта іншы’: *To read somebody’s mind / thoughts* – **Прачытаць** чые-небудзь думкі); ‘to understand something in a particular way – разумець нешта пэўным чынам’: *How do you read the present situation?* – Як вы **чытаеце** [= разумеете] цяперашнюю сітуацыю; *Silence must not always be read as consent* – Маўчанне не заўсёды трэба **прачытваць** [= разумець] як згоду.

Асобым чынам вылучаецца англійскі дзеяслоў *decipher* (бел. *расшыфраваць*) першаснае значэнне якога з’яўляецца ментальным і ўтварае карэлятыўную пару з пераносным значэннем беларускага дзеяслова.

У беларускім дзеяслове *расшыфраваць*, які мае першасную нементальную семантыку ‘разабраць, прачытаць напісанае або перададзенае шыфрам’, зафіксаваны другасны ЛСВ → ‘зразумець, разгадаць сэнс чаго-небудзь невядомага, загадкавага’: «*Леў Талстой*» зразумеў і *расшыфраваў* у думках словы жонкі. (З. Бядуля). Англійскі адпаведнік *decipher* мае першасную ментальную семантыку ‘to succeed in finding the meaning of something that is difficult to read or understand’ – ‘разабраць, асэнсаваць тое, што цяжка прачытаць або зразумець’: *She watched the girl’s expression closely, trying to decipher her meaning* – Яна ўважліва сачыла за выразам твару дзяўчыны, спрабуючы *расшыфраваць яго сэнс*. У гэтай суадноснай пары, такім чынам, англійскі адпаведнік з’яўляецца монасемантычным і мае толькі першаснае ментальнае значэнне; беларускі адпаведнік з’яўляецца полісемантычным, і другаснае ментальнае занчэнне ўтворана ў выніку семантычнай дэрывацыі.

У ходзе параўнання былі выяўлены восем англійскіх дзеясловаў, у якіх адсутнічаюць другасныя ментальныя ЛСВ:

1) бел. *абхапіць* ‘абняць (рукамі, нагамі, лапамі)’ → ‘зразумець, засвоіць што-небудзь’: *Дзе ж табе ўсё абхапіць і зразумець*. (М. Гарэцкі); англ. *enfold* ‘surround; envelop’ – ‘акружыць; ахінуць’ → □;

2) бел. *дайсі* ‘ідучы ў пэўным кірунку, дасягнуць якога-небудзь месца’ → ‘стаць зразумелым, асэнсаваным, пранікнуць у свядомасць’: *І тут Іван трывожна схамянуўся – толькі цяпер да ягонай свядомасці дайшоў трывожны сэнс цішыні, у голаў ударыў спалох: дзе Джулія?* (В. Быкаў); ‘дасягнуць разумення чаго-небудзь; дадумацца, разабрацца, разведаць’: *Можна да яго не дайшло, што раней суседзі пісалі*. (К. Чорны); англ. *reach* ‘arrive at; get as far as’ – ‘прыйсці; дабрацца да’ → □. Варта адзначыць, што ў значэнні дзеяслова *дайсі* актуалізуецца дадатковая дыферэнцыяльная сема, якая паказвае на час працякання ментальнага працэсу, а таксама на ступень дазіраванасці атрымання інфармацыі. Дадатковая дыферэнцыяльная сема выяўляецца і ў семантыцы англійскага дзеяслова *penetrate*, якая выказвае ўсведамленне суб’ектам чаго-небудзь у працэсе жыццядзейнасці ў навакольным асяроддзі.

3) бел. *здужаць* ‘узяць верх у барацьбе, бойцы; перамагчы, асіліць’ → ‘засвоіць, зразумець што-небудзь’: *Бацька бязлітасна ішколіў сына ў той няхітрай земляробчай навуцы, якую здужаў на практыцы сам*. (В. Быкаў); англ. *overpower* ‘defeat or overcome with superior strength’ – ‘перамагчы або пераадолець з найвышэйшай сілай’ → □;

4) бел. *аслепнуць* ‘стаць сляпым, страціць зрок’ → ‘перастаць заўважаць, разумець тое, што адбываецца вакол’: *Бацька, такі прадбачлівы заўсёды, тут на старасці нібы аслеп, нібы выжыў з розуму*. (У. Караткевіч); *go blind* ‘to be deprived of sight’ – ‘пазбавіцца зроку’ → □;

5) бел. *прыгледзецца* ‘уважліва паглядзець, каб добра ўбачыць, разгледзець’ → ‘уважліва вывучыць, даследаваць што-небудзь, паназіраць за чым-небудзь’: *А з гэтага выходзіла, што, перш чым звязаць сябе з той ці іншай партыяй, трэба ўважліва прыгледзецца, каб правільна выбраць дарогу*. (Я. Колас); англ. *peer* ‘look keenly or with difficulty at someone or something’ – ‘пільна або з цяжкасцю глядзець на каго-, што-небудзь’ → □;

б) бел. *разгледзець* ‘уважліва, пільна агледзець каго-, што-небудзь’ → ‘прыгледзеўшыся, заўважыць, разабрацца ў кім-, чым-небудзь’: *Ніхто з ягоных знаёмых, нават жонка, не маглі разгледзець у ім незвычайную асобу, чалавечнасць і мужнасць воіна, які выстаяў у самых жорсткіх абставінах перад тварам смерці.* (В. Быкаў); англ. *examine* ‘inspect (someone or something) in detail to determine their nature or condition; investigate thoroughly’ – ‘дэталёва аглядаць (каго-небудзь ці што-небудзь), каб вызначыць іх характар або стан; старанна даследаваць’ → □;

7) бел. *разблытацца* ‘развязацца, расплесціся, разматацца’ → ‘стаць ясным, зразумелым’: *Ён павінен дзейнічаць, гэта яго прамыя абавязкі. Можна знойдзецца хоць маленькі павадок, за які можна будзе ўзяцца, цягнуць яго і памалу разблытацца. Можна нешта і разблытаецца.* (А. Чарнышэвіч); англ. *disentangle* ‘free (something or someone) from an entanglement; extricate’ – ‘вызваліць (што-небудзь ці каго-небудзь) ад заблытанасці; выцягнуць’ → □;

8) бел. *адчуць* ‘пазнаць органамі пачуццяў; пачуць’ → ‘усведамляць, разумець’: *Скот спыніўся і пачакаў, каб Чунг-лі лепш адчуў сэнс апошніх слоў.* (Я. Маўр); *sense* ‘perceive by a sense or senses’ – ‘успрымаць пачуццём або пачуццямі’ → □.

Вылучаецца група з чатырох адпаведных дзеясловаў у якіх назіраецца поўнае або частковае несупадзенне па змесце ментальнага ЛСВ. У двух англійскіх адпаведніках у дзеяслоўных парах *увайсці* – *go into* і *капнуць* – *dig* назіраецца больш шырокі семантычны аб’ём ментальных ЛСВ:

бел. *увайсці* ‘зайсці ўнутр чаго-небудзь, уступіць куды-небудзь, у межы чаго-небудзь’ → ‘унікнуць у што-небудзь, разабрацца; асвоіцца з чым-небудзь’; англ. *go into* ‘to get inside’ – ‘зайсці ўнутр’ → ‘to investigate or examine’ – ‘даследаваць або вывучаць’: *Рыгор ведаў, што новы дырэктар яшчэ поўнасьцю не ўвайшоў у работу інстытута і таму часта выязджае ў камандзіроўкі.* (Л. Арабей); *To go into the problem of price increases* – *Увайсці ў праблему павышэння цэн;*

бел. *капнуць* ‘пераварочваючы і разбіваючы верхні слой глебы (звычайна лапатай), размякчаць, рыхліць зямлю; ускопваць’ → ‘унікнуць у што-небудзь, дабрацца да чаго-небудзь’; англ. *dig* ‘break up and move earth with a tool or machine, or with hands, raws, spout, etc.’ – ‘разбіваць і перамяшчаць зямлю інструментам або машынай, або рукамі, лапамі, мордай і г.д.’ → ‘to understand fully’ – ‘цалкам зразумець’: *Так вось і ходзіць Стажкоў чалавекам, у якога «штосьці ёсць». А калі капнуць глыбей...* (Р. Барвікова); *Do you dig what I mean?* – *Ты капнуў [= разумееш], што я маю на ўвазе.*

У наступных двух дзеяслоўных парах (*раскусіць* – *bite*, *схапіць* – *grab*) семантыка беларускіх дзеясловаў практычна не выходзіць за ‘ментальны калідор’ і ўказвае на хуткае і грунтоўнае засваенне чаго-небудзь; у англійскіх адпаведніках *bite* і *grab* увага канцэнтруецца на знешнім апасродкаваным выяўленні ментальнасці, звязанай з мэтай прыцягнення ўвагі ці прыняцця якой-небудзь зманлівай прапановы:

бел. *раскусіць* ‘кусаючы, раздзяліць на часткі’ → ‘распазнаць, добра ўведаць’; англ. *bite* ‘(of a person or animal) use the teeth to cut into or through something’ – ‘выкарыстоўваць зубы, каб прарэзаць што-небудзь’ → ‘to be taken in by a ploy or deception’ – ‘прыняць зманлівую прапанову’: *Ніяк не раскусіць гэтага чалавека, не зразумець ні яго наводзін, ні яго ўчынкаў, ні, урэшце, смеласці такога раптоўнага прыходу да немцаў.* (М. Лынькоў); *Tried to sell the Brooklyn Bridge, but no one bit* – *Спрабаваў прадаць Бруклінскі мост, але ніхто не раскусіў [= не паддаўся на зман];*

бел. *схапіць* ‘узяць, злавіць хуткім, рэзкім рухам рук, зубоў і падобнае’ → ‘хутка ўспрыняць, зразумець, засвоіць’; англ. *grab* ‘grasp or seize suddenly and roughly’ – ‘схапіць раптоўна і груба’ → ‘to get somebody’s attention’ – ‘прыцягнуць чыю-небудзь увагу’: *Кожную няўдала прачытаную фразу ясна і выразна прачытаць самому, каб дзеці маглі схапіць не толькі самы сэнс, але і гукавы бок прачытанага.* (Я. Колас);

*I'll see if I can **grab** the waitress and get the bill – Пагляджу, ці змагу **схانیць** [= прыцягнуць увагу] афіцыянтку і атрымаць рахунак; The play **grabs** the audience's attention from the very start – Спектакль з самага пачатку спрабуе **схانیць** [= прыцягвае ўвагу] глядачоў).*

Такім чынам, семантыка 22 дзеясловаў дадзенай падгрупы адрозніваецца высокай ступенню інтэнсіўнасці мысліцельнага працэсу. Гэта звязана з тым, што спасціжэнне суб'ектам новага сэнсу або значэння чаго-небудзь невядомага адбываецца пасродкам канкрэтных глыбокіх мысліцельных аперацый.

Варта заўважыць, што практычна ва ўсіх дзеясловах, якія ўтвараюць дадзеную групу, у другасным значэнні выяўляецца сема 'выніковасць'. Гэта звязана з тым, што ў сваіх асноўных значэннях разглядаемыя дзеясловы намінуюць тыя дзеянні і працэсы, якія характарызуюцца завершанасцю.

Спіс крыніц:

1. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.
2. Венцов, А. В. Глагол и структура ментального лексикона / А. В. Венцов // Проблемы социо- и психолингвистики. – Вып. 15 : Пермская социопсихолингвистическая школа : идеи трех поколений : К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн / отв. ред. Е. В. Ерофеева. – Пермь, 2011. – С. 86–91.
3. Гак, В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 22–29.
4. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка: Ментальные действия / РАН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – С. 65–81.
5. Кобозева, И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 95–104.
6. Кустова, Г. И. Семантика пропозитивной конструкции информационных глаголов / Г. И. Кустова // Труды междунар. семинара «Диалог'99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 1999. – С. 156–161.
7. Омельченко, С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья / С. Р. Омельченко. – Волгоград : ВолГУ, 2006. – 411 с.
8. Падучева, Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов : перфектные видовые пары / Е. В. Падучева // Логический анализ языка: ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 111–120.
9. Слюсарь, Н. А. Организация ментального лексикона на примере русской глагольной морфологии (экспериментальное исследование) / Н. А. Слюсарь // Ученые записки молодых филологов. – 2004. – Вып. 2. – С. 176–184.
10. Стаценко, В. И. Функционально-коммуникативный потенциал глаголов понимания и уточнения в русском и английском языках: прагматический аспект: автореферат дис. ... д-ра филол. наук; 10.02.20 / В. И. Стаценко ; Краснодар. гос. ун-т, 2005. – 35 с.

References:

1. Vasil'ev, L. M. (1981). Semantika russkogo glagola [Semantics of the Russian verb]. – Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Ventsov, A. V. (2004). Glagol i struktura mental'nogo leksikona [The verb and the structure of the mental lexicon]. Problemy sotsio- i psikholingvistiki, 15, 86–90. (In Russ.).
3. Gak, V. G. Prostranstvo mysli (opyt sistematzatsii slov mental'nogo polya) / V. G. Gak // Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya. – M. : Nauka, 1993.c– S. 22–29. (In Russ.).

4. Glovinskaya, M. Ya. (1993). Russkie rechevye akty so znacheniem mental'nogo vozdeistviya [Space of thought (the experience of systematizing the words of the mental field)]. In Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya [Logical Analysis of Language: Mental Actions]. Ed. N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva (65–81). – Moscow: Nauka. (In Russ.).

5. Kobozeva, I. M. (1993). Mysl' i ideya na fone kategorizatsii mental'nykh imen [Thought and idea against the background of categorization of mental names]. In Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya [Logical Analysis of Language: Mental Actions]. Ed. N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva (95–104). – Moscow: Nauka. (In Russ.).

6. Kustova, G. I. (1999). Semantika propozitivnoi konstruksii informatsionnykh glagolov [Semantics of the propositive construction of informational verbs]. In Trudy mezhdunar. seminar «Dialog'99» po komp'yuternoii lingvistike i ee prilozheniyam [Proceedings of the Intern. seminar “Dialogue'99” on computational linguistics and its applications] (156–161). – Moscow: Nauka. (In Russ.).

7. Omel'chenko, S. R. (2006). Mental'nye glagoly v rechi kazakov Nizhnego Povolzh'ya [Mental verbs in the speech of the Cossacks of the Lower Volga region]. – Volgograd: Volgograd State University Publ. (In Russ.).

8. Paducheva, E. V. (1993). K aspektual'nyim svoistvam mental'nykh glagolov: perfektnye vidovye pary [To the aspectual properties of mental verbs: perfect aspect pairs]. In Logicheskii analiz yazyka: mental'nye deistviya [Logical analysis of language: mental actions] (111–120). – Moscow: Nauka. (In Russ.).

9. Slyusar', N. A. (2004). Organizatsiya mental'nogo leksikona na primere russkoi glagol'noi morfologii (ehksperimental'noe issledovanie) [Organization of the mental lexicon on the example of Russian verbal morphology (experimental study)]. Uchenye zapiski molodykh filologov, 2, 176–184. (In Russ.).

10. Statsenko, V. I. (2005). Funktsional'no-kommunikativnyi potentsial glagolov ponimaniya i utochneniya v russkom i angliiskom yazykakh: pragmaticheskii aspekt [Functional and communicative potential of the verbs of understanding and clarification in Russian and English: pragmatic aspect]. – Krasnodar: Krasnodar State University. (In Russ.).

УДК 811.111

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИРОНИЧЕСКОГО СМЫСЛА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
ПОСРЕДСТВОМ СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ**

*М.С. Якубович, Ж.Б. Манкевич
Барановичский государственный университет*

В статье представлены результаты анализа текста романа Ч. Диккенса “*Great Expectations*” на предмет использования приема иронии для характеристики образа героев через сравнение, описание, диалог, которые несут в себе оценочное суждение как с негативной модальностью, так и с позитивной. В ходе исследования было установлено, что субъективно-оценочная модальность в произведении выражается словом, словосочетанием, предложением и целым отрывком в тексте, а принцип иронии, проходящий через сравнения и описания, является средством реализации субъективно-оценочной модальности. Скрытую иронию автор в основном передаёт посредством прилагательных.

Ключевые слова: субъективно-оценочная модальность, принцип иронии, самоирония, описание, сравнение, английский язык, Ч. Диккенс.

REALIZATION OF IRONIC MEANING IN FICTION DISCOURSE BY MEANS OF SUBJECTIVE-EVALUATIVE MODALITY

M. Yakubovich, Zh. Mankevich
Baranovich State University

The article presents the results of the analysis of Charles Dickens' novel "Great Expectations" on the subject of usage of irony as means of image description of characters through comparison, description, dialogue which carry a value judgment with both negative and positive modality. In the course of the study it was found that the subjective-evaluative modality is expressed by a word, a phrase, a sentence and a whole passage in the text, and the principle of irony is used as a means of implementing the subjective-evaluative modality. The hidden irony is mainly conveyed by the author with the help of adjectives.

Key words: subjective evaluative modality, irony principle, self-irony, description, comparison, English, Ch. Dickens.

В условиях расширения межкультурной коммуникации, усложнения стиля поведения людей важную роль приобретает изучение традиций разных народов, в том числе и их речевого поведения. Если рассматривать отличительные черты англоязычной культуры, то стоит отметить особый статус в ней такого явления, как ирония. Несмотря на универсальность самого понятия, английская ирония весьма отличается в функционально-содержательном плане от подобного явления в других языках, причем, здесь еще играет роль сфера употребления иронии: реальная жизненная ситуация или художественный дискурс.

Как свидетельствуют лингвистические исследования, прием иронии в художественном тексте выполняет различные функции, в том числе и тонкой насмешки, которая обладает скрытым смыслом и даёт оценочное суждение с негативной модальностью. Бывает, что ирония призвана защищать коммуниканта, вызывать веселье и смех. В этом случае данный прием выражает доброжелательность собеседника и содержит оценку положительного характера. Все зависит от ситуации общения и настроения собеседников (мы используем понятие «субъектов»).

Ирония в целом многогранное явление: в ней чередуются жалость и презрение, этические и философские воззрения. Наиболее ярко принцип иронии проявляется в художественной литературе, где есть возможность «говорить» обо всём скрытно. Сам же принцип затрагивает многие аспекты и раскрывает авторское отношение к происходящему через описание жизни различных слоёв общества, через национальный менталитет и вековые традиции. В качестве лингвистического материала нашего исследования выступило произведение британского писателя Ч. Диккенса "*Great Expectations*" («Большие надежды»). Главный персонаж – Пип – проходит все «муки ада» от детства до зрелости: "*With that, she pounced upon me, like an eagle on a lamb... and I was soaped, and kneaded, and towelled, and thumped, and harrowed, and rasped, until I really was quite beside myself.*" [1].

Иронический смысл автор выражает через сравнение и описание происходящего. Глаголы содержат скрытую негативную субъективно-оценочную модальность. Автор использует данный приём для критической оценки поведения того, кому она адресована и выражает презрительное отношение одного субъекта к другому. Как результат – следующее ироническое замечание от главного героя: "*...I was put into clean linen of the stiffest character, like a young penitent into sackcloth, and was trussed up in my tightest and fearfullest suit*" [1].

Данное ироническое замечание даёт оценку действиям через оценочные прилагательные и сравнение. Ирония высмеивает насилие, ханжество, притворство. Это и есть действительность британского образа жизни низших слоёв общества. Стоит отметить,

что характеристика высших слоёв также не обходится без использования иронии. Для примера возьмём сцену прибытия короля в Данию: *“The whole of the Danish nobility were in attendance; consisting of a noble boy in the wash-leather boots of a gigantic ancestor, a venerable Peer with a dirty face who seemed to have risen from the people late in life, and the Danish chivalry with a comb in its hair and a pair of white silk legs, and presenting on the whole a feminine appearance. My gifted townsman stood gloomily apart, with folded arms, and I could have wished that his curls and forehead had been more probable.”* [1].

Всё это вызывает у читателя смех и передает несколько издевательское отношение к присутствующим. Иронический смысл реализуется через язвительные замечания, осуждение. Открыто звучит разочарование от увиденного. Описание свиты противоречит статусу высшей особы. Ирония открыто говорит об окружающем социуме. Когда один из персонажей появляется в королевской свите «его встречают громкими взрывами хохота» [2, с. 252]. Но когда его «освистали», он не огорчился. Негативная оценка поведения утверждает переход иронического в сатирическое. Эти понятия выступают как близкие явления, легко переходящие одно в другое («ужас» в «смех»). Реализация иронического смысла здесь осуществляется через субъективно-оценочную модальность.

Анализируя влияние субъективно-оценочной модальности на восприятие художественного текста, нам представляется интересным следующий отрывок из романа, в котором Трэбб (второстепенный персонаж книги) увидел Пипа (который был одет «поджентльменски»): *“...suddenly the knees of Trabb’s boy smote together, his hair uprose, his cap fell off, he trembled violently in every limb, staggered out into the road, and crying to the populace, “Hold me! I’m so frightened!” feigned to be in a paroxysm of terror and contrition, occasioned by the dignity of my appearance... The disgrace attendant on his immediately afterwards taking to crowing and pursuing me across the bridge with crows, as from an exceedingly dejected fowl who had known me when I was a blacksmith, culminated the disgrace with which I left the town, and was, so to speak, ejected by it into the open country.”* [1].

Трэбб напрямую иронизирует, «ломает комедию». Этот же смысл передают и экстралингвистические элементы: *“his cap fell off, he trembled violently in every limb”*. Представление отправителя (Трэбб) ориентировано на ироническую ситуацию, но получатель (Пип) воспринимает её в комическом смысле.

Проведя анализ текста романа Ч. Диккенса *“Great Expectations”* можно сделать вывод, что ирония содержит в себе субъективно-оценочную модальность тогда, когда:

- 1) злая шутка ставит субъекта-получателя в неловкое положение;
- 2) говорящий, желая получить одобрение и позитивную оценку окружающих посредством создания комической ситуации из остроумия, превращает высказывание в глупость;
- 3) реализация иронического смысла может выражаться фразовыми глаголами (например: *trembled in every limb; staggered out into the road; hold me*);
- 4) использование фразовых глаголов передаёт эмоциональность происходящей ситуации общения;
- 5) ирония обладает переносным смыслом и служит изобразительно-выразительным средством.

Следующим фактом для рассмотрения служит довод: описание зачастую передаётся с иронической насмешкой. Для подтверждения данного факта следует привести следующий пример: когда Пипу попросил одну кружку чая, ему принесли: *“A teaboard, cups and saucers, plates, knives and forks (including carvers), spoons (various), salt-cellars, a meek little muffin confined with the utmost precaution under a strong iron cover, Moses in the bulrushes typified by a soft bit of butter in a quantity of parsley, a pale loaf with a powdered head, two proof impressions of the bars of the kitchen fireplace on triangular bits*

of bread, and ultimately a fat family urn; which the waiter staggered in with, expressing in his countenance burden and suffering. After a prolonged absence at this stage of the entertainment, he at length came back with a casket of precious appearance containing twigs” [1].

Перечисление ненужных предметов вызывает смех от странности происходящего. Пип иронизирует над традицией проведения чайной церемонии в Англии. Как результат, британский культ превращается в нелепость. Оценочное суждение позитивной модальности переходит в негативную. Реализация иронического смысла переходит в напускную любезность через сравнения, описания предметов и предложение (выпить одну чашку чая). Само же перечисление предметов, выраженное существительными, выступает как достижение большой художественной выразительности.

Также стоит отметить, что оценочное суждение реализуется в романе и посредством диалога. Приведём пример такого диалога между мисс Хэвишем и Эстеллой (главные героини романа):

- *What would you have?*
- *Love, – replied the other.*
- *You have it.*
- *I have not, – said Miss Havisham [1].*

Грациозная поза Эстеллы не обнаружила ни гнева, ни раскаяния, что говорит о характере английской нации. Главный иронический вопрос – «Можно ли заставить любить?» – ограничивается понятиями *родительской любви* и *родительской тирании*. Для британцев любовь и долг – не тождественные образы. Иронический смысл содержит негативную субъективно-оценочную модальность и используется коммуникантами для самокритичной оценки своего поведения (самоиронии).

Вопиющие законы Англии отображены через иронию и в следующем диалоге Пипа и Герберта (одного из главных героев произведения):

–...*the children of not exactly suitable marriages are always most particularly anxious to be married?*

This was such a singular question, that I asked him in return, “Is it so?”

– *I don’t know, – said Herbert, “that’s what I want to know. Because it is decidedly the case with us. My poor sister Charlotte, who was next me and died before she was fourteen, was a striking example. Little Jane is the same. In her desire to be matrimonially established, you might suppose her to have passed her short existence in the perpetual contemplation of domestic bliss. Little Alick in a frock has already made arrangements for his union with a suitable young person at Kew. And indeed, I think we are all engaged, except the baby.”*

- *Then you are? – said I.*
- *I am, – said Herbert, – but it’s a secret [1].*

Вопросно-ответное взаимодействие воспринимается как смешное. Вопиющая нищета порождает чудовищные обычаи. Горькая ирония в словах Герберта, его уныние сменяются оживлением. Смена поведения вызвана насмешкой, которая обращена на самого субъекта. Ирония даёт возможность говорящему удовлетворить свои интересы, задать вопросы собеседнику в своеобразной форме и, совершенно очевидно, передает негативную субъективно-оценочную модальность. В приведенных выше отрывках ирония является важнейшим компонентом коммуникации.

Подводя итог, необходимо отметить, что феномен иронии является стержнем композиционно-содержательного компонента романа Ч. Диккенса “Great Expectations” («Большие надежды»). Иронический смысл понятий проходит через сравнения, описания, диалог, которые являются средствами реализации субъективно-оценочной модальности.

Список источников:

1. Dickens, Ch. Great Expectations [Electronic resource] / Ch. Dickens – Mode of access : <https://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>. – Date of access : 12.03.2022.
2. Диккенс, Ч. Большие надежды / Пер. с англ. М. Лорие ; худож. Н. В. Сустова. – Минск : Юнацтва, 1990. – 480 с.

References:

1. Dickens, Ch. Great Expectations. Retrieved from <https://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm> (In Eng.).
2. Dickens, Ch. (1990). Bolshie nadezdy [Great expectations]. Minsk: Junactva. (In Russ.).

УДК 811.111.81'343.3

**ЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
КРАУДСОРСИНГОВЫХ ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ)**

И.Г. Цеханович

Минский государственный лингвистический университет

В статье рассматриваются особенности метаязыковой деятельности носителей английского языка на примере логической стратегии описания лексического значения единиц, относящихся к разным лексико-семантическим группам. Анализируются формальные (структура логической дефиниции, количество слов, входящих в её состав) и содержательные (типы информации, используемые авторами словарных статей для раскрытия лексического значения) особенности обыденных толкований. Установлено влияние лексико-семантической принадлежности толкуемых единиц на содержательную характеристику логических дефиниций.

Ключевые слова: лексическое значение, метаязыковая деятельность, логическая стратегия, краудсорсинговые словари.

**THE LOGICAL STRATEGY OF THE DESCRIPTION OF THE SEMANTICS
OF LEXICAL UNITS (BASED ON THE DATA OF NOUNS IN CROWDSOURCED
ONLINE DICTIONARIES)**

I.G. Tsekhanovich

Minsk State Linguistic University

The paper reveals the peculiarities of metalinguistic activity of native English speakers on the example of the logical strategy of the description of the lexical meaning of units, belonging to different lexical-semantic groups. The formal (the structure of the logical definition, the quantity of words comprising it) and content (the types of information, used by the authors of the vocabulary entries to define lexical meaning) peculiarities of folk definitions are analyzed. The influence of the lexical-semantic group, to which analyzed units belong, on the content of the definitions was stated.

Key words: lexical meaning, metalinguistic activity, logical strategy, crowdsourced dictionaries.

В одноязычной лексикографии центральной традицией считается проблема описания лексического значения заголовочных единиц (вокабул): какую и сколько информации об именуемых объектах, явлениях, событиях и др. использовать при толковании, как разграничивать значения полисемантических слов, каким образом решать

вопрос унификации толкований и др. Среди многочисленных вопросов возникает и тот, что связан с выбором наиболее подходящей стратегии толкования единиц разной категориальной, тематической, лексико-семантической и др. принадлежности. Под стратегией понимают способ описания лексического значения вокабулы, при помощи которого в наиболее сжатом, компрессионном виде сообщается исчерпывающая информация, необходимая для идентификации обозначаемых лексическими единицами объектов, отношений, явлений и т.д.

В лексикографической практике применяется разнообразный репертуар стратегий описания лексического значения: описательная (лексическое значение раскрывается путем перечисления отличительных признаков класса объектов), синонимическая (приводится синоним или синонимический ряд), отсылочная (читатель перенаправляется к другой словарной статье), перечислительная (перечисляются члены, входящие в гиперо-гипонимическую парадигму, поименованную лексической единицей) и т.д. (см. работы Д. И. Арбатского, Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, В. В. Морковкина, С. Аткинса, Л. Згусты, У. Вайнрайха, М. Рандэлла и др.). Логическая стратегия является самой частотной [1] в толковых словарях общей направленности и относится к т. н. универсальным типам дефинирования [2; 3]. В научной литературе можно встретить разные её наименования (У. Вайнрайх называет её аналитической [4], Л. Згуста [5], Ю. Д. Апресян – дефиницией [6], Д. И. Арбатский – родо-видовым способом толкования [7], С. Аткинс – *genus-and-differentia* [8]), в которых исследователи стремятся так или иначе отразить её суть, которая сводится к установившейся в логике операции определения понятия (отсюда и название – логическая стратегия), реализация которой осуществляется в два этапа: установление класса / рода, к которому относится толкуемая единица, т.е. указание классификатора – слова, именующего данный род или класс объектов; и перечисление отличительных признаков (конкретизаторов), способных дифференцировать объект, поименованный словом, от остальных, относящихся к данному классу. Обсуждаемая стратегия является наиболее эффективным способом толкования денотативной лексики, которая легко поддается категоризации (см. работы Н. Д. Арутюновой, И. В. Арнольд, Д. И. Арбатского, С. Аткинса, Л. Згусты и др.).

Лексикографические дефиниции, относящиеся к логическому типу, широко применяются в семантических исследованиях, основанных на методе компонентного анализа. Появившись более полувека назад, данный метод продолжает активно использоваться как один из этапов анализа семантики лексических единиц (напр., [9]). Как отмечает И. В. Арнольд, «порожденный данными словарей он, в свою очередь, сможет способствовать уточнению и усовершенствованию дефиниций в толковых словарях и в теории лексикографии» [10, с. 56]. Вместе с тем, многие исследователи высказывают критику в отношении лексикографических источников, ссылаясь на отсутствие унифицированного подхода к толкованиям, вариативность типов используемой информации для раскрытия значения [11, с. 15; 12, с. 37], «плагиат», когда самые авторитетные словарные издания списывают друг у друга [4, р. 27]. У. Вайнрайх выражает определенную долю сожаления по поводу необходимости следовать западноевропейской лексикографической традиции и добавляет: «Как было бы замечательно использовать данные наивной лексикографии, которая не относится к западноевропейскому обществу!» [4, р. 27], имея в виду, видимо, отступление от жестких принципов, принятых в западноевропейском лексикографическом сообществе. Развивая данную мысль ученого, отметим, что обращение к исследованию наивных толкований позволит выяснить, какие типы признаков наиболее релевантны для носителей языка при раскрытии лексического значения, как влияет категориальная принадлежность единицы на выбор стратегии её толкования, в чем состоит специфика метаязыковой деятельности рядового носителя языка в сравнении с профессиональными лексикографами и мн. др.

Анализ наивных толкований с разными целевыми установками в большинстве своем проводится на основе лингвистического эксперимента (см. работы И. В. Левенталь, Т. Ю. Кузнецовой, А. Н. Ростовской, И. Т. Вепревой и др.), который накладывает определенные ограничения на испытуемых (лимит времени, заданные лексические единицы для толкования и т. д.), и, как следствие, на достоверность полученных результатов. Появление нового типа лексикографических источников – краудсорсинговых онлайн-словарей – предоставляет возможность изучения специфики метаязыковой деятельности рядовых носителей языка в условиях, не отягощенных ограничениями лингвистического эксперимента. Природа словарей такого типа заключается в коллаборативном их характере, когда любой пользователь сети может пополнить фонд лексикографического онлайн-ресурса своим видением значения той или иной лексической единицы. Одним из самых больших краудсорсинговых онлайн-словарей является Urban Dictionary [13], который принадлежит англоязычному сегменту интернета. Следует отметить, что одной из особенностей этого лексикона является полное отсутствие редактирования авторских дефиниций, что позволяет получить доступ к наиболее «чистым» показателям метаязыковой деятельности носителей языка.

Цель предпринимаемого исследования заключается в выявлении особенностей метаязыковой деятельности носителей английского языка на примере рассмотрения реализации логической стратегии толкования. Материалом исследования послужат лексикографические описания лексических единиц *man* и *dog*, отобранные из Urban Dictionary. Выбор именно этих слов обусловлен, во-первых, их денотативным характером; во-вторых, принадлежностью к ядерной лексике. Кроме этого, выбранные единицы принадлежат разным лексико-семантическим группам («Наименования лиц» и «Существительные-зоонимы»), что может оказывать влияние на специфику толкования данных слов.

Всего выявлено 126 дефиниций, в которых раскрывается основное значение слова *dog*, т.е. 126 человек – авторов словарных статей истолковали данное слово в его основном значении. 97 дефиниций, что составляет 77%, относятся к логической или смешанной, в состав которой входит логическая, стратегиям описания лексического значения. Слово *man* в его основном значении толкуется 105 раз, из которых 70 дефиниций (67%) сформулированы с использованием анализируемой стратегии. Представленные количественные показатели свидетельствуют о том, что рядовые носители языка отдают предпочтение логической стратегии при толковании лексических единиц денотативного характера. Вместе с тем, помимо логической, авторы словарных статей используют разнообразный репертуар способов толкования, что может быть следствием эвристических поисков наиболее оптимального способа толкования: перечислительный (*man – boyfriend, husband, male partner*), синонимический (*man – a male*), описательный (*man – doesn't appreciate how delicate a woman is...³*); а также стремления к самовыражению, прагматической оценки описываемого класса объектов. Например, ассоциативный способ толкования, при котором значение раскрывается посредством приведения ассоциаций, возникших у носителя языка в связи с объектами, поименованными словом (*man – buff, tall, hungry 24/7; dog – man's best friend*).

Толкования логического типа имеют четкую, легко вычленимую структуру, представленную двумя типами в Urban Dictionary. Во-первых, это сложноподчиненное предложение с придаточной определительной (напр., *dog – a Dog is domesticated carnivore of the family Canidae; man – A male who isn't afraid to be himself or expressing himself, who stands up for himself and his woman*). Во-вторых, встречаются дефиниции, имеющие структуру словосочетания, где главное слово выполняет функцию классификатора, а зависимые члены информируют о дифференциальных признаках (*dog – a small to moderately sized four-legged*

³ Все примеры приводятся в их авторском исполнении.

furry thing). В среднем количество слов, входящих в состав толкований, составляет 13 для *dog* и 15 для *man*. Примечательно, что количественные показатели среднего количества слов в толкованиях, извлеченных из профессиональных лексикографических источников⁴, существенно отличаются. Так, для *man* – это 5 слов, а для *dog* – 25 слов. Видимо, такая разница может объясняться характером лексических единиц: *man* относится к номинативному классу единиц, что накладывает определенные ограничения на семантику, в то время как *dog* относится к именам естественных классов, при толковании которых «выбор типов знания является более свободным, что приводит к большей насыщенности компонентами их лексикографических описаний» [9, л. 48], и, как следствие, к большему числу слов в дефинициях. Разница в количестве слов в дефинициях разных лексикографических парадигм – профессиональной и обыденной – может быть связана с тем, что рядовой носитель языка при толковании *man* стремится, помимо непосредственного раскрытия лексического значения, эксплицитно выразить своё субъективное отношение к денотатам, поименованным словом: *a creature that at times can be wonderful and others a pain in the ass*. Дефинируя *dog*, носители языка могут ограничиться включением одного наиболее яркого, салиентного признака, которым обладает описываемый класс представителей фауны: *an animal that barks*, в то время как в профессиональной лексикографии важным является соблюдение принципа полноты описания лексического значения, поэтому толкование не может ограничиться упоминанием лишь одного признака описываемых сущностей.

Анализ содержательной стороны логических дефиниций выявил следующие особенности. Во-первых, наблюдается вариативность в выборе классификаторов, спектр которых богат как в иерархическом плане: находят применение слова с широкой понятийной основой (*object, being, thing*), а также единицы суперординатного и субординатного уровней (*puppy*), так и в выборе единиц одного уровня (достаточно часто используются гиперонимы *creature, animal, pet*, а также единицы, относящиеся к научной таксономии – *canid, carnivore, mammal*). В дескрипциях значения слова *man* выявлены классификаторы, различающиеся не только по глубине (*human, male, boy*) и ширине (*human, person, someone*) иерархических отношений, но и стилистической отнесенностью. Так, в качестве классификаторов авторы словарных статей используют сленгизмы (*dood*), а также единицы, в которых присутствует прагматический компонент значения, передающий пейоративное отношение автора дефиниции к денотату (*object, primate*). В этой связи можно предположить, что для носителя языка важным мотивом, побуждающим к метаязыковой деятельности, является не только стремление раскрыть лексическое значение, но реализовать функцию самовыражения.

Во-вторых, обнаружены особенности толкования в той части дефиниции, где общается о дифференциальных признаках (конкретизаторах) денотатов. При толковании *man* спектр семантических компонентов скуднее (выявлено 12), чем при описании значения слова *dog* (19 компонентов). При толковании *man* (см. Таблицу 1) рядовые носители языка привлекают данные о гендерной принадлежности (биологический тип признака), а также о поведенческих особенностях, связанных с времяпрепровождением (*a special species of primate that likes to touch itself, consume alcohol in place of water, have sex nonstop, smoke like trains*, отношением к противоположному полу (*someone who destroys womens trust in men because he has been wronged in the past by women*). Кроме этого, наивные лексикографы указывают информацию о темпоральных (*A word used to describe any person over the age of 18 who is created from the XY chromosome pair*), перцептивных (*One who possesses a gigantic torso*), психологических, выраженных компонентами, информирующими о характере, эмоциональном состоянии, интересах объекта

⁴ Нами были проанализированы толкования из профессиональных лексикографических источников [15, 16, 17, 18, 19, 20].

(An *extremely hormonal crazed, psychotic human of the male specamin, who spends his free time lounging on the couch and treating perfectly wonderful girls like shit*) характеристиках.

Авторы словаря, раскрывая лексическое значение *dog* при помощи логической стратегии (см. Таблицу 1), чаще всего упоминают социальный тип информации, к которому мы отнесли отношение объекта к человеку (*a perfect creature which will always love you and is the perfect thing to exist*), отношение человека к объекту (*A species that humans tend to like*), а также компонент, содержащий оценку описываемой сущности (*The best pet ever*). Частотным оказалось использование перцептивных признаков, информирующих о визуальных (*A canine animal with big teeth and a wagging tail*), звуковых (*a funny animal that barks and sometimes bites the mailman*) и обаятельных (*an animal with 4 legs and bad breath*) характеристиках, свойственных представителям этого вида фауны. Носители языка при толковании сообщают систематизирующий тип информации, объединяющий семантические компоненты о генетическом родстве, наличии разновидностей, таксономических сведениях: *a type of canine that has many varying breeds*. Важным для авторов словарей при толковании оказалось упоминание поведенческих (*a beautiful protective animals LOVE to run, chase mail men, and chase squrrle*) и психологических, сообщающих об особенностях характера и интеллектуальных способностях, (*an animal that is smart, friendly, protective, caring, playful, loving, and furry*) характеристик. Утилитарный тип информации, представленный сведениями о выполняемой функции, прирученности, менее частотен: *a four-legged mammal, kept as a companion and a pet*. В единичных случаях носители языка упоминают биологический и локативный типы информации.

Таблица 1. Типы информации, используемые в логической стратегии при раскрытии лексического значения *man* и *dog*.

Лексические единицы \ Типы информации	Биологический	Локативный	Перцептивный	Поведенческий	Психологический	Систематизирующий	Социальный	Темпоральный	Утилитарный
Man	41%	–	10%	44%	8%	5%	–	15%	–
Dog	3%	3%	31%	20%	19%	23%	46%	–	15%

Как явствует из таблицы, при использовании логической стратегии для раскрытия лексического значения *man* ядерными признаками оказались поведенческий и биологический, а при дефинировании *dog* – социальный и перцептивный. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что для носителей английского языка, фиксирующих результаты своей метаязыковой деятельности в краудсорсинговых словарях, наиболее значимым при толковании является характеристика классов денотатов сквозь призму их взаимодействия с социумом. Описания природных данных, используемые в качестве дифференциальных признаков, также оказались релевантными для носителей языка при дефинировании.

Таким образом, применение логической стратегии рядовыми носителями языка отличаются как структурными, так и содержательными особенностями. Обыденные толкования логического типа характеризуются высокой степенью вариативности на уровне классификаторов и конкретизаторов, что является закономерным фактом, учи-

тывая широкую авторскую аудиторию краудсорсингового словаря, различный субъективный опыт носителей языка и т.д. Вместе с тем, из всего многообразия используемых типов информации на основе показателя частотности удалось выявить относительно обобщенную модель логической стратегии толкования, которая выглядит следующим образом: классификатор суперординатного уровня (для лексических единиц двух лексико-семантических групп), конкретизаторы поведенческого и биологического типа для наименований лиц, социального и перцептивного – для зоонимов. Установлено влияние лексико-семантической принадлежности толкуемой единицы на содержательную характеристику дефиниции.

Список источников:

1. Ступин, Л. П. Лексикографический анализ Большого словаря Уэбстера 1961 г. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. П. Ступин ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т. – Л., 1963. – 16 с.
2. Скляревская, Г. Н. Новый академический словарь. Проспект / Г. Н. Скляревская. – СПб., ИЛИ РАН, 1994. – 64 с.
3. Грязнова, О. В. Типы дефиниций в текстах словарных статей (на материале специальных словарей английского языка) / О. В. Грязнова // Общие и частные проблемы функциональных стилей : сб. ст.. – М. : Наука, 1970. – С . 147-160.
4. Weinreich, U. Lexicographic definition in descriptive semantics / U. Weinreich // International Journal of American Linguistics. – Baltimore : Indiana University at the Waverly Press. – 1962. – P. 25–43.
5. Zgusta, L. Manual of Lexicography / L. Zgusta. – Academia ; Publishing House of Czechoslovak Academy of Science, 1971. – 356.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
7. Арбатский, Д. И. Толкование значений слов. Семантические определения / Д. И. Арбатский. – Ижевск : Изд-во «Удмуртия», 1977.– 100 с.
8. Atkins, S. The Oxford Guide to Practical Lexicography / S. Atkins, M. Rundell. – New York : Oxford Univ. Press, 2008. – 553p.
9. Будникова, Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Будникова. – Минск, 2016. – 198.
10. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
11. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического исследования / Р. М. Фрумкина / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
12. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
13. Urban Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.urbandictionary.com>. – Date of access: 15.02.2022.
14. American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – Mode of access : <https://ahdictionary.com> – Date of access : 18.03.2022.
15. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dictionary.cambridge.org>. – Date of access : 18.03.2022.
16. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access : 18.03.2022.

17. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.macmillandictionary.com>. – Date of access : 18.03.2022.
18. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 18.03.2022.
19. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.Idoceanline.com>. – Date of access : 18.03.2022.
20. Random House Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.dictionary.com>. – Date of access : 18.03.2022.

References:

1. Stupin, L.P. (1963). Leksikographicheskij analiz Bol'shogo slovarya Webstera [Lexicographic Analyses of Webster's Dictionary]. Leningrad : Leningr. ordena Lenina university. (In Russ).
2. Sklyarevskaya, G.N. (1994). Novyj Academicheskij Slovar'. Prospect [New Academic Dictionary]. Saint Petersburg: Russian Academy of Science. (In Russ).
3. Gryaznova, O. V. (1970). Tipy Definicij v Tekstakh Slovarnykh Statej [Types of Definitions in the texts of vocabulary entries]. Moscow : Nauka. (In Russ).
4. Weinreich, U. (1962). Lexicographic definition in descriptive semantics. International Journal of American Linguistics, 25–63. (In Eng).
5. Zgusta, L. (1971). Manual of Lexicography. Academia ; Publishing House of Czeckoslovak Academy of Science. (in Eng).
6. Apresyan, U.D. (1995). Izbrannyje Trudy. Integral'noye opisaniye yazyka I sistemnaya leksikografiya [Integral Description of the Language and The Systematic Lexicography]. Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ).
7. Arbatskij, D.I. (1977) Tolkovanije Znachenij Slov. Semanticheskije Opredeleeniya [Defining the Word Meaning. Semantic Definitions]. Izhevsk : Udmurtiya. (In Russ).
8. Atkins, S., & Rundell, M. (2008). The Oxford Guide to Practical Lexicography. New York: Oxford University Press. (In Eng).
9. Budnikova, E.I. (2016). Znachimost' Semanticheskikh Komponentov v Structure Leksicheskogo Znacheniya [The Relevance of the Semantic Components in the Structure of the Lexical Meaning]. Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russ).
10. Arnold, I.V. (1991). Osnovy Nauchnyh Issledovaniy v lingvistike [The Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]. Moscow : Vysshaya shkola. (In Russ).
11. Frumkina, R.M. (1985). Cvet, Smysl, Skhodstvo: aspect psikholingvisticheskogo issledovaniya [Color, Meaning, Similarity: aspects of psycholinguistic Research]. Moscow: Nauka. (In Russ).
12. Kuznetsov, A.M. (1986). Ot Komponentnogo Analiza k Komponentnomu Sintezu [From Componential Analysis to Componential Synthesis]. Moscow: Nauka. (In Russ).
13. Urban Dictionary Retrieved from <https://www.urbandictionary.com>.
14. American Heritage Dictionary of the English Language. Retrieved from <https://ahdictionary.com>.
15. Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org>.
16. Collins English Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com>.
17. Macmillan Dictionary. Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com>.
18. Merriam-Webster. Dictionary Retrieved from <https://www.merriam-webster.com>.
19. Longman Dictionary of Contemporary English. Retrieved from <http://www.Idoceanline.com>.
20. Random House Dictionary. Retrieved from <https://www.dictionary.com>.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В.А. Маслова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»*

В статье выявляются основные проблемы поэтического языка, делается проекция на обыденный язык. Мир, создаваемый поэтическим словом, – это мир сложных соотношений, взаимодействий и связей. По сути, это другой, сотворенный поэтом мир. Единицы языка, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными культурой вообще, текстовыми характеристиками, интертекстуальными связями, замыслом автора и т.д. При этом они обрастают совершенно новым, невозможным для обыденного языка смыслом. Эти смыслы требуют толкования и самим читателем, и исследователем поэзии.

Ключевые слова: возможная реальность, антиреальность, новая реальность, виртуальная реальность, культура, интертекстуальность.

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN POETRY RESEARCH

V.A. Maslova

*Vitebsk State P.M. Masherow University,
Vitebsk branch of the International University "MITSO"*

The article identifies the main problems of poetic language and makes a projection into everyday language. The world created by the poetic word is a world of complex relationships, interactions and connections. In fact, this is a different world created by the poet. Units of language, occurring in a poetic text, not only obey aesthetic laws, but they are conditioned by culture in general, textual characteristics, intertextual connections, the author's intention, etc. At the same time, they acquire a completely new meaning, impossible for ordinary language. These meanings require interpretation by both the reader and the researcher of poetry.

Keywords: possible reality, antireality, new reality, virtual reality, culture, intertextuality.

Актуальные проблемы исследования русской поэзии – это одновременно и актуальные проблемы современной лингвистики. Как сказал Р.О. Якобсон: «Сущность языка проявляется только в поэзии».

Одной из особенностей мира, который очень быстро ускоряется (на жизни одного поколения пришли такие технологии, о которых мое поколение, например, даже и не подозревало). Для нас важно, что произошло расчленение объективной реальности, чем объясняется появление в современном языке и в общении людей таких выражений, как *разновидность реальностей, альтернативная реальность, возможная реальность, антиреальность, новая реальность, другая реальность* и др.

Понятие реальности активно развивается в философии, но, как известно, поэзия и философия – две сестры в миропознании. Эти дискурсы имеют следующие сходства: а) авторефлексивности, б) слабая эксплицируемость, в) = обилие глубинной информации, г) суггестивность, д) антиавтоматизм восприятия, е) обращенность (к миру, Богу, людям) и др.

В наше время важным качеством поэзии стало создание в ней новой реальности – некоего нового модуса существования поэзии, возникает один из возможных поэтических миров, правда, далеко не лучший, который можно считать не-поэзией:

*Не жалею, не зову, не плачу...
Не курю, не пью, не матерюсь...
Не коплю на чёрный день, не трачу,
Не переадаю, не колюсь..
Не жалею и не сожалею,
Не хитрей других и не глупей...
Не грущу, в друзья не набиваюсь,
Не боюсь несмелость показать...
Не ПРИНЦЕССА-ль я, ядрёна мать?!!!*

Понимая культуру (вслед за М.Ю.Лотманом) как текст, а точнее, совокупность текстов, мы считаем, что современная поэзия не может быть рассмотрена вне культуры, ее традиций, хотя она не похожа не только на традиционную культуру, но и на культуру вообще. Через эту поэзию все же слышна негромкая музыка здравого смысла. Исследователь не может делать вид, что ее нет.

*Опять чешу на каблуках,
По льду и утренней пороше!
Блин... Жесть!!! А вы хотели как?*

А вдруг судьба... а я в галошах!!!

Такой не-поэзией полон Интернет, стихи в песнях, хотя песен у нас стало в разы больше, но настоящей поэзии в песнях почти нет.

*Когда жена поёт,
Я у окна стою:
Пусть видит весь народ,
Что я её не бью.*

Едва ли можно такие тексты назвать поэзией, хотя в них встречается и языковая игра, и интертекстуальность и другие приемы из настоящей поэзии. Но нет глубины, нет философии, нет тайны, которая приоткрывала бы дверь для познания человеком самого себя. В такой не-поэзии мы видим потрясающую примитивизацию структуры и композиции. Не случайно широко распространены двауститья, одностишья, например, Леонида Либкинда: *Делился радостью охотней чем деньгами; С пустой башкой идти по жизни легче.* Но особое беспокойство вызывает примитивизация языка, обилие клише и штампов, интертекстуальность, постоянные аллюзии с известными классическими текстами. Например, в сетевых малых жанровых формах (пирожках, порошках и др.), написанных на злобу дня, можно обнаружить такие приемы: *ты не огорчайся / если не привит / всем поможет добрый /доктор айковид (Миша Латин).* Здесь намек на Доктора Айболита и сакразм по поводу того, что никто не поможет, независимо от того, привит ты или же нет. Традиционно под интертекстуальностью понимается диалогическое взаимодействие текстов в процессе функционирования, что обеспечивает приращение смысла. А в этой новой поэзии это, скорее, аллюзии, которые лишь в редчайших случаях дают приращение смысла. Зато эти стихи почти всегда сопровождается особой литературной позой, вызовом.

Корни всего этого - в поэзии прошлого века, так в 90-е годы ведущими направлениями становятся концептуализм, ироническая поэзия, метареализм. Для каждой из них характерны свои средства и приемы выражения художественного образа, свои тропы и поэтические фигуры, хотя есть приемы, присущие им всем. Рассмотрим несколько примеров из литературного течения «митьки»:

А тебе (пусть злится вьюга)/ В белом венчике из роз,/ В сладком сне, моя подруга,/ Да привидится Христос! (1976) (Владлен Гаврильчик. Изделия духа. СПб., 1995). Из этого же сборника: Папа – клоун, мама – клоун. // Как я ими очарован (1983).

В первом стихотворении видим прямое подражание А. Блоку, рассчитанное не на глубину миропознания, а на эстетику узнавания. Такие стихи могут ответить лишь на следующий вопрос: «А является ли каша в голове пищей для ума?».

Все это уже было в русской поэзии XX века. В своей статье «Аполлон в перепалке», вошедшей в книгу «Сдвигология русского стиха (Трактат обижальный и поучальный)», В. Крученых приводит примеры «рисунков слов»: мочедан (чемодан), шрамное лицо, мрачъя физиономия, брeндень (бред, дребень, раздробленный день)» и др.

Примеры подобной словесной вязи (по определению А.Е. Крученых – сдвигов) довольно широко быстро привились на почве русского авангарда. В них наложение друг на друга нескольких сем в результате помогает появлению нового смысла, получаемого на основе интерференции значений. Его зыбкие и неуловимые очертания ведут в область ирреальных представлений» [1, с. 420]. Но во всех этих случаях формируется **умозрительная, а не и образная модель реальности.**

Василий Каменский выделяет слоги, принадлежащие сразу двум словам, заглавными буквами:

РыбаКИдали
сетИЗлодок –
сетИЗлодок
рыбаКИдали

Вилен Барский в своем стихотворении «ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО» создает из набора букв первой фразы множество новых правильных и неправильных грамматически фраз, которые совершенно лишено смысла с точки зрения здравого смысла и коммуникации.

ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО
НАЧАЛОБЫЛОВСЛОВЕ
БЫЛВСЛОВЕОНАЧАЛО
ОСЛОВЕЛОВБЫНАЧАЛ
ВЛЕСБЫНАЧАЛОЛОВА
ОЛОВБЫЛОСВНАЧАЛЕ
ВЛОВВЛЫСОЕНАЧАЛО
ОБЫЛОВЧАНВОЛАСЕЛ
ВОЛЫСОНЛОВЧЕБАЛА
АСОНВОЛАБЫЛЛОВЧЕ
ООСВЛАЧАОНЛЕВБЫЛ
АЛОВЧЕБЫСЛОНАЛОВ
НЕЧАЛВОЛАБЫВОЛОС
АВАЛВЧЕЛОБЫСОЛОН
ОНВЫЛВЧАСЛБАООЛЕ
АЛОНОЕЛВЧАСВОБЛЫ

Если первая фраза данного текста сразу отсылает адресата к Библии, к вопросу о происхождении всего сущего, далее читатель уже перестает понимать смысл, а в сильной позиции текста возникает абсолютно деструктивная фраза: «Он был в час лба о Оле, а лоно ел в час воблы».

Далее в истории поэзии идут графолексические рисунки А. Вознесенского, в которых один смысл он дополняет другим, третьим, четвертым. Так автор реализует мысль, что все в мире взаимосвязано. Таких видеом много у Андрея Вознесенского в сборнике «Casino “Россия”» 1997 года. Графически они могут быть оформлены по-разному: в виде спирали, каски или сердца.

Любая культура создает свой мир, в котором каждый предмет имеет свои культурные смыслы. Обозначая мир, слово как бы творит его. Дать имя вещи значит сотворить мир вокруг себя. Источником лингвокреативной энергии является «дух народа». Поэт, называя мир, борется с хаосом. Сила поэтического слова заключается в слиянии смысловой, звуковой, культурной энергий. Даже наш обыденный язык хранит эту информацию: слова *искрометность, одухотворенность, теплые слова, слово излучает свет, в слове бьется жизнь, слово – молния* и т.д.

В поэтическом же слове есть сочетание разных векторов, т.к. дело не только в языке, но и в самом поэте, степени мистичности его души. Вероятно, не только сознание, и но бессознательное структурировано как язык, т.е. функционирует оно не на символическом и не на инстинктивном уровне, а на уровне языка. Поэтическое слово имеет огромную власть над человеком. Эта власть сродни магической власти. «Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве», считает Н. Бердяев [2, с. 301]. Не случайно В.П. Григорьев, называл поэзию **эстетико-эвристическим измерением языка** [3]. Не только создание, но и восприятие поэзии – эвристический процесс. Только подготовленный читатель за темнотой смысла увидит ее глубинный пласт, и все это происходит благодаря языку поэта – страстной, сбивчивой поэтической импровизации.

«Чем сложнее мысль, тем больше требуется умения для извлечения ее из форм языка» (Л.В.Щерба).

Поэзия – это одна из форм существования культуры, т.к. поэтический язык становится системой воплощения культурных ценностей. А ценность, по мнению Н.А.Бердяева, служит основой и фундаментом всякой культуры. Кроме того, любая культура – это совокупность текстов (в широком семиотическом смысле).

Выводы. Итак, наш обыденный язык живет по правилам, которые допускают недозволенные ходы, нерегламентированные правилами: Но не любые ходы допустимы. А в поэзии? Здесь все истинно великое рождается не по правилам. Альфред Шнитке: «Для образования жемчужины в раковине, лежащей в океане, нужна песчинка – что-то «неправильное», инородное».

Методологической базой любого современного исследования должно стать положение о тесной связи и взаимообусловленности языковых, когнитивных и культурных процессов. Мир, создаваемый поэтическим словом, – это мир сложных соотношений, взаимодействий и связей. Основатель философской эстетики Александр Баумgarten назвал произведение искусства «гетерокосмосом», т.е. другим, сотворенным миром. Языковые единицы, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными культурой вообще, текстовыми характеристиками, ин-тертекстуальными связями, замыслом автора и т.д. При этом они обрастают совершенно новым, невозможным для обыденного языка смыслом. Они доступны толкованию, а слова обыденного языка этого не требуют, если только ими не занимается лингвист.

Список источников:

1. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики / Л. М. Васильев. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 520 с.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея / под ред. М. А. Блюмеркранца. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 358 с.
3. Григорьев, В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / отв. ред. А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1986. – 255 с.

References:

1. Vasil'ev, L. M. (2006). Teoreticheskie problemy obshhej lingvistiki, slavistiki, rusistiki [Theoretical problems of general linguistics, Slavic studies, Russian studies]. – Ufa: BashGU Publ. (In Russ.).
2. Berdjaev, N. A. (2004). Russkaja ideja [Russian idea]. Ed. M.A. Blumerkranz.– Moscow: Publishing House AST. (In Russ.).
3. Grigor'ev, V. P. (1986). Slovtvorchestvo i smezhnye problemy jazyka pojeta [Word creation and related problems of the poet's language]. Ed. A. D. Grigorieva. – Moscow: Nauka. (In Russ.).

**МОДАЛЬНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
Ю. НАГИБИНА «ПЕРЕУЛКИ МОЕГО ДЕТСТВА»)**

И.П. Кудреватых

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Художественный текст рассматривается с позиции синтаксических значений залоговых форм глагола – грамматически соотносительных и синонимических активных и пассивных структур, расположенных дистантно. Особенности стилистических употреблений глагольных форм связаны с использованием дательного субъекта и дательного коммодального, которые различаются модальными оттенками при выражении смысловой насыщенности концепта «память». Кроме того, модальными маркерами становятся различные пропозициональные отношения предикатов ядерных структур рассказов повести, что способствует приращению смыслов. Установка на прошедшее в развитии лирической темы в повести Ю. Нагибина, или прошедшее ретроспективное, становится основным средством связности текста.

Ключевые слова: художественный текст, коннотативное значение, дистантность, грамматическая структура, модально-стилистические средства.

**MODALITY AS A COMMUNICATIVE AND GRAMMATICAL CATEGORY
LITERARY TEXT (BASED ON THE MATERIAL
OF THE STORY BY YU. NAGIBINA “THE ALLEYS OF MY CHILDHOOD”)**

I.P. Kudrevatykh

Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

The literary text is considered from the standpoint of the syntactic meanings of the pledge forms of the verb – grammatically correlative and synonymous active and passive structures located distantly. The peculiarities of stylistic uses of verb forms are associated with the use of the dative subject and the dative commodal, which differ in modal shades when expressing the semantic saturation of the concept «memory». In addition, various propositional relations of predicates of the nuclear structures of the stories of the story become modal markers, which contributes to the increment of meanings. Setting on the past in the development of the lyrical theme in the story of Yu. Nagibina, or the past retrospective, becomes the main means of coherence of the text.

Key words: literary text, connotative meaning, distance, grammatical structure, modal-stylistic means.

Художественный текст обладает набором универсальных функционально-семантических и стилистических категорий, языковая экспликация которых способствует ассоциативным контаминациям, порождающим определенные стилистические эффекты. Художественная речь всегда объективирована, поскольку модальные значения определяются субъектом речи, приобретающим в тексте самостоятельное значение. Поэтому субъективная модальность как речевая форма семантико-синтаксической и стилистической структуры художественного текста – один из аспектов тексто- и смыслообразования.

Повесть Ю. Нагибина «Переулки моего детства» – это 13 рассказов, объединенных сквозным концептом – «память». Это психологический портрет московской ребятни – обитателей многонаселенных квартир и шумных городских дворов. «Психологизация изображения, постоянная потребность в исследовании тонких движений души, необходимость за внешними поступками и действиями видеть скрытые, сокровенные внутренние состояния, угадывать по ассоциативным связям и представлениям истинные внутренние

причины внешних действий...» [8, с. 51] требуют выражения личного отношения к изображаемому. Более того, сами приемы психологизации имплицитно содержат ту общую модальность текста, которые окрашивают произведение в определенные субъективно-смысловые оттенки. Поэтому повествование от 1-го лица становится структурно-семантическим центром повести. «Вместе с я появляется субъективно-модальное значение, неприменный атрибут высказывания» [6, с. 177]. Специфическим средством синтаксического выражения модальности могут стать залоговые значения глагольных форм.

Первый рассказ повести «Дом № 7» построен на различии стилистических функций залоговых форм глагола – синтаксически соотносительных и синонимических активных и пассивных структур, расположенных дистантно. Особенности стилистических употреблений глагольных форм связаны с использованием дательного субъекта и дательного коммодального, которые различаются модальными оттенками: дательный коммодальный, еще более пассивный, чем дательный субъекта, имеет значение объективной необходимости, неотвратимости действия, закономерной случайности возникшего состояния, например: *Но отчего испытал я счастье, что рисовалось моему воображению?* (дательный коммодальный); *Я пишу это не ради того, чтобы признаться* (дательный субъекта) *в не любви к морю – мне нужно освободить* (дательный субъекта) *свои воспоминания... Сколько раз в трудные минуты являлся мне* (дательный коммодальный) *светлый угол дома; Я не очень удивился..., тайны внезапных наитий счастья хотелось мне коснуться* (дательный субъекта) *прежде всего...* А. А. Потебня отмечает, что в предложениях с дательным коммодальным сам субъект больше «свидетель» или его жертва, чем его участник, т. е. «означает внешний предмет по отношению к тому, что случилось» [5, с. 336].

Использование дательного падежа в различных стилистических функциях связано с различением субъективно-модальных оттенков при выражении состояния повествователя: дательный субъекта передает оттенки желания, необходимости, готовности к совершению действия и обозначается предикативами *нужно, хотелось*, которые эксплицируют значения желательного, побудительного синтаксически ирреального наклонения. Однако заключенное в их структуре значение субъективно-личного отношения к происходящему привносит в указанные выше оттенки дополнительные значения неизбежной закономерности, которая является результатом взаимодействия многомерной семантической изотопии концепта «память». Основой такой изотопии являются как эксплицитные, так и имплицитные компоненты смысловой структуры текста, которые и создают новые смыслы. Дательный коммодальный на фоне дательного субъекта передает дополнительные оттенки полноты ощущений, повторяемости действия, его длительности, в чем проявляется экспрессивность ступеней пассивизации как стилистического приема.

В рассказах «Милый шутки жизни», «Мой первый друг, мой друг бесценный», «Первое путешествие» и др. конструкции с грамматически пассивным субъектом сведены до минимума. Их единичное использование является связующим семантическим элементом изотопической цепочки с ядерным концептом «память». Отличны и их стилистические функции. В первом рассказе, выступающим своего рода препозитивным эпилогом повести, пассивные конструкции являются своеобразным результатом жизненных ощущений, поэтому основной способ выражения пассивности – безличные предложения, например: *этой [механической] памяти можно верить; полагаться на нее [душевную память] никак нельзя; доверять ей можно лишь с теми внутренними оговорками; это надо твердо знать* («Дом № 7»). В остальных рассказах безличные структуры при выражении пассивности как характеристики психологического состояния героя заменяются личными конструкциями с пассивным субъектом, например: *никогда еще город не казался мне таким чужим; и не беда, что оливковую ветвь принес не крылатый, изящный, сияющий ангел..., а старый печатник* («Страшное»); *господь внял моим молитвам* («Друг дома») и др.

Модальные конструкции ядерной структуры рассказа «Дом № 7» находятся в отношениях включения с ядрами остальных рассказов, определяя общий эмоциональный фон и его оценку: *Счастье?.. Да правда ли чувствовал я счастье или надеяю им из дали лет свою молодость? Уж больно плохо оборудовано для счастья было то грозное время.., но счастье все-таки было...* Модально значимые слова в условиях синтаксической структуры выражают объективно-модальные значения интенсивности, полноты ощущений, высокой степени проявления чувств героя. Взаимосвязь личного, субъективного отношения с эмоциональным состоянием проявляется в особенностях функционального содержания синтагм, с одной стороны, и в особенностях понятийного, или логического, – с другой. Так, значения закономерной необходимости, возможности и даже категоричности как выражение понятийной концептуальной категории (например, есть память механическая и память душевная) или значение постоянного, повторяющегося действия, значение исключительности впечатления, ощущения выражаются безличными конструкциями, предикативами *можно, нельзя, надо* в сочетании с инфинитивом или личными структурами в имперфективном значении с дательным субъекта. И те и другие сходны по выполняемым стилистическим функциям. О такой синонимической соотнесенности В.В. Виноградов пишет: «Развивается все более тесное соотношение между пассивными оборотами и оборотами безличными [1, с. 503]. Задавая в первом рассказе тему всей повести (есть память механическая и душевная), автор устанавливает две параллели семантических изотопических цепочек: механическая память (объективная модальность) – это имена, фамилии людей, адреса, телефоны, дни рождения; это вид памяти, помогающий сдавать экзамены и т. д.; душевная память (субъективная модальность) – это *некий род творчества... И чем сильнее подобная память у человека, тем сомнительнее ее показатели.* В этом утверждении уже заложено оценочно-характеризующее значение, которое определяет лексико-грамматическую систему произведения.

Выделяя две параллели – объективную и субъективную, автор организует их в систему противопоставлений, которая проявляется в грамматической парадигме предложений. Так, прямой порядок слов в личных конструкциях с субъектом действия, выраженным местоимением *я*, несет на себе момент эгоцентричности, т. к. на всем повествовании лежит отпечаток небеспристрастного отношения к изображаемому. «Авторская оценка находит свое проявление в ориентации системы семантических связей текста на ценностную позицию адресата» [2, с. 45]. *Я* – это целый мир, это будущее. Такое утверждение прослеживается в интегральных отношениях ядерных структур рассказов. Ядро последнего рассказа *Не надо цепляться за прошлое* («Ливень»), с точки зрения актуального членения текста, является темой, устанавливая с ядрами предыдущих рассказов (ремы) привативную оппозицию: прошлое – это *песни; страшное; Иван; мой первый друг, мой друг бесценный* и др., т. е. наблюдается субъективное расположение компонентов актуального членения. Лексическое наполнение темы вносит сему некоторого раздражения, что связывает данную структуру с ядром первого рассказа («Дом № 7»): *полагаться на нее [механическую память] никак нельзя, т. к. работа памяти – бессознательное, или вернее, подсознательное творчество. Это надо твердо знать, когда берешься рассказывать о прошлом, если хочешь остаться честным в собственных глазах.* Обобщенность субъекта действия соотносит высказывание с утверждением *у каждого человека есть свой угол*, которое, в отличие от содержательной структуры всей повести, приобретает метафорический смысл, опровергающий утверждение ядерной структуры последнего рассказа. «Я» из конкретного субъекта перерастает в обобщенный, меняющий концептуальную оценку: *пока я откликаюсь углу дома в синеве и верю, что за ним – дали, и слышу их зов, я еще способен к жизни, слезам, творчеству.*

В результате препозиции ремы складываются различного рода ассоциации, устанавливающие динамические связи, на первый взгляд, семантически не связанных структур. Например, ядро рассказа «Меломаны» воспринимается как аграмматичное

и асемантическое, если не установить его системные отношения с другими рассказами: повторяющиеся структуры *иначе нам не петь* как дистантный синтаксический параллелизм имеют различный смысловой объем. В первом случае – это результат действия в ответ на запрет петь под окнами:

– *Замри, гнида!* – *Слава нагнулся, резко выпрямился, – и обломок кирпича раскололся о стену под самым окном Конькова.*

– *Здорово ты его!.. Только вот кирпичом... надо ли?*

– *Надо, – убежденно сказал Слава...*

– *Иначе нам не петь.*

Семантическое варьирование синтаксической структуры в конце рассказа уже связано с концептуальным смыслом рематического компонента: *Когда люди избегают от всякой опасности, когда им не нужно будет выбирать, они перестанут быть людьми!* Тема *иначе нам не петь* приобретает большую метафорическую емкость, становясь информемой: что дает человеку право оставаться человеком? Умение оценить ситуацию и сделать нравственный выбор – такая интерпретация позволяет установить ассоциативную связь с первой ядерной структурой. В результате складывается смысл всей повести: память – это пространство со своими «переулками», это путешествие души. И каждый «переулок» памяти в повести Ю. Нагибина окрашен субъективно-авторской модальностью.

Таким образом, категория модальности в художественном тексте имеет ярко выраженную прагматическую направленность и неотделима от экспрессивности и эмоциональности, которые апеллируют к эмоционально-волевой сфере психики читателя с целью регуляции его поведения. При этом каждое художественное произведение отличается своим текстоорганизующим набором средств выражения субъективной модальности, что определяется, с одной стороны, коммуникативными целеустановками, а с другой – личностью самого автора. «Выяснение функциональной значимости языковых средств позволяет уточнить позицию писателя, его замысел» [4, с. 80]. Более того, «изучение изменчивой стилистической роли грамматических форм ведет нас к микроэлементам, организующим стиль, в глубь языка самого по себе и в мастерскую художественного слова. При этом появляются соответствия и знаки равенства там, где грамматика не устанавливала ни соответствий, ни знаков равенства» [7, с. 61]. Поэтому «каждый элемент в общей системе организации речевых средств художественного произведения, формирующих его эстетическое, стилевое и смысловое единство» [2, с. 80], является структурно и функционально значимым.

Модальные маркеры художественного текста, существенно отличаясь от средств выражения модальности в предложении, устанавливают различные пропозициональные отношения предикатов ядерных структур рассказов, способствуя появлению неожиданных смыслов. Установка на прошедшее в развитии лирической темы в повести Ю. Нагибина, или прошедшее ретроспективное, становится основным средством связности текста. Категориальная форма изъявительного наклонения отражает информативно-фактуальную информацию текста, а дистантное соотношение неопределенного наклонения – инфинитива – в рассказе «Дом № 7» и дистантно повторяющаяся отрицательная структура *иначе нам не петь* («Меломаны») со значением категоричности утверждения переводит изъявительное наклонение в план наклонения предостерегательного, окрашивая всю повесть оттенком лирической грусти: *У каждого человека есть свой угол* – память. Таким образом, модально-стилистические особенности грамматической структуры в декодировании текстовой информации, скрытой в аллюзивно-метафорической системе художественного произведения, богаты и разнообразны.

Список источников:

1. *Studia grammatical // Kontexte der Grammatiktheorie / Akad. der Wiss. der DDR. Zentralinst. – Berlin : Akademie, 1978. – 168 S.*

2. Солганик, Г. Я. К проблеме модальности текста / Г. Я. Солганик // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст : сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т. – М. : МГУ, 1984. – С. 173–186.

3. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : в 4-х томах / А. А. Потебня. – Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М. : «Просвящение», 1968. – 250 с.

4. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.–Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 766 с.

5. Виноградов, В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 4–26.

6. Одинцов, В. В. Грамматические формы в художественной прозе / В. В. Одинцов // Стилистика художественной литературы. – М. : Наука, 1982. – С.76–85.

7. Чичерин, А. В. Идеи и стиль / А. В. Чичерин. – М. : Сов. писатель, 1968. – 374 с.

References:

1. Studia grammatical (1978). In Kontexte der Grammatiktheorie. Akad. der Wiss. der DDR. Zentralinst. Berlin: Akademie. (In Ger.),

2. Solganik, G. Ja. (1984). K probleme modal'nosti teksta [On the problem of text modality]. In Russkij jazyk. Funkcionirovanie grammaticheskikh kategorij. Tekst i kontekst [Russian language. Functioning of grammatical categories. Text and context] (pp. 173–186).– Moscow: Moscow State University Publ.. (In Russ.).

3. Potebnja, A. A. (1968). Iz zapisok po russkoj grammatike: v 4-h tomah [From notes on Russian grammar: in 4 volumes]. Vol III. Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo [On changing the meaning and substitutions of a noun]. – Moscow: «Prosvjashhenie» Publ. (In Russ.).

4. Vinogradov, V. V. (1947). Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. – Moscow-Leningrad : State stud.-pedagog. Publ. (In Russ.).

5. Vinogradov, V. V. (1954). Jazyk hudozhestvennogo proizvedenija [The language of a work of art]. Voprosy jazykoznanija, 5, 4–26. (In Russ.).

6. Odincov, V. V. (1982). Grammaticheskie formy v hudozhestvennoj proze [Grammatical forms in fiction]. In Stilistika hudozhestvennoj literatury [Stylistics of fiction] (76–85). – Moscow: Nauka. (In Russ.).

7. Chicherin, A. V. (1968). Idei i stil' [Ideas and style]. – Moscow : Sovet writer Publ. (In Russ.).

УДК 82-2:316.77:316.276

СОВРЕМЕННЫЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье демонстрируются возможности расширения исследовательских аспектов драматургического диалога, которые в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы появились в результате достижений лингвистики и ряда междисциплинарных областей на этапе новейшего знания. Новые подходы к диалогу в принципе: всестороннее изучение интенций коммуникантов, в частности – акцент на возможности их трансформирования в процессе осуществления диалогического общения; выявление аспектов обусловленности диалога коммуникативной ситуацией, которые ранее не принима-

лись во внимание, и т. п. – обусловили также более глубокое и разноаспектное осмысление диалога в художественной речи. Анализ драматургического диалога, функционирующего в пьесах современного периода, позволяет наглядно продемонстрировать расширившиеся возможности изучения эстетически осложнённого диалога, выявляя при этом особенности индивидуально-авторской манеры драматурга. Так, установлено, что разного рода трансформации интенций персонажей пьесы не только отражают характерные особенности их языковых личностей, но и воплощают в той или иной форме (в основном, имплицитно, в формирующейся подтекстовой информации) концептуальный смысл, вложенный автором в словесно-художественную структуру.

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивная парадигма, драматургический диалог, интенция, коммуниканты, ситуация общения, эстетическая осложнённость, индивидуально-авторская манера.

MODERN DRAMATURGIC DIALOGUE IN THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE-COGNITIVE PARADIGM

I.P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article demonstrates the possibilities of expanding the research aspects of the dramaturgical dialogue, which, within the framework of the communicative-cognitive paradigm, appeared as a result of the achievements of linguistics and a number of interdisciplinary areas at the stage of the latest knowledge. New approaches to dialogue in principle: a comprehensive study of the intentions of communicants, in particular, an emphasis on the possibility of their transformation in the process of dialogic communication; the identification of aspects of the conditionality of the dialogue by the communicative situation, which were not previously taken into account, etc., also led to a deeper and more diverse understanding of the dialogue in artistic speech. New approaches to dialogue in principle: a comprehensive study of the intentions of communicants, in particular, an emphasis on the possibility of their transformation in the process of dialogic communication; the identification of aspects of the conditionality of the dialogue by the communicative situation, which were not previously taken into account, etc., also led to a deeper and more diverse understanding of the dialogue in artistic speech. An analysis of the dramatic dialogue that functions in the plays of the modern period makes it possible to clearly demonstrate the expanded possibilities for studying an aesthetically complicated dialogue, while revealing the features of the playwright's individual author's manner. Thus, it has been established that various kinds of transformations of the intentions of the characters of the play not only reflect the characteristic features of their linguistic personalities, but also embody in one form or another (mostly implicitly, in the emerging subtext information) the conceptual meaning embedded by the author in the verbal-artistic structure.

Key words: communicative-cognitive paradigm, dramatic dialogue, intention, communicants, communication situation, aesthetic complexity, individual author's style.

Диалог является одним из лингвистических (а позже – и междисциплинарных) феноменов, интерес исследователей к которому проявился достаточно давно. Это обусловлено в первую очередь тем, что именно диалогическая речь, по общему мнению, является первичной формой существования языка при выполнении им как приоритетной функции – функции общения, – так и ряда других. Вслед за определениями диалога преимущественно со структурных позиций с начала второй половины XX-го столетия всё чаще появляются дефиниции данного феномена, где акцент очевидно ставится на комплексной его трактовке, обусловленной особенностями функции (как правило, мно-

гогранной), реализуемой в процессе общения. Эта комплексность, базирующаяся на приоритетности коммуникативных характеристик определяемого понятия, отчётливо присутствует, например, в определении диалога, помещённом в «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой (далее приводится лишь начальный фрагмент из этого, довольно пространного, определения): «Диалог – непосредственное речевое общение двух или нескольких лиц ...; процесс и продукт речевой деятельности коммуникантов, при котором каждое высказывание обращено непосредственно к собеседнику, а собеседники постоянно меняются ролями говорящего и слушающего. Диалог в целом – это обмен репликами-высказываниями, тесно связанными между собой и создающими общее для партнёров речевое произведение. Поскольку диалог процессуален и тесно связан с ситуацией общения, к нему применимо понятие дискурс» [2, с. 88–89]. Т.В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов и понятий» (2016) не только помещает развёрнутое определение диалога, но также посвящает отдельные словарные статьи отдельным его разновидностям – в частности, «диалогу, нацеленному на установление или регулирование межличностных отношений» [3, с. 111]. Помимо этого, исследовательница дифференцированно «закрепляет» отдельные виды диалога за определёнными сферами речевой коммуникации, выделяя при этом приоритетные функции каждого из них, что, на наш взгляд, также обусловлено существенной разработкой теории коммуникативистики, отчётливо проявившейся в последние десятилетия. Определяя с лингвистических позиций диалог в принципе как «форму устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевую связь посредством обмена словами, фразами по какой-либо теме», Т.В. Жеребило отмечает: «В художественной литературе и публицистике он < диалог > направлен на передачу интонаций живой речи в целях выразительности и экспрессивности. ... В разговорной речи диалог – одна из форм существования речи вообще» и т. д. [3, с. 110].

Внимание к изучению диалога как формы существования речи, значительно возросшее на этапе новейшего лингвистического и междисциплинарного знания, безусловно, не могло не отразиться и на осмыслении диалога в художественной речи, в частности – функционирующего в пьесах современного периода. Учитывая, что практически во все периоды своего существования драматургия из всех видов словесно-художественного искусства была в наибольшей степени приближена к живой разговорной речи, к тому, как говорили «в жизни» (что, конечно же, не исключает эстетической обработки используемого драматургом языкового материала), исследование речевой ткани современных пьес видится весьма актуальной проблемой не только для стилистики художественной речи, но и для коммуникативной лингвистики в целом.

Отличия нехудожественного диалога от диалога, функционирующего в словесно-художественных произведениях, осознаны исследователями достаточно давно, однако, с нашей точки зрения, в большинстве случаев констатация таких отличий достаточно поверхностный характер, поскольку внимание сосредоточивалось лишь на большей экспрессивности и / или выразительности художественного диалога в сравнении с диалогом нехудожественным, реализуемым в основном в повседневном практическом общении. Однако особая экспрессивность и выразительность нередко свойственны и диалогу в практическом общении, в частности – осуществляемому в сфере разговорной коммуникации, в связи с чем означенные особенности вряд ли можно трактовать как отличительные признаки именно художественного диалога; вероятно, в данном случае следует учитывать более принципиальные отличия разных коммуникативно-речевых сфер, сформировавшиеся на *когнитивно-эстетическом* уровне.

В одной из работ Р.А. Будагова, его статье «О сценической речи» (1984), признаки, отличающие диалог в художественной и нехудожественной речи (диалоги в драматургическом произведении обозначаются автором, вслед за интерпретируемой им кни-

гой французского исследователя П. Лартома, как *сценическая речь*), формулируются, как нам представляется, именно с учётом когнитивно-эстетических оснований. «Современную сценическую речь, – отмечает Р.А. Будагов, – трудно представить себе вне театрального «окружения» – самой постановки пьесы, её общего идейного замысла, декораций, сценического поведения актёров, их манеры передвигаться «на подмостках» и много другого. В таком «окружении» рельефнее обрисовывается и сценическая речь персонажей пьесы. ... Вольно или невольно речь одних персонажей сублимируется автором, речь других – «снижается». **Всё определяется тем, носителем какого авторского замысла выступает тот или иной персонаж пьесы. Соответственно передвигается по шкале языковых стилей и их речь.** Язык персонажей во взаимодействии с разговорной и письменной речью данной эпохи, с одной стороны, и авторским замыслом, с другой, до сих пор остаётся проблемой, почти совсем не исследованной в истории литературных языков и в истории сценической речи» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 220–221].

Детальный анализ всех аспектов речи персонажей пьесы, причём с учётом как её текстового воплощения, так и звучания на сцене («на подмостках»), позволяет исследователю прийти, как нам представляется, к чрезвычайно важному для дальнейшей разработки теории драматургического диалога, и художественного диалога в целом, выводу: **«К типологическим свойствам сценической речи следует отнести и её способность быть одновременно речью продуманной (автором) и речью спонтанной, неожиданной (для зрителей).** Эта черта как бы переплетается с уже известной нам другой её чертой – постоянно выступать в функции «компромисса между тем, что сказано, и тем, что написано». Написанное обуславливает продуманность сценической речи, сказанное – её спонтанность, её порыв, её живое движение» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 221]. Как можно убедиться, основой сформулированного положения является выраженный коммуникативный подход, учитывающий особенности ипостасей коммуникантов, в данном случае – автора пьесы – и его адресата, читателя / зрителя. Таким образом, диалог в пьесе характеризуется лишь *кажущейся* спонтанностью, формируемой в результате тщательной его продуманности и последовавшей за этим стилизации, которые осуществлены автором, что, конечно, предполагает несколько иные подходы к анализу диалогических форм драматургического произведения, нежели рассмотрение диалога в сфере нехудожественной, в частности разговорной, коммуникации.

Остановимся на рассмотрении фрагмента одного из современных драматургических произведений – пьесы «Женщина над нами» Алексея Слаповского [5]. Этот популярный драматург, писатель и сценарист в одном из своих интервью высказал мнение, которое, на наш взгляд, априори «пробуждает» исследовательский интерес к его драматургическому творчеству: **«Больше всего – и в пьесах, и в киносценариях, и в книгах – люблю диалог.** Я, как Достоевский, люблю, когда люди говорят. Потому что мне самому есть о чём поговорить. Бедность и несчастье многих прозаиков и драматургов: у них персонажам не о чём разговаривать. Это оттого, что автору нечего сказать. В современном кино стало модно – минимум слов. А для меня слово – любимый инструмент. Не гонюсь за модой, редко употребляю сленг, модные словечки. Это мои амбиции – из простого делать сложное. При этом так, чтобы язык не мешал читать сам себя» (выделено мною. – И. З.) [4, с. 186].

В пьесе «Женщина над нами», написанной в 2004 году, как и во многих современных драматургических произведениях, действует небольшой круг персонажей, всего четверо (трое мужчин и одна женщина), которые в списке действующих лиц никак не характеризуются автором: мужчины названы по фамилиям, женщина — по имени. Некоторые сведения об этих действующих лицах – довольно скудные, касающиеся лишь примерного возраста и внешнего вида – читатель узнаёт из ремарки, предваряющей собственно диалог пьесы:

«Большая пустая комната нового дома, в которой ведутся отделочные работы. Мусор, обломки кирпичей, носилки, лопаты, инструменты, в углах доски, брусья и т. п. Входят трое мужчин: ГАЧИН, ЛУКОЯРОВ и ЦАПЛИН. Осматриваются. Гачин и Цаплин одного возраста, Лукояров старше. Гачин одет в джинсы и футболку. Лукояров тоже в джинсах, но с пузырями на коленях, и тоже в футболке, но яркой, с каким-нибудь аляповатым рисунком, всё это очень не идёт к его довольно громоздкой фигуре, Цаплин – в сером костюме, в белой рубашке и в галстуке.

В двери появляется ОЛЬГА, молодая женщина.» [5, с. 93].

Далее разворачивается диалог, в котором все действующие лица принимают участие:
«ОЛЬГА (обращаясь к кому-то невидимому). Да, конечно. Я буду здесь. Нет, не нужно, зачем? Они же не уголовники какие-нибудь.

ЦАПЛИН. Вот именно!

ОЛЬГА (проходит). Ну что ж, здравствуйте!

ЦАПЛИН. Можете передать этим, которые нас сюда привезли, что я работать отказываюсь! Я законы знаю! Мне дали пятнадцать суток административного ареста с привлечением на общественные работы! Пусть незаконно! Но, подчёркиваю, общественные работы! – а не в чьём-то частном доме мусор убирать! Я согласен улицы мести, я согласен тот же мусор из мусорных баков на улице вычищать, а не... Что, хозяин дома – милицейский чин? Дармовую рабочую силу использует? Я работать не буду, можете им пожаловаться! Всё!

ЛУКОЯРОВ. Помолчи ты! И так голова трещит... Тут тепло и сухо. Не хочешь работать – сиди. Мы за тебя поработаем. Тут же надсмотрщиков нет, правильно, девушка?

ОЛЬГА. Можете вообще не работать. И я жаловаться не буду. Мне всё равно. Только ведь поймут, что вы не работаете, и пошлют, в самом деле, улицы мести. Под дождём. А сюда других приведут.

ГАЧИН. А вы, извините, кто? Архитектор, прораб, менеджер? Сотрудник милиции?

Ольга не отвечает.» [5, с. 93–94].

Таким образом, первый блок драматургического диалога ограничен двумя ремарками: довольно объёмной начальной, где помимо описания внешности и возраста персонажей, в общих чертах описывается и место действия, и более частного свойства, характеризующей поведение Ольги. Из этой части диалога, в котором в той или иной мере участвуют **все** персонажи пьесы, выясняется, что на месте действия (новый дом, в котором ведутся отделочные работы) находятся трое мужчин, которые, судя по всему, направлены на общественные работы за какие-то правонарушения (об этом свидетельствуют слова Цаплина: *Мне дали пятнадцать суток административного ареста с привлечением на общественные работы!*). Косвенно это подтверждается и тем, что действующие в пьесе лица поименованы лишь по фамилии, т. е. сугубо официально, как это необходимо для документов, которые скорее всего были составлены при задержании.

Наиболее пространная реплика в приведённом фрагменте принадлежит Цаплину, который к тому же явно выделяется среди других своим внешним видом (*в сером костюме, в белой рубашке и в галстуке*), что, вероятно, должно свидетельствовать о его принадлежности либо к интеллигенции, либо к иным представителям среднего класса

– чиновникам, офисным работникам и т. п. Этот персонаж, активно выражая протест против той ситуации, в которой он оказался, демонстрирует своими высказываниями весьма возбуждённое эмоциональное состояние, что весьма отчётливо воплощается в его речи: достаточно отметить, что из десяти высказываний, составляющих самую объёмную его реплику, семь являются восклицательными по своей эмоциональной окраске. Остальные персонажи высказываются по поводу своего положения и более лаконично, и менее эмоционально. Появившаяся Ольга со всеми участниками диа-

лога ведёт себя подчёркнуто вежливо и доброжелательно, никак не реагируя на эмоциональную речь Цаплина, однако и не отвечая на вопрос Гачина о том, кем она является.

В продолжении разворачивающегося диалога, где также участвуют все персонажи пьесы, предполагаемая ситуация, объединившая этих действующих лиц, дополняется новыми подробностями, однако кардинально не меняется:

«ЦАПЛИН. Лично мне плевать! Я согласен под дождём, но по закону! Какой-то подлец построил дом – наверняка на ворованные деньги, а теперь ещё ему и даром убирай тут! У нас что, вообще никакого порядка нет нигде?

ЛУКОЯРОВ. Из-за таких, как ты, и нет.

ЦАПЛИН. Это почему?

ЛУКОЯРОВ. Орёшь много. А это уже – беспорядок. (Ольге.) Что делать-то?

ГАЧИН (глядя на Ольгу). Нет, я так не могу. Я не могу работать, не познакомившись с человеком, который нас будет курировать эти пятнадцать суток. Как вас зовут?

ОЛЬГА. Ольга меня зовут. Я жена того подлеца, который построил этот дом на ворованные деньги.

ЦАПЛИН. Я не утверждал! Я только предположил! В любом случае это частный дом – и я не обязан!

ЛУКОЯРОВ. Да помолчи ты!

ГАЧИН (озираясь). Итак, что делать?

ОЛЬГА. Ничего особенного. Убрать весь мусор. Привести всё в порядок. Подготовить основу для паркета – ну, какие-то там проложить бруски или, я не знаю... (Лукоярову). Вы ведь, мне сказали, были строителем?

ЛУКОЯРОВ. Был. Лаги надо проложить. Сумеет.

ОЛЬГА. Можете не торопиться, на пятнадцать дней вам как раз хватит. Работать будете во второй половине дня, я так попросила. Я ведь живу здесь, на втором этаже, там уже всё отделано.

ГАЧИН. С мужем?

ОЛЬГА (не ответив). Так что, с двенадцати до шести – и всё.

ЛУКОЯРОВ (адресуясь к Цаплину). Никогда! Только с восьми утра до восьми вечера мусор возить! Под дождём! Иди, герой, а мы тут помаленьку...

ЦАПЛИН. Мы с вами на ты не переходили!

ЛУКОЯРОВ. А я с тобой уже перешёл. Ты чего такой нервный?

ЦАПЛИН. Я не нервный. Меня просто раздражает, что вас используют как рабочую скотину, а вы и рады! Где ваша гордость? Где вообще у людей гордость? (Ольге.) И вам тоже не совестно? Как рабов на плантацию вам приволакивают, между прочим, интеллигентных людей...

ЛУКОЯРОВ. Я не интеллигентный человек, меня не считай.

ГАЧИН. А я днём вообще не человек. Я ночной человек. Я живу ночью.

ЦАПЛИН. Начинается! Саша, ты позёр! Ты позёр с детства, сколько я тебя знаю, ты позёр!

ЛУКОЯРОВ. Ладно, хватит! (Ольге). Оленька, нам всё ясно. Кстати: Лукояров Дмитрий Сергеевич.

ОЛЬГА. Очень приятно.

ГАЧИН. Гачин Александр.

ОЛЬГА. Очень приятно. (Смотрит на Цаплина).

ЦАПЛИН. Не делайте вид, что вам интересно, как меня зовут! Не делайте вид, что вы вообще считаете меня за человека!

ЛУКОЯРОВ. Да заткнись ты! Оленька, значит, так. Я, в самом деле, строитель. И всё будет в лучшем виде, гарантирую. Они не захотят – я один всё сделаю. Маленькая только просьба, можно? Понимаете, все мы тут случайно. Мы приличные люди.

Но вчера... Вчера мы себе позволили. В общем, мы сейчас в нерабочем состоянии. Нам немного подлечиться – и мы сразу герои труда.

ОЛЬГА. Только чтобы вам не было хуже.

ЛУКОЯРОВ. Нам будет лучше.

ОЛЬГА. Хорошо. Я сейчас. (*Уходит.*)» [5, с. 94–95].

Приведённый фрагмент видится уже куда более информативным в плане речеповеденческой характеристики персонажей, которая выявляется в процессе анализа их речевых проявлений. Примечательно при этом, что манера речевого поведения Цаплина, как и Ольги, практически не изменяется, однако адресат получает несколько более полное представление о двух других участниках диалога, судя по всему, знакомых друг с другом ранее: Гачине и Лукоярове. Однако система высказываний последнего (именно при подходе к его речевым проявлениям как к *системе*), с нашей точки зрения, может послужить иллюстрацией к высказанному Р.А. Будаговым положению об одновременной продуманности и спонтанности сценической речи – качества, определяемого исследователем как типологическое свойство диалога в пьесе. Реплики Лукоярова, на первый взгляд, имеют вид спонтанных, являющихся непосредственными реакциями на произносимое его разными собеседниками; причём в этих репликах-реакциях явственно присутствует и ориентация на собеседника. Особенно отчётливо это ощущается в высказывании, первая часть которого обращена к уже порядком утомившему всех Цаплину, а вторая – к Ольге: «ЛУКОЯРОВ. *Да заткнись ты! Оленька, значит, так. Я, в самом деле, строитель. И всё будет в лучшем виде, гарантирую. Они не захотят – я один всё сделаю. Маленькая только просьба, можно? Понимаете, все мы тут случайно. Мы приличные люди. Но вчера... Вчера мы себе позволили. В общем, мы сейчас в нерабочем состоянии. Нам немного подлечиться – и мы сразу герои труда*».

Раздражённое и грубое *Да заткнись ты!*, адресованное Цаплину, моментально сменяется вежливыми и спокойными фразами, с обращением исключительно на «вы», как только Лукояров переключает своё внимание на Ольгу (*Оленька ...; И всё будет в лучшем виде, гарантирую; Маленькая только просьба, можно?* и т. п.). Причём изначально заданная по отношению к обоим собеседникам тональность последовательно выдерживается этим персонажем на протяжении всего приведённого фрагмента; это, как представляется, свидетельствует о том, что автор наделяет его чертами довольно состоятельной языковой личности: умением учитывать в общении статус адресата; способностью переключаться в связи с этим на разные коммуникативно-речевые регистры; владением достаточным для совершения подобных действий запасом слов и прочих языковых средств, в том числе и образного характера.

Это весьма выгодно отличает Лукоярова от Цаплина: речь последнего богаче и выразительнее по используемым в ней лингвистическим средствам, однако значительно уступает речи первого по своим коммуникативным качествам (способности учитывать ситуацию общения, особенности всех участников диалога и т. д.). Именно поэтому уже в самом начале знакомства с драматургическим диалогом, который в данном случае, как и в большинстве пьес, занимает большую часть словесного пространства произведения, у адресата формируется вполне определённое отношение к образу Цаплина, которое может быть выражено в диапазоне от ироничного до раздражающего, однако в любом случае будет окрашено некими отрицательными нюансами.

Дальнейший анализ драматургического диалога пьесы «Женщина над нами» А. Слаповского, как и большинства современных пьес, целесообразно, с нашей точки зрения, проводить именно с опорой на сформулированное Р.А. Будаговым типологическое качество сценической речи (диалога в пьесе), устанавливая, насколько сбалансированы *продуманность* и *спонтанность* как в драматургическом диалоге в целом, так и в системах речевых проявлений отдельных персонажей. В случае должного уровня сба-

лансированности этих характеристик воплощённая в пьесе диалогическая речь приобретает, с одной стороны, очевидную близость к речи в естественных условиях, с другой стороны – свойственную любому элементу словесно-художественной структуры эстетическую осложнённость. Именно эстетическая осложнённость привлечённого драматургом языкового материала, осуществляемая в его индивидуально-авторской манере, создаёт возможности для воплощения в словесно-художественной структуре концептуально-эстетического смысла, необходимого компонента любого литературного произведения, отличающегося художественной ценностью.

Список источников:

1. Будагов, Р. А. О сценической речи / Р. А. Будагов // Писатели о языке и язык писателей / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С. 205–222.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 562 с.
4. Слаповский, А. «Больше всего люблю диалог» (интервью С. Новиковой) / А. Слаповский // Современная драматургия. – 2012. – № 2. – С. 4–6, 183–186.
5. Слаповский, А. Женщина над нами / А. Слаповский // Современная драматургия. – 2004. – № 3. – С. 93–111.

References:

1. Budagov, R. A. (1984). O stsenicheskoy rechi [About stage speech]. In Pisateli o yazyke i yazyk pisateley [Writers about language and the language of writers] (pp. 205–222). – Moscow: Publishing house MSU. (In Russ.)
2. Zherebilo, T. V. (2016). Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatiy [Dictionary of linguistic terms and concepts]. – Nazran': Piligrim. (In Russ.)
3. Matveyeva T. V. (2010). Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistic terms]. – Rostov n/D. : Feniks. (In Russ.)
4. Slapovskiy, A. (2012). «Bol'she vsego lyublyu dialog» (interv'yu S. Novikovoy) [“Most of all I love dialogue” (interview with S. Novikova)]. Sovremennaya dramaturgiya, 2, 4–6, 183–186. (In Russ.)
5. Slapovskiy, A. (2004). Zhenshchina nad nami [Woman above us]. Sovremennaya dramaturgiya, 3, 93–111. (In Russ.)

УДК 811

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В «РУССКИХ» ПОЭМАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Н.В. Крицкая

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В данной статье проводится исследование интертекстуальных явлений в «русских» поэмах Марины Цветаевой. Введение фольклорных языковых средств и приемов дает автору возможность не только выразить свое понимание таких общечеловеческих категорий, как любовь, ненависть, месть, прощение, но, благодаря интертексту, эта возможность реализуется в более широком культурно-литературном контексте.

Ключевые слова: текст, интертекст, интертекстуальность, языковые средства.

INTERTEXTUALITY OF “RUSSIAN” POEMS MARINA TSVETAEVA

N.V. Kritskaya

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

This article examines intertextual phenomena in the “Russian” poems of Marina Tsvetaeva. The introduction of folklore linguistic means and techniques gives the author the opportunity not only to express his understanding of such universal categories as love, hate, revenge, forgiveness, but, thanks to intertext, this opportunity is realized in a broader cultural and literary context.

Key words: text, intertext, intertextuality, linguistic means.

Переходом на новый уровень интерпретации текста является категория интертекстуальности. Практически в каждом художественном тексте присутствуют элементы, ранее употреблявшиеся в других текстах. В зависимости от авторского замысла тексты, содержащие данные элементы, являются стилизацией, интерпретацией, пародированием чужих текстов. По словам Ю.М. Лотмана, каждый текст строится как мозаика цитат, т.е. новый текст становится результатом усвоения и трансформации других текстов. Это явление получило название интертекстуальности (термин Ю. Кристевой), исследование которой началось в конце 60-х гг. во Франции [1]. Интертекстуальность как наука толкования текстов является одной из ведущих категорий герменевтики.

Под интертекстом понимается особое семантическое пространство, образующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами.

Вся выдающаяся поэзия – это когда темы, мотивы, образы, смыслы мерцают один сквозь другой. Рассмотрим это на примере «русских» поэм. Мы полагаем, что интертекст – это своеобразный «след» культуры в поэмах М. Цветаевой.

Неоднократно отмечалось различными исследователями (в том числе и в нашей работе), что все «русские» поэмы имеют фольклорную основу, которая, однако, по-разному преломляется в каждой из поэм.

В период с 1920 по 1922 года М. Цветаева пишет значительные для понимания сущности ее творчества произведения – четыре поэмы, которые Марина Ивановна сама назвала «русскими», т.е. сама объединила их в цикл. Сюда она включала «Царь-Девуцу» (1920), «Переулочки» (1921), «На Красном Коне» (1921), «Молодец» (1922). Если «Молодец» и «Царь-Девуца» написаны на сюжет русских сказок Афанасьева, «Переулочки» – на основе былины «Добрыня и Маринка», то в поэме «На Красном Коне» М. Цветаева создает индивидуальный миф, который становится центральным для понимания личности поэта.

Данные поэмы объединяются фольклорной фабулой и приемами поэтики, конструкцией фольклорных схем, народной лексикой, темой «огненного вознесения». Эти поэмы зародились вместе с нараставшим интересом М. Цветаевой к русскому фольклору.

Источники поэмы «Царь-Девуца» и «Молодец» – русские народные сказки. Более того, два этих произведения представляют собой (радикально трансформированные) варианты известного, специфического стихотворного жанра – поэмы-сказки (т.е. поэмы-сказки имеют «народную» тематику и язык). В этих произведениях М. Цветаевой также присутствует сильный отзвук народной литературы: в них не только используются приемы, характерные для русской народной литературы, но и подчеркивает их «народное» происхождение, поскольку обе поэмы легко узнаваемы как произведения, основанные на широко известных народных сказках. Они узнаваемы также и как поэмы-сказки, т.е. сочинения, сливающие жанр поэмы с жанром сказки. Появлению данного жанра во многом способствовали Пушкин, Жуковский и Ершов. Примером могут служить пушкинские

«Сказка о попе и о работнике его Балде» (1839), «Сказка о Царе Салтане» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834); «Сказка о царе Берендее» (1831), «Спящая царевна» (1831), и «Сказка о Иване-царевиче и о Сером Волке» (1845) Жуковского; «Конек-Горбунок» (1834) Ершова.

Главная цель поэмы-сказки – преобразовать фольклор в художественную литературу, сделать народную форму приемлемой частью «высокого» искусства.

Таким образом, «Царь-Девница» и «Молодец» возрождают ставший архаическим жанр. Оба произведения выступают масштабными трактовками в стихах небольших по объему прозаических источников. Оба – включают в себя в корне отличные приемы и материал. Одно имеет подзаголовок «поэма-сказка», другое – «сказка».

Рассмотрим фольклорные интертекстуальные явления в одной из самых лучших как по оценкам специалистов, так и по оценке самой М. Цветаевой поэме – «Царь-Девнице». Цветаевский вариант довольно значительно отличается от сказок, опубликованных Афанасьевым. В оригинале встречи героя и героини, а также попытки мачехи помешать их соединению являются лишь частью общего сюжета: Царь-Девница удаляется, заклиная героя отыскать ее, что он и делает после преодоления препятствий, встающих на его пути. Царевич берет Царь-Девницу в жены и счастливо живет с ней еще долгие годы. Сюжет поэмы-сказки Цветаевой сложнее, чем сюжет соответствующих эпизодов народной сказки. Ветер – абсолютно новый, «добавленный» персонаж. Роли мачехи, Царя и «царевичева шептуна» сильно укрупнены. Так, поединок между светловолосой праведной Царь-Девницей и черноволосой сладострастной мачехой, вокруг которого во многом строится сюжет у Цветаевой, в народной сказке едва намечен. Побочные сюжетные линии (мачеха и «царевичев шептун», история Царя и т. д.) являются нововведением поэта. Сюжет развивается по чуждому народной сказке пути, а финальная сцена народного восстания и возмездия не имеет фольклорных аналогов.

В народной литературе предполагается однозначность финала, особенно необходимые для поэмы-сказки (вроде «стали они счастливо жить-поживать», «вот такой печальный у сказки конец», «и жили они с тех пор, добро-мудрость наживали» и т.п.). У М. Цветаевой эти ожидания не сбываются. То, что поначалу казалось спокойным повествовательным «мы», на поверку оказывается хором взбунтовавшегося народа, жаждущего свергнуть царскую власть:

*Над подвалами – полы,
Над полами – потолки,
Купола – над потолками,
Облака – над куполами.*

Народ объявляет себя Красной Русью, тем самым нанося удар по вневременному миру сюжета через отсылку к современной советской России. Произведение заканчивается нотой стихийного бунта. Последняя строка состоит из единственного слова, разбитого с помощью тире на слоги: «*Ша – баи!*». Так через разрыв слова в «Царь-Девнице» реализуется идея разрушения.

Героиня поэмы-сказки «Царь-Девница» предстает бесстрашным воином, наделенным мужскими доблестями. Ее предшественниц следует искать не в народных сказках Афанасьева, а, в некоторых былинах с их героинями-воительницами [2, 106].

Есть и чисто языковые средства, которые указывают на интертекст. Так, в «Царь-Девнице» встречаются такие характерные для народной литературы приемы, как параллелизм, паратакис и повтор. Однако здесь они способствуют подавлению причинных связей. Отрицательное сравнение также признак тяготения к поэтике фольклора, одна-

ко М. Цветаевой в сравнение вводятся поразительно не соответствующие ситуации элементы:

*То не дым-туман, турецкое куреньице –
То Царевича перед Царем виденьице
То не птицы две за сеткой тюремною –
То ресницы его низкие, смиренные.*

В цветаевских поэмах просматриваются культурные образы различных периодов. Без сомнения, одним из наиболее важных был для Цветаевой образ коня. Еще А. Блок заметил: «“ Медный Всадник” – все мы находимся в вибрациях его меди». И это действительно так. Символика Коня и Всадника начинает свою историю из античности. В славянской мифологии конь – олицетворение ветров, бури, он является огнедышащим, по А.Н. Афанасьеву. В России – со времен Ивана Грозного существует флаг, на котором изображен всадник на белом коне, Михаил Архангел тоже на крылатом коне. Святой Георгий на иконе и на гербе Москвы – тоже всадник.

В русской культуре всадник несет и апокалипсические коннотации. У Цветаевой в стихотворении 1918 г. “Пожирающий огонь – мой конь!” конь страшен:

*Ох, огонь – мой конь – ненасытный едок!
Ох, огонь на нем – ненасытный ездок!
С красной гривой свились волоса...
Огневая полоса – в небеса!*

В поэмах «На Красном коне», «Переулочки» и «Царь-Девушка» мы наблюдаем абсолютную спаянность коня с всадником, которому он становится поддержкой и защитой; так в письме Рильке М. Цветаева пишет: «Райнер! Следом посылаю книгу “Ремесло”, там найдешь ты святого Георгия, который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их...» [3, т. 4, 60]. Или в поэме «Переулочки»:

*Красен тот конь,
Как на иконе
Я же и конь,
Я ж и погоня.*

Следовательно, цветаевский конь объединяет в себе и апокалипсический, и героический, возвышенный смысл.

Таким образом, семантическая трансформация фольклорного сюжета, введение фольклорных языковых средств и приемов дает автору возможность не только выразить свое понимание таких общечеловеческих категорий, как любовь, ненависть, месть, прощение, но, благодаря интертексту, эта возможность реализуется в более широком культурно-литературном контексте, т.к. привлекаются уже известные знания.

Список источников:

1. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–458.
2. Мейкин, М. Марина Цветаева : поэтика усвоения / М. Мейкен. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 310 с.
3. Цветаева, М. И. Собранные сочинения: в 7 т. – Т. 7 / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994. – 592 с.

References:

1. Kristeva, Ju. (2000). Bahtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. In Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French semiotics: From structuralism to poststructuralism] (427–458). – Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
2. Mejkin, M. (1997). Marina Cvetaeva: pojetika usvoenija [Marina Tsvetaeva: poetics of assimilation]. – Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj Publ. (In Russ.).
3. Cvetaeva, M. I. (1994). Sobrannye sochinenija: v 7 t. [Collected works: in 7 volumes]. Vol. 7. – Moscow: Jellis Lak Publ. (In Russ.).

УДК 811.1+81-22'39

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ
НА ПРИМЕРЕ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ**

И.А. Мужейко

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В данной статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, в состав которых входят эталоны, называющие людей или человекоподобных вымышленных существ. В работе приводятся общие для указанных языков фразеологические единицы, свидетельствующие о сходствах национальных картин мира. Общность мировосприятия базируется на общечеловеческих принципах и общекультурных установках, присущих славянским, балтийским и германским лингвокультурам.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, антропоцентрический подход, национальная картина мира, эталон, лингвокультуры.

**COMPARISON OF A PERSON WITH OTHER PEOPLE
ON THE EXAMPLE OF ADJECTIVE SIMILES**

I.A. Muzheyko

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

This article deals with the adjective similes of the Russian, Belarusian, Czech, Bulgarian, Croatian, Latvian, English and Swedish languages, which include standards that name people or human-like fictional creatures. The paper presents phraseological units common to the indicated languages, which testify to the similarities of national pictures of the world. The common worldview is based on universal principles and general cultural attitudes inherent in Slavic, Baltic and German linguistic cultures.

Key words: similes, anthropocentric approach, national picture of the world, standard, linguistic cultures.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется рядом новых подходов к рассмотрению языков, таких как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология. Яркой особенностью указанных направлений можно считать усиление «антропоцентрического подхода к изучению языка, в русле которого внимание лингвистов перемещается с объекта познания на его субъекта, т.е. человека как носителя языка и представителя определенной культуры» [1, с. 193–194]. Такое явление объяснимо связью языка и культуры, «поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат сред-

ством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [2, с. 63].

Для более глубоко проникновения в свою и изучения других культур проводятся сопоставительные исследования, направленные на проведение анализа вербализации образа человека в двух или нескольких языках. Общеизвестно, что языки мира различаются не только лексическими, грамматическими, фонетическими и синтаксическими системами, но и на уровне национально-культурной специфики мировидения и миропонимания.

В данном сопоставительном исследовании с целью выявления общих фразеологических единиц рассмотрены адекватные устойчивые сравнения (АУС) русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, эталонами которых выступают люди или человекоподобные вымышленные существа.

В языке человек хорошо представлен в поговорках, фразеологизмах, стереотипных выражениях и так далее, в связи с чем объектом нашего исследования выступают устойчивые сравнения. Благодаря универсальной структуре (субъект – основание – объект) сопоставление данных фразеологических единиц концентрируется на семантике, что оправдано приматом содержания над формой. Использование образных чувственно-наглядных конкретных эталонов устойчивых сравнений даёт носителю языка больше шансов глубже выразить идеи и избежать многословных пояснений. «Картина проще слов. Рисунок является пространственной моделью, отображающей то, как человек воспринимает окружающее его пространство» [3, с. 206].

Образность большинства устойчивых сравнений поддерживается благодаря тому, что понятна основа, на которой возникло сравнение, а также потому, что в них ощущается известная двуплановость: в качестве субъекта и объекта сравнения могут выступать слова, называющие либо разнородные понятия, либо понятия однородные, но различающиеся наличием/отсутствием или степенью проявления общего признака.

Образы, создаваемые при сопоставлении человека с другими людьми «строятся на абсолютизации частного признака индивида» [4, с. 96] и характеризуются:

а) по его родственным связям (русск. *заботливая, ласковая, добрая как родная мать* – бел. *сварлівы як свякроў* – чешск. *nastrojený jako ženich* – хорв. *uređen kao selska mlada* – лат. *tuvs kā brālis* – швед. *utstyrd som bondbrud*);

б) по социальному положению или роду занятий (русск. *грязный, черный, вымазанный как кочегар* – бел. *красівая як паненка* – чешск. *chytrý jako četník* – болг. *пиян като казак* – хорв. *zdrav kao pudar* – англ. *as fat as an alderman* – швед. *stolt som en engelsk lord*);

в) по его физическому (физиологическому) или моральному состоянию (русск. *красный как опаренный* – бел. *сонны як п'яны* – чешск. *bledý jako mrtvola* – болг. *бледен като смъртник* – хорв. *blijed kao mrtvac* – англ. *as dry as a mummy* – швед. *blek som ett lik*);

г) по возрасту (русск. *стройный как юноша* – бел. *рады як дзіця* – чешск. *pověřivý jako stará babá* – болг. *кротък като момиче* – хорв. *stidljiv kao djeva* – англ. *as innocent as a baby unborn* – швед. *oskuldig som ett barn*);

д) по национальности (русск. *аккуратный как немец* – бел. *чорны як мурын* – чешск. *černý jako cíkan* – лат. *melns kā moris*).

В различных культурах сформированы свои собственные представления об окружающем мире, а фразеологические единицы отражают оценочное отношение к нему. Но без точек соприкосновения сопоставление языковых единиц любого уровня было бы невозможно. В своих исследованиях мы исходим из идеи о том, что человек как биологический вид вне зависимости от национальной принадлежности обладает универсальными механизмами мышления. Это факт оправдывает появление идентичных единиц, в частности, устойчивых сравнений. Кроме того, сами сравнения являются средством познания действительности, а устойчивые сравнения – еще и оценивания

ее в образах-эталонах. Появление же специфических фразеологических единиц объясняется выбором и закреплением в сознании лингвокультур тех или иных образов. Ответ на вопрос, как срабатывает механизм градации «важное – неважное» могут дать и когнитивная лингвистика, и психолингвистика, если это в принципе возможно. Например, адъективные устойчивые сравнения русск. *черный как цыган (цыганка)* – бел. *чорны як цыган* ‘черный как цыган’ – чешск. *černý(á) jako cikán (cikánka)* ‘черный(ая) как цыган (цыганка)’ или русск. *черный как негр* – бел. *чорны як нігер* ‘черный как негр’ – чешск. *černý jako mouřenín* ‘черный как негр’ – лат. *melns kā moris* ‘черный как негр’ – швед. *svart som neger* ‘черный как негр’ могли возникнуть независимо, так как и цыгане, и негры обладают от смуглого до черного цветом кожи в отличие от славян, балтов и скандинавов.

Рассмотрение образов, характеризующихся родственными связями, начнем с образа матери – самого близкого человека в жизни любого человека. Но, к нашему удивлению, только в двух из исследуемых языков она выступает эталоном АУС, причем по-разному характеризуя субъект сравнения: русск. *заботливая, ласковая, добрая как родная мать* – бел. *дарагі як матка родная* ‘дорогой как мать родная’. Мерилом доброты в белорусском языке выступает *бабушка (добры як бабуля)*, в чешском – *ребенок (dobrý jako dítě)*. В латышском языке образ *брата* иллюстрирует крепость связывающих уз (*tuvs kā brālis* ‘близкий как брат’). Помимо родства по крови, мы выделили наименования будущих родственников, вступающих в брак: русск. *нарядный как жених* – чешск. *nastrojený jako ženich* ‘разодетый как жених’ – швед. *utstörd som bondbrud* ‘выраженный как невеста’. В чешском и шведском языках создается образ не просто нарядных, но вычурно одетых людей, и неудивительно, ведь на свадьбу традиционно надевали соответствующие обряду убранства, выглядящие нелепо в повседневной жизни.

В следующей группе представители «грязных» профессий стали эталонами испачканности у славян и скандинавов: русск. *черный как трубочист* – бел. *чорны як камінар* ‘черный как трубочист’ – чешск. *černý jako kominík* ‘черный как трубочист’ – швед. *svart som en sotare* ‘черный как трубочист’, русск. *грязный как трубочист* – бел. *мурзаты як камінар* ‘черный как трубочист’, русск. *черный как кочегар* и чешск. *černý jako uhlíř* ‘черный как угольщик’. Внешний вид кочегаров, угольщиков и трубочистов predetermined выбор данных работников эталонами загрязненности как тела, так и одежды.

Еще одна профессия в негативном ключе отражена в АУС русского и латышского языков (*пьяный как сапожник – pilns kā zābaks* ‘пьяный как сапожник’). Существует несколько версий, почему сапожники стали эталоном пьянства: то ли из-за малооплачиваемой работы в неотапливаемых будках, где от холода спасались горячительными напитками, то ли из-за неспособности моделировать и шить обувь, а только чинить ее. Неслучайно в немецком, испанском и итальянском языках для названия мастеров по изготовлению и ремонту обуви используют разные слова. Скорее всего, в русской и латышской культурах имелись ввиду именно вторые сапожники.

Общим для славян образцом женской красоты выступает *королева* или *принцесса*: русск. *красивая как королева* – чешск. *krásná jako princezna z pohádky* ‘красивая как принцесса из сказки’, а мужской – Аполлон: русск. *красивый как Аполлон* – чешск. *krásný jako Apollon* ‘красивый как Аполлон’. Смеем предположить, что первое указанное русское АУС заимствовано, так как царицы, а не королевы традиционны для русского общества. В чешском языке эталон *принцесса из сказки* отсылает нас в мир вымышленных героев эпоса, красота которых кратно превосходит человеческую, и в русском фольклоре в таких случаях говорится «ни в сказке сказать, ни пером описать».

Очевидно и заимствование АУС с образной основой Аполлон – именем древнегреческого и древнеримского бога, олицетворяющего мужскую красоту. Вероятно, эти фразеологические единицы пришли в славянские языки из памятников античной литературы.

Без отсылки к какому-либо конкретному богу используются АУС русск. *красивый как бог* – чешск. *krásný jako bůh* ‘красивый как бог’ – болг. *красив като бог* ‘красивый как бог’, однако, на наш взгляд, здесь подразумевается именно античный бог, а не христианский, так как в традиции церкви нет культа восхищения телесной красотой Иисуса.

Еще одно напоминание о влиянии культуры Древней Греции на европейскую цивилизацию прослеживается в АУС чешского *silný jako Herkules* и шведского языков *stark som en Herkules* соответственно.

Антропоморфные бестелесные существа – ангелы – также выступают образцом красоты в русском и чешском языках: русск. *красивый как ангел* – чешск. *hezky jako anděl* ‘красивый как ангел’. Помимо эталона красоты, ангелы выступают эталонами доброты и невинности также в славянских языках: русск. *добрый как ангел* – чешск. *dobry jako anděl* ‘добрый как ангел’ – хорв. *dobar kao anđeo* ‘добрый как ангел’ и русск. *невинный как ангел* – чешск. *nevinny jako anděl* ‘невинный как ангел’.

Признавая экзистенцию духовных, бесплотных существ – богов, ангелов, демонов и других – человек, разумеется, не мог не сопоставлять в негативном аспекте с силами зла. Не вызывает удивления тот факт, что количество языков, в которых зафиксированы эталоны, называющие представителей темных сил, больше, чем тех, в которых упоминаются сила добра. Яркими примерами могут служить АУС с образной основой *черт/дьявол/сатана*: русск. *страшный как черт* – бел. *страшны як чорт* – чешск. *ošklivý jako čert/d'ábel* ‘страшный как черт’ – болг. *страшен като самия дьявол* ‘страшный как сам дьявол’ – хорв. *ružan kao đavo* ‘страшный как дьявол’ – лат. *neglīts kā velns* ‘некрасивый как черт’ или русск. *злой как черт* – бел. *ліхі як чорт* ‘злой как черт’ – чешск. *vzteklý jako čert* ‘разъяренный как черт’ – хорв. *zao kao vrag* ‘злой как черт’ или русск. *хитрый как черт* – бел. *хітры як чорт* ‘хитрый как черт’ – чешск. *chytrý jako čert* ‘хитрый как черт’ – швед. *listig som satan* ‘хитрый как сатана’ и в меньшей степени *ведьма*: русск. *страшная как ведьма* – бел. *страшная як ведзьма* ‘страшная как ведьма’ – чешск. *ošklivá jako čarodejnice* ‘некрасивая как ведьма’.

Приведение как представление о душе умершего человека или мифического существа, проявляющееся в видимой форме, отразилось в качестве образца бледности в русском и английском языках: русск. *бледный как привидение* – англ. *as pale as a ghost* ‘бледный как привидение’.

Таким образом, рассмотренные образы людей и антропоморфных существ, используемых в качестве эталонов АУС ряда славянских, балтийских и германских языков, свидетельствуют о единстве представлений, основанных на общечеловеческих и общекультурных принципах. Наделение лиц определенной профессии, родственников, героев эпоса и мифов сходными характеристиками и закрепление их в устойчивых сравнениях подтверждает идею об универсальном миропонимании базовых понятий вне зависимости от национальности носителей языков.

Список источников:

1. Маркова, Е. М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках / Е. М. Маркова, Б. М. Эйсави // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2018. – № 3. – С.193–204.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
3. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имён : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
4. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 296 л.

References

1. Markova, E. M. & Eisawy, B. M. (2018). Vneshnost cheloveka ckvoz kulinarnuju metaforu v rusском i arabском yazykah [Person's external appearance through the culinary metaphor in the Russian and Arabic languages]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika, 3, 193–204. (In Russ.).
2. Maslova, V. A. (2000). Lingvoculturologiya [Linguaculturology]. – Moscow: Academia Publ. (In Russ.).
3. Rakhilina, E. V. (2004). Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost' [Cognitive analysis of subject names: semantics and combinability]. – Moscow: Russkie slovari Publ. (In Russ.).
4. Lebedeva, L. A. (1999). Ustoichivye sravneniya rusского yazyka vo frazeologii i frazeografii [Russian similes in phraseology and phraseography]. – Krasnodar. (In Russ.).

УДК 811.161.1'38

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К.А. Грак

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Автором описаны состояние и перспективы коммуникативной стилистики, вышедшей за рамки стилистики текста. Художественный текст с позиции коммуникативно-деятельностного подхода понимается как сотворчество автора и читателя. Постижению авторского мировосприятия способствует исследование его идиостиля. Кроме того, обозначены направления коммуникативной стилистики: теория регулятивности, теория текстовых ассоциаций и теория смыслового развертывания. Читатель при помощи собственных ассоциаций может осмыслить картину мира автора и увидеть в тексте не только то, что выражено эксплицитно, но и то, что имеет имплицитный характер. Моделирование ассоциативных полей, а также установление смысловых отношений между ними используется в рамках коммуникативной стилистики для изучения смыслового развертывания текста и процессов читательского восприятия.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, художественный текст, идиостиль, смысловое развертывание.

COMMUNICATIVE STYLISTICS OF A LITERARY TEXT: STATE AND PROSPECTS

K.A. Grak

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The author describes the state and prospects of communicative stylistics that have gone beyond the stylistics of the text. A literary text from the position of a communicative-activity approach is understood as the co-creation of the author and the reader. The comprehension of the author's worldview is facilitated by the study of his idiostyle. In addition, the directions of communicative stylistics are indicated: the theory of regularity, the theory of textual associations and the theory of semantic unfolding. The reader, with the help of his own associations, can comprehend the author's picture of the world and see in the text not only what is expressed explicitly, but also what is implicit. Modeling of associative fields, as well as the establishment of semantic relations between them, is used in communicative stylistics to study the semantic unfolding of the text and the processes of reader perception.

Key words: communicative stylistics, literary text, idiostyle, semantic unfolding.

Антропоцентрическая парадигма, ставшая основной научной парадигмой в конце XX – начале XXI в., определила особый интерес лингвистики к исследованиям в рамках коммуникативно-деятельностного подхода, связанного со структурой художественных текстов, личностью автора и интерпретационной деятельностью читателей. Коммуникативная стилистика художественного текста является направлением, вышедшим за рамки функциональной стилистики текста, основной задачей которого является «разноаспектное рассмотрение художественного текста как формы коммуникации, в котором отражается как стилистический узус, так и идиостиль автора» [1, с. 58].

Формирование понятия *идиостиль* неразрывно связано с формированием понятия *языковая личность*, определением которой занимаются такие лингвисты, как Ю.Н. Тынянов, Ю.Н. Караулов, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин. По мнению Ю.Н. Караулова, «языковая личность – та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка» [2, с. 57]. Ученый рассматривает языковую личность как совокупность психического, социального, этического и других компонентов, преломленных через язык.

В.В. Виноградов полагает, что «стиль писателя... создает и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника» [3, с. 211]. Г.О. Винокур, используя образное сравнение, утверждает, что при исследовании языка писателя или его отдельных произведений «мы... вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [4, с. 231]. Н.С. Болотнова отмечает, что идиостиль автора проявляется не только в информации, заключенной в тексте, но и «в формах ее языковой репрезентации на уровне структуры, семантики и прагматики текста, в специфике приобщения адресата к текстовым авторским смыслам» [1, с. 37], т.е. творчество авторов по-разному организует и направляет познавательную деятельность адресатов.

Таким образом, исследование языковой личности автора и его идиостиля представляет особый интерес, поскольку ведет к постижению индивидуально-авторского мировосприятия, выявлению личностных смыслов и способам их воплощения в художественном тексте, возникновению творческого диалога между писателем и читателем. Следует отметить, что понятие *идиостиль* в коммуникативной стилистике художественного текста является ключевым и требует детального изучения.

Коммуникативная стилистика занимается комплексным исследованием структуры, семантики и прагматики текста и имеет несколько направлений: теория регулятивности (Е.В. Сидоров), теория текстовых ассоциаций и теория смыслового развертывания (Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева, М.Н. Кожина и др.). Под регулятивностью понимается системное качество текста, отражающее его способность воздействовать на читателя, направлять его познавательную деятельность [5], поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» автора [6, с. 357]. В качестве воздействующих средств, создающих эстетический эффект, выделяются следующие:

- 1) регулятивные средства на уровне элементов текста (фигуры, тропы, ключевые слова, названия), соотносящихся в сознании читателя с определенной микроцелью;
- 2) регулятивы (регулятивные структуры), отражающие взаимосвязь регулятивных средств (стилистические приемы и текстовые парадигмы);
- 3) доминанты регулятивности (преобладающие регулятивные средства одного типа);
- 4) регулятивная макроструктура (отражение взаимосвязи различных регулятивных структур в рамках художественного текста);
- 5) способы регулятивности (принципы, по которым происходит интерпретационная деятельность читателя);

б) регулятивные стратегии (типы программ, направленных на сотворчество автора с читателем, формирование представлений об эстетическом смысле произведений) [7, с. 23].

В процессе интерпретации, по словам А.И. Новикова, «содержание текста переводится на внутренний язык субъекта, позволяющий ему более непосредственно соотносить это содержание со своей картиной мира и тем самым придавать ему определенную «ценностную» значимость в структуре своего сознания» [8, с. 110]. Таким образом, регулятивная стратегия – составная часть коммуникативной стратегии, своеобразие которой заключается в том, что она отражает процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях диалога.

Теория текстовых ассоциаций направлена на исследование ассоциативной структуры текста. Ключевым понятием этой теории является термин *ассоциативное поле*, введенный Н.С. Болотновой, который обладает большими информативными возможностями. Под ассоциативным полем подразумевается совокупность реакций на слово-стимул, ядро (наиболее частотные реакции) и периферия [1, с. 10]. Моделирование ассоциативных полей и установление смысловых отношений между ними используется в рамках коммуникативной стилистики для изучения смыслового развертывания текста, а также процессов читательского восприятия.

А.П. Клименко отмечает, что связи между словами не ограничиваются отношениями только между стимулом и ассоциацией, вместе с этим могут устанавливаться отношения между ассоциациями, составляющими ассоциативное поле, а также отношения между единицами различных полей [9]. Следовательно, читатель при помощи собственных ассоциаций может понять картину мира автора и увидеть в тексте не только то, что выражено эксплицитно, но и то, что имеет имплицитный характер. А.А. Васильева при выявлении эксплицитных и имплицитных текстовых ассоциаций использует понятие *оттекстовый подход*, для которого характерно движение «от стимула – к реакции», а в более широком смысле «от текста – к читателю» [10, с. 39].

Наряду с существованием множества подходов к интерпретации текста и междисциплинарным характером этой проблемы данный процесс рассматривается как «отражение отражения», поскольку текст – это результат речемыслительной деятельности автора и стимул к созданию вторичного текста адресата [11, с. 175]. Вторичная коммуникативная деятельность читателя создает динамику личностных смыслов и, по мнению В.А. Пищальниковой, позволяет выявить «доминантный личностный смысл», который определяется не значением фиксирующих его лексем, а ассоциативными связями компонентов опыта индивида [12, с. 47].

Н.С. Болотнова полагает, что теория смыслового развертывания «позволяет моделировать на ассоциативной основе порождение смыслов и их взаимосвязь, т. е. сам механизм смыслоформирования в сознании читателя, типичный для произведений данного автора» [13, с. 98]. Однако «само по себе произведение никогда не может быть ответственно за те мысли, которые могут появиться в результате его понимания» [14, с. 123].

Таким образом, интерпретация художественного произведения является сложным процессом, который зависит от жизненного опыта и мировосприятия писателя и реципиента, а также направления смыслового развертывания и ассоциирования, возникающего при прочтении.

Подводя итог, можно отметить следующее:

1. Коммуникативная стилистика художественного текста является направлением, вышедшим за рамки функциональной стилистики, рассматривающим художественные тексты в коммуникативно-деятельностном аспекте, основа которого – сотворчество автора и читателя.

2. Моделирование различных типов смыслового развертывания текста, рассмотрение индивидуально-авторских средств и способов регулятивности помогает установить особенности идиостиля писателя.

3. Интерпретация художественного текста является междисциплинарной проблемой, которая зависит от множества факторов: мировосприятия автора и читателя, выбора стратегии смыслового развертывания, а также ассоциативных возможностей адресанта.

Список источников:

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 384 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 261 с.
3. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.
4. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
5. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1987. – 140 с.
6. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Изд-во Смысл ; Эксмо, 2005. – 1136 с.
7. Болотнов, А. В. Лексические структуры как средство репрезентации концепта «хаос» / А. В. Болотнов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2008. – Том 7. – Вып. 2. – С. 22 – 26.
8. Новиков, А. И. Текст, его содержание и смысл / А. И. Новиков // Текст : структура и функционирование : сб. статей. – Вып. 2. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 108 – 113.
9. Клименко, А. П. Типология словесных реакций в ассоциативном поле / А. П. Клименко // Контрастивные исследования языков и культур : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 окт. 2017 г. : в 2 ч. – Минск : МГЛУ, 2018. – Ч. 1. – С. 126–130.
10. Васильева, А. А. О двух подходах к изучению ассоциативной структуры текста (на материале поэтических текстов О. Э. Мандельштама) / А. А. Васильева // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (филология). – 2005. – Выпуск 3 (47). – С. 39 – 43.
11. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика: смысловое развертывание поэтического текста / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 2020. – Вып. 4 (210). – С. 174 – 182.
12. Пищальникова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста : учеб. пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул : АГУ, 1991. – 87 с.
13. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – Ч. I. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 129 с.
14. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Рн/Д : Изд-во «Феникс», 1998. – 480 с.

References:

1. Bolotnova, N. S. (2008). *Kommunikativnaja stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. – Tomsk: Tomsk State Pedagog. Univ. Publ. (In Russ).
2. Karaulov, Ju. N. (2004). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. 4th ed., ster. – Moscow: URSS Publ. (In Russ).
3. Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. – Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ).

4. Vinokur, G. O. (1959). Ob izuchenii jazyka literaturnyh proizvedenij. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. [On the study of the language of literary works. Selected works on the Russian language]. – Moscow: Uchpedgiz Publ. (In Russ).
5. Sidorov, E. V. (1987). Problemy rechevoj sistemnosti [Problems of speech system]. Ed. V.N. Jarceva. – Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
6. Vygotskij, L. S. (2005). Psihologija razvitija cheloveka [Psychology of human development]. – Moscow: Smysl Publ; Jeksmo, 2005. (In Russ).
7. Bolotnov, A. V. (2008). Leksicheskie struktury kak sredstvo reprezentacii koncepta «haos» [Lexical structures as a means of representing the concept of chaos]. Vestnik NGU. Ser. Istorija, filologija, 7(2), 22–26.
8. Novikov, A. I. (1997). Tekst, ego sodержanie i smysl [Text, its content and meaning]. In Tekst: struktura i funkcionirovanie: sbornik statej [Text: structure and functioning: collection of articles] (108–113). Issue 2. – Barnaul: Publishing House of Alt. un. (In Russ).
9. Klimenko, A. P. (2017). Tipologija slovesnyh reakcij v asociativnom pole [Typology of verbal reactions in the associative field]. In Kontrastivnye issledovanija jazykov i kul'tur: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii [Contrastive studies of languages and cultures: materials of the III International Scientific Conference] (pp. 126–130). – Minsk. (In Russ).
10. Vasil'eva, A. A. (2005). O dvuh podhodah k izucheniju asociativnoj struktury teksta (na materiale pojeticheskikh tekstov O. Je. Mandel'shtama) [On two approaches to the study of the associative structure of the text (based on the poetic texts of O.E. Mandelstam)]. Vestnik TGPU. Ser. Gumanitarnye nauki (filologija), 3 (47), 39–43. (In Russ).
11. Bolotnova, N. S. (2020). Kommunikativnaja stilistika: smyslovoe razvertyvanie pojeticheskogo teksta [Communicative stylistics: semantic unfolding of a poetic text]. Vestnik TGPU, 4 (210), 174–182. (In Russ).
12. Pishhal'nikova, V. A. (1991). Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie [Conceptual analysis of a literary text: a textbook]. – Barnaul: Altay State University Publ. (In Russ).
13. Bolotnova, N. S. (2001). Filologicheskij analiz teksta. Chast' I [Philological analysis of the text. Prt I]. – Tomsk: Tomsk State Pedagog. Univ. Publ. (In Russ).
14. Vygotskij, L. S. (1998). Psihologija iskusstva [Psychology of art]. Rostov on Don: Publishing house Phoenix. (In Russ).

УДК 821.161. 3:82-1=161.1

КАТЕГОРИЯ МОРТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

Е.П. Жиганова

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Данная статья посвящена анализу категории мортальности в современном русскоязычном дискурсе Беларуси. Выявляются основные модели, реализующие образ смерти: «смерть – конец пути», «смерть – стихия», «смерть – новая (иная) жизнь». Семантика образа смерти обусловлена такими факторами, как этническая ментальность, особенности религиозного мировоззрения, эпоха создания, господствующие философские и научные концепции, индивидуально-авторское мировоззрение. Хронотоп смерти в исследуемом поэтическом контексте характеризуется дуальностью: топос небесный противопоставляется топосу земному, темпоральная составляющая основана на бинарной оппозиции временность – вечность.

Ключевые слова: мортальность, танаталогия, семиотическое поле, вторичная номинация, метафорическая модель, хронтоп, бинарная оппозиция.

THE CATEGORY OF MORTALITY IN MODERN RUSSIAN-LANGUAGE POETIC DISCOURSE IN BELARUS

E.P. Zhiganova

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

This article is devoted to the analysis of the category of mortality in the modern Russian-language discourse in Belarus. The main models that implement the image of death are identified: “death is the end of the life path”, “death is an element”, “death is a new (other) life”. The semantics of the image of death depends on such factors as ethnic mentality, features of the religious world view, the era of creation, the prevailing philosophical and scientific concepts, and the individual author’s world view. The chronotope of death in the studied poetic context is characterized by duality: the heavenly topos is opposed to the earthly topos, the temporal component is based on the binary opposition of temporality – eternity.

Key words: mortality, thanatology, semiotic field, secondary nomination, metaphorical model, chronotope, binary opposition.

Категория смертности в языковой картине мира занимает особое место в силу неоднозначности восприятия данного явления и неизбежности смерти как одного из этапов человеческого существования. Исследуя данную категорию, воплощенную в художественном тексте, мы имеем дело «не с самой смертью, а с ее феноменом, представлениями о ней, ее художественным воплощением». Категория смертности является метаязыковым элементом танатологии, которая реализуется в том числе в гуманитарных науках и «изучает общекультурный опыт осмысления и описания смерти» [1].

Семантика смерти как художественного феномена весьма разнообразна и зависит от целого ряда факторов, таких как этническая ментальность, особенности религиозного мировоззрения, эпоха создания, господствующие философские и научные концепции, индивидуально-авторское мировоззрение и пр.

В процессе исследования категории смертности в современном поэтическом русскоязычном дискурсе Беларуси можно заметить различные способы воплощения образа смерти, обусловленные вышеназванными факторами.

Традиционным для восточных славян является представление о бесконечности жизни: со смертью существование не кончается, а лишь приобретает новые, никому из смертных не известные формы. Подобный мотив часто возникает в современной русскоязычной поэзии Беларуси: «*Я не умру. / Я просто **растворюсь в природе** / (уходит так вода в песок), / Я во Вселенском огороде / **Бессмертный пламенный цветок**» (Афанасий Ботяновский); «*Пока не ушел **в траву и золу**, / Покуда жжет под ребром*» (Георгий Киселёв); «*Но важней и дороже **смотреть / на закат стрику – / и в закате увидеть не смерть / и не тлен и труху***» (Феликс Чечик); «*Этот случай я вам завещаю / И опять собираюсь с вещами / **В синий звон комариных ночей**. / К сожалению, скоро придется / **Переехать туда без вещей***» (Игорь Шкляревский). Земное существование человека не бессмысленно в силу своей бесконечности благодаря способности перевоплотиться в какое-то новое состояние, и это знание помогает человеку примириться с мыслью о смерти.*

Христианское мировоззрение, отчасти восприняв идею вечной жизни, воплотило представление об ином мире, куда душа человека попадает после смерти в зависимости от оценки его земного существования. Очень часто переход в мир иной мыслится поэтами как дорога к Богу: «*В калошах на босу ногу, / В засаленном картузе / Отец **торопится к Богу** / На встречу былых друзей*»; «*Хочу, чтобы **на небе был большак** / И чтобы **по простору большака** / **Брела моя сермяжная душа** / Блаженного седого дурака*» (Вениамин Блаженный); «*И никому в моем последнем дне / не повторить моей*

предсмертной дрожи, / И в погоне за Богом к могиле приводят следы» (Григорий Трестман). Результатом жизненного выбора становится божественная награда или наказание после смерти: *«Представ смиренно перед богом, / налево – ад, направо – рай. / Конец игры, пора прощаться»* (Жанна Завацкая).

Наступление смерти изображается как некий переход, своеобразный обряд инициации, обозначающий новую стадию существования человека: *«Между жизнью и смертью – межа. / И уже бессмертье наградою»* (Давид Симанович); *«И вот она – стоит твоя душа / У смерти на затоптанном пороге»* (Вениамин Блаженный); *«Смерть – о жизни иная весть, / В смерти многое надо суметь»* (Александр Чубаров). Здесь полисеманты *порог* и *межа* являются своеобразными символами перехода.

Смерть может выступать в антропоморфном образе, наделенном особой силой и властью, противиться которой у простого смертного нет возможности, вследствие чего авторы часто прибегают к использованию олицетворения: *«а смерть, когда она придет ко мне, / не будет на другую смерть похожа»* (Григорий Трестман); *«и Смерть придет, и за ноги утянет»* (Алексей Жданов); *«Когда вращала / Жизни круговерть, / А смерть не раз / Поглядывала косо»* (Григорий Соколовский).

Кризис христианства, породивший атеистическую концепцию, привнес в представление о смерти новые мотивы: смерть стала восприниматься как небытие, как итог, за которым ничего не следует. Подобная тенденция открыла новые возможности для поэтического воплощения категории смерти. Например, небытие видится лирическому герою конечной точкой маршрута, откуда невозможно вернуться: *«Мы равно, как один, / Под плач и пересуды / Уйдем в небытие / Без пропуска назад»* (Николай Болдовский). Именно конечность жизни заставляет поэта утверждать, что *«сильнее жизни смерть»* (Феликс Мыслицкий). Жизнь представляется страшной игрой именно вследствие своей бессмысленной конечности: *«Вот вывод из того, что я умру:/ В иронию, в бессмыслицу, в браваду, / Короче, верю в страшную игру:/ Побед не надо, и обид не надо»* (Алексей Жданов).

Танатологическая семантика репрезентируется с помощью различных выразительных средств. Возможна прямая номинация танатологических элементов и вторичная номинация с использованием широкого диапазона метафорических и метонимических эвфемизирующих приемов.

Метафорическая модель *«смерть – конец пути»*, входящая в семантическое поле продуктивной метафорической модели *«жизнь – дорога»*, является наиболее частотной в современной русскоязычной поэзии Беларуси: *«Морок в душе клубится, / Пыл поостыл в груди.../ Только б не оступиться / в самом конце пути, / только б не сбили черти / в гиблую круговерть, / только бы раньше смерти / Не умереть!»* (Александр Драгохруст); *«И жизнь течет, струится понемногу, / Хоть благодать – совсем не благодать. / Но первый вскрик... Но смертную дорогу / Не отменить и не предугадать»* (Анатолий Аврутин). Осмысление смерти как конечной точки жизненного пути придает особый драматизм высказыванию: *«...ради бога, не учите жить! /<...> / мне известен в мире одному / самый длинный путь к моей могиле»* (Федор Ефимов); *«А голос молчания говорит, / Что это конечная остановка»* (Радислав Лапушин).

Непредсказуемость смерти, незащитность человека перед нею воплощается в метафорической модели *«смерть – стихия»*. В реципиентной сфере данной номинации находятся такие субстантивы, как *бездна, гроза, мрак, тьма* и пр.: *«Ты, прошагавший над тою же бездной, / жив, / Оттого и не спится»* (Наум Кислик); *«Жизнь – только искра, блесточка, мгновенье / Для бездны, что без края и без дна»* (Анатолий Аврутин); *«По праву старика, а стало быть, по праву / Беспамятной грозы, идущей на покой»* (Вениамин Блаженный).

Метафорическая модель *«смерть – новая (иная) жизнь»* чаще всего реализуется в рамках христианского мировоззрения, где смерть тела не означает смерть духа. Души

умерших живут в мире ином и способны влиять на жизнь земную. Например, у Анатолия Аврутина подобная модель реализована следующим образом: «*Слышишь? – Снова кричат! – / Чье-то тело становится тленом. / Слышишь? – Снова зовут! – / Чьи-то души ушли в небосвод*». Представление о смерти как начале новой жизни позволяет воспринимать ее как благо («*Ничего уже не надо: / Ни опаздывать, ни ждать. / Лишь одна за жизнь награда – / Умиранья благодать*» Сергей Ваганов), порождает стремление прожить достойную жизнь, ибо «каждому воздастся по делам его» («*И возглас в звездной круговерти: / «Смысл жизни – в непостыдной смерти*» Алла Чёрная), завершить начатое («*Смерть – только стремление тем к завершенью. / Для жизни бесценный спасительный дар*» Иван Бисев), осознать конечность земного существования и принять это («*Чем ближе мой предел, чем вероятней смерть, / Тем проще и ясней, тем легче и понятней*» Георгий Бартош).

Хронотоп смерти по-особому реализуется в поэтическом контексте. Пространство смерти характеризуется дуальностью: можно выделить небесный топос смерти и земной топос смерти.

Небесный топос смерти, обитель душ умерших, мыслится поэтами как своеобразное открытое пространство (поле, бескрайняя равнина, долина), где хватает простора свободным душам: «*С тех сторон бытия, среди небесных безгласных долин, / он еще новичок меж погибших, то бишь убиенных*» (Григорий Трестман); «*И уйду навсегда в тот простор, / где лишь ветер и Бог*» (Анатолий Аврутин).

Земной топос смерти реализуется чаще всего в образе кладбища, уединенного места человеческой скорби и печали, «*где вся жизнь – лишь прочерк на граните / Между двух невыдуманных дат*», где «*Над холмиком валторны / Поют, увы, не славу, где «Могильный червь, ползучий сгусток жути, / Свое дыханье в камне записавший, / В надгробном камне, вдавленном в рыданья, / В ночное бденье умерших мощей*» (Анатолий Аврутин) и где «*Дальние – близкие, близкие – дальние / Милых могил бугорки / Жизнь завершается глупыми стансами, / Песней, похожей на стон*» (Николай Шипилов).

Во временном отношении смерть характеризуется вневременностью или вечностью и противопоставляется быстротечности жизни: «*но жизнь питается секундами, / но смерть вне времени*» (Александр Слащев); «*Устав от дел, когда-нибудь сойду / На полустанке под названьем Вечность*» (Дмитрий Юртаев); «*Все просто: жизнь – кораблик скорый, / Все споры разрешает смерть*» (Инга Винарская).

Размышляя о жизни человек так или иначе пытается примириться с мыслью о смерти, наделяя последнюю особым смыслом. Несмотря на все попытки осознать смерть, примириться с ее неизбежностью, она по-прежнему остается загадочной и страшной («*Сильнее жизни смерть*» (Феликс Мыслицкий), она отрицается («*А смерти нет – / Есть жизни плен*» (Надежда Буранова); противопоставляется жизни («*но жизнь питается секундами, / но смерть вне времени*» (Александр Слащев). В поэтическом контексте подобные образы воздействуют на читателя эстетически, транслируя определенную идеологию, заложенную в текст самим автором, отсюда такое разнообразие способов воплощения образа смерти.

Таким образом, категория смертности является составляющим элементом экзистенциальной модели бытия и реализуется в современном поэтическом русскоязычном дискурсе Беларуси посредством метафорических конструктов «смерть – конец пути», «смерть – стихия», «смерть – новая (иная) жизнь». Семантика образа смерти зависит от таких факторов, как этническая ментальность, особенности религиозного мировоззрения, эпоха создания, господствующие философские и научные концепции и индивидуально-авторское мировоззрение. Хронотоп смерти в исследуемом поэтическом контексте характеризуется дуальностью: топос небесный противопоставляется топосу земному, темпоральная составляющая основана на бинарной оппозиции временность – вечность.

Список источников:

1. Красильников, Р. Л. Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии [Электронный ресурс] / Р. Л. Красильников // Мортальность в литературе и культуре : сб. науч. тр. – Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-pravova-grupa-domnon-kolektiv/166051-mortalnost-v-literature-i-kulture-pravova-grupa-domnon-kolektiv/read/page-1.html>. – Дата доступа: 30.03.2022.

2. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси : в 2 т.: Т.2 / редкол. : В. В. Гнилomedов [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 828 с.

References:

1. Krasil'nikov, R. L. Epistemologicheskie problemy gumanitarnoj tanatologii [Epistemological problems of humanitarian thanatology]. – Retrieved from <https://itexts.net/avtor-pravova-grupa-domnon-kolektiv/166051-mortalnost-v-literature-i-kulture-pravova-grupa-domnon-kolektiv/read/page-1.html>.

2. Poeziya russkogo slova: antologiya sovremennoj russkoyazychnoj poezii Belarusi v 2 t. (2019). [Poetry of the Russian word: an anthology of modern Russian-language poetry of Belarus: in 2 volumes]. – Vol. 2. Ed. V.V. Gnilomedov [a. oth.]. – Minsk: Belarus. Navuka Publ.

УДК 81'27

**СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «1000-ЛЕТНИЕ БРЕСТА»
В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТЧИНЫ**

И.Л. Ильичева

Минский государственный лингвистический университет

Одним из ключевых ментальных единиц мировидения жителей Брестчины является концептосфера «1000-летие Бреста». Появление концептосферы «1000-летие Бреста» в сознании жителей региона представляет своего рода отклик на языковой опыт региона в целом. Данная концептосфера как образ может быть равна субъективному восприятию действительности в определенный период времени. Установлено, что концептосфера вбирает в себя обобщённое содержание векторных мини-концептосхем: Брест – город победы, Брест – город спорта, Брест – город фонарей, Брест – город праздника, Брест – город встреч, Брест – город эмоций. В данной статье представлены результаты проведенного анализа концептосферы на материале регионального медийного дискурса с целью выявления способов ее вербализации.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, поликодовый текст, коммуникативное пространство, медиатекст.

**METHODS OF VERBALIZING THE CONCEPTOSPHERE
«THE 1000TH ANNIVERSARY OF BREST»
IN THE MEDIA SPACE OF THE BREST REGION**

I.L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University

One of the key mental units of the worldview of the inhabitants of the Brest region is the concept sphere «1000th anniversary of Brest». The emergence of the «1000th anniversary of Brest» concept sphere in the minds of the inhabitants of the region is a kind of response to the language experience of the region as a whole. This concept sphere as an image can be equal to the subjective perception of reality in a certain period of time. It has been established that the concept sphere incorporates the generalized content of vector mini-concept schemes:

Brest is a city of victory, Brest is a city of sports, Brest is a city of lanterns, Brest is a city of celebration, Brest is a city of meetings, Brest is a city of emotions. This article presents the results of the analysis of the concept sphere based on the material of regional media discourse in order to identify ways of its verbalization.

Keywords: concept, concept sphere, polycode text, communicative space, media text.

Со второй половины XX века понятие «концепт» входит в активный научный обиход и в последние годы становится неотъемлемой частью целого ряда новых направлений в науке. Концепт, по справедливому замечанию А.А. Залевской, выполняет роль своеобразного сигнала, который при поверхностном наблюдении воспринимается как свидетельство «современности» того или иного научного исследования [1].

Термин «концепт» относится к числу модных, часто употребляемых терминов. Столь частое обращение к концепту объясняется, прежде всего, тем, что наука на современном этапе стремится пояснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации. Концепт является ментальной единицей сознания. Человеческое сознание – посредник между реальным миром и языком [2, с.18]. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу. Постепенно термин концепт утверждается в лингвистической терминологической системе, на его основе формируются новые термины: концептосфера, концептуализация, концептуальный фон, лингвоконцептология и некоторые другие.

Язык, по мнению А.П. Бабушкина и И.А. Стернина, является «одним из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания общества, группы и отдельного человека» [3, с. 5].

С. Г. Воркачев пишет: «любой концепт – это элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире и в качестве такового связан со всем множеством других, действительных или возможных, «систем мнений», отражающих взгляды на мир» [4, с. 17]. В.А. Маслова определяет концепт как «образ, единицу ментального мира, вбирающую в себя какой-то социальный опыт человека и его эмоциональные ощущения» [5, с. 53]. По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями текстов [2, с. 18].

Человек всегда мыслит концептами и формирует значение языковых единиц, а не получает их в готовом виде. Анализируя, сравнивая и соединяя существующие концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. При одинаковом наборе базовых концептов у каждого народа, каждого региона существуют особые, только ему присущие.

Мы полагаем, что одним из таких новых, специфических, регионоцентрических концептов для коммуникативного пространства Брестского региона является ментальное образование «1000-летие Бреста». Зарождение концепта «1000-летие Бреста» в сознании жителей региона – своего рода отклик на языковой опыт региона в целом. Наши наблюдения (2009–2020 гг.) показывают, что отправной точкой зарождения концепта можно считать 2009 год, когда на пересечении двух центральных улиц в старой части города был возведён Памятник Тысячелетия Бреста.

Композиционно памятник является своего рода культурным артефактом, наглядно иллюстрирующим модель города, выраженную в исторических образах (князь Владимир Василькович, великий князь Литовский Витовт, а также Николай Радзивилл Чёрный) и в обобщенных образах жителей города (летописец, солдат, мать). На круговом горельефе нашли отражение 6 исторических сюжетов: легенда об основании горо-

да, строительство города, участие берестейцев в Грюнвальдской битве, издание Берестейской библии, оборона Брестской крепости 1941 года, освоение космоса. Перечисленные исторические образы и сюжеты выступают в роли невербальных прецедентных феноменов, последующая апелляция к которым находит свое отражение на страницах региональной прессы.

Коммуникативное пространство Брестского региона по своим основным параметрам схоже с остальными регионами страны. Под коммуникативным пространством, вслед за Т.В. Поплавской, мы понимаем «языковой ареал, совокупность языковых кодов, социальную группу, сферу общения, территорию, вид деятельности, ситуацию. Оно воспринимается аудитивно, визуально, ментально и репрезентировано материальными и нематериальными объектами» [6, с. 6].

Рассматривая способы вербализации концепта «1000-летие Бреста», мы установили, что анализируемый нами концепт получает особенное осмысление и преломление в коммуникативном пространстве региональных газет, являющимся своего рода «дискурсивным флагманом».

Так, в региональном медийном пространстве значение словосочетания «1000-летие Бреста» передается целым рядом синонимов: («*тысячелетний юбилей*», «*миллениум Бреста*», «*тысячелетний Брест*», «*город тысячелетия*», «*юбилей длиною в 1000 лет*», «*1000-летний юбиляр*», «*город-юбиляр*», «*Брест. 1000 лет – 1000 возможностей*»). Здесь интересно отметить, что в рамках региональных медийных изданий получают широкое освещение и специальные тематические проекты «*1000 слов про 1000 лет*», «*Город 1000-летия*», «*1000 лет на всех*», «*Мгновения, спрессованные в года, мгновения спрессованы в столетия...*», отражающие знаковое для города событие.

Проект «Город 1000-летия» является одним из ключевых медийных проектов с 2018 года, активно освещающим подготовку, празднование юбилея и время после знаменательной даты. О значимости проекта для жителей региона свидетельствуют многочисленные заголовки медиатекстов: 1) «*10 причин посетить 1000-летний Брест*»; 2) «*Старую пристань для 1000-летнего Бреста обещают воссоздать на набережной*»; 3) «*Прелюдия к Миллениуму. Александр Рогачук о планах и задачах Бреста в новом году*»; 4) «*Аллеи из тысячи деревьев появились в предместье Стимово*»; 5) «*...И свет вечерних фонарей украсит город. А в старом саду появится своя достопримечательность!*»; 6) «*Город-сад покажут в Бресте в первый день лета*»; 7) «*Миллениум плюс два!*».

Поликодовые медиатексты под общей рубрикой «Мгновения спрессованы в года, мгновения спрессованы в столетия» на базе летописей, архивных материалов, исследований историков и краеведов вербально и визуально представляют историю от первых упоминаний в летописях древнего Берестья до переноса Брест-Литовска на новое место в связи со строительством крепости.

В ходе подготовки к празднованию 1000-летия Бреста в региональном массмедийном пространстве были освещены ключевые цели и задачи: 1) продвижение в общественном сознании белорусского народа и зарубежных партнеров образа Бреста как современного города, крупного регионального культурного, финансово-экономического, туристического центра, города с богатой историей; 2) возрождение уникальности и самобытности города Бреста с акцентом на развитии национально-культурных ценностей и исторических символов; 3) реализация мероприятий, направленных на реконструкцию и сохранение историко-культурного наследия города, проектирование и строительство объектов социального и культурнопросветительского назначения.

Выдвигая подготовку к предстоящему знаковому событию для Брестского региона в фокус внимания, авторами медиатекстов регионального медийного издания «Вечерний Брест» широко используется доминантная лексика: 1) «*Объявлен кастинг ведущих для торжеств в год 1000-летия Бреста*»; 2) «*К 1000-летию Бреста Vegas*

подарил городу аллею из шаровидных кленов»; 3) «К 1000-летию города на набережной Мухавца появятся новые кафе и рестораны»; 4) «2 миллиона цветов – к 1000-летию Бреста»; 5) «Миллениума, и обновленный Брест, каким он встречает будни второго тысячелетия своей истории».

В ходе проведенного контент-анализа медиатекстов установлено, что динамика смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта проявлялась за период 2009–2019 гг. как эволюция концепта, т.е. как смысловое расширение. Развитие региона за указанный период привело к тому, что концепт получил уточнение и в современном региональном сознании, на наш взгляд, дифференцируется как векторная концептосфера. Подтверждение сказанному мы находим в представлении в региональном поликодовом медийном пространстве специально разработанного логотипа и 6 вариантов графической эмблемы, затрагивающей разные сферы городской жизни.

Мы полагаем, что описываемый нами концепт представляет целую концептуальную структуру, обладающую неким набором потенциально возможных «векторов» – мини концепто-схем (*Брест – город победы, Брест – город спорта, Брест – город фонарей, Брест – город праздника, Брест – город встреч, Брест – город эмоций*) и задающую определенные ступени абстракции. Составляющие мини концептосхемы, как мозаичные кусочки, сводят воедино знаковые для региона исторические отрезки, культурные артефакты, спортивные и производственные достижения. Каждая из перечисленных концепто-схем проявляется в валентностях, которые предопределяют вербальные и невербальные блоки свободных ассоциаций. Ядро медиаконцепта «1000-летие Бреста» и шести концепто-схем наполняют коннотативные сегменты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конструируя окружающий мир в своем сознании, представители регионального социума интерпретируют как сам этот мир в его многообразии объектов, событий и их характеристик, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования они опираются на общие, коллективные, и частные, индивидуальные, когнитивные схемы языковой интерпретации в виде структуры концептуально-тематических областей.

Описываемая региональная концептосфера представляет собой эмоционально и культурно отмеченный смысл, ментальную сущность, отвечающую за формирование, обработку, хранение и передачу знаний. Концептосфера четко структурирована, имеет слоистое строение различных типов и различной сложности. Отдельные мини концепто-схемы подвижны и могут претерпевать со временем изменения в результате изменения региональной картины мира

Список источников:

1. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования : сборник науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 5–18.
2. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 176 с.
3. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с.
4. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 192 с.
5. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Коммуникативное пространство массмедиа; Коммуникативное пространство Беларуси / сост. и общ. ред. Т. В. Поплавская [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2021. – 148 с.

References:

1. Zalevskaya, A. A. (2002). Koncept kak dostoyanie individa [The concept as the property of the individual]. In *Psiholingvisticheskie issledovaniya* [Psycholinguistic research] (pp. 5–18). – Tver: Tver State Univ. Publ. (In Russ.).
2. Prohorov, Yu. E. (2009). V poiskah koncepta [Looking for a concept] / Yu. E. Prohorov. – Moscow: Flinta Publ.: Nauka. (In Russ.).
3. Babushkin, A. P., Sternin I. A. (2018). Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya [Cognitive linguistics and semasiology]. – Voronezh: Ritm Publ. (In Russ.).
4. Vorkachev, S. G. (2004) Schast'e kak lingvokul'turnyj concept [Happiness as a linguocultural concept]. – Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.).
5. Maslova, V. A. (2008). Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. – Minsk: TetraSistems. (In Russ.).
6. Poplavskaya, T. V. et al. (2021). Kommunikativnoe prostranstvo massmedia; Kommunikativnoe prostranstvo Belarusi [Communicative space of mass media; Communicative space of Belarus]. – Minsk: Minsk State Lingu. Univ. Publ. (In Russ.).

УДК 81'276.6:070:39(=161.3):316.356.2

**ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФЕНОМЕНА «СЕМЬЯ» В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

Н.Л. Дружина

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье представлены результаты использования методики полевой реконструкции для описания ценности «семья» (на материале белорусской периодической печати). Теоретическую основу составили существующие в науке точки зрения относительно взаимосвязи и взаимодополнения таких понятий, как ценность, семантическое поле. В ходе исследования установлены содержательные признаки смысловой доминанты поля.

Ключевые слова: семантическое поле, ценность, полевая реконструкция, публицистический дискурс, трансформация белорусской семьи.

**LINGUOAXIOLOGICAL SPECIFICITY FUNCTIONING
OF THE “FAMILY” PHENOMENON IN BELARUSIAN PRINT MEDIA**

N.L. Druzhina

Vitebsk State P.M. Masherov University

The article presents the results of using the field reconstruction method to describe the value of “family” (based on the material of the German periodical press). The theoretical basis was formed by the points of view existing in science regarding the interrelation and complementarity of such concepts as value, semantic field. In the course of the study, the meaningful signs of the semantic dominant of the field were established.

Key words: semantic field, value, field reconstruction, journalistic discourse, language experience, transformation of the family.

Семья – основа всех социальных институтов, важнейшая общественная ценность, залог стабильности и процветания любого социума. Многими теориями признается тот факт, что именно семья на протяжении столетий определяла общее направление эволюции макросоциальных систем. Каждый член общества, кроме этнической принадлежности, социального статуса, вероисповедания, имеет такую характеристику, как семейно-брачное положение.

Семья – одна из базовых ценностей, сохраняющих определенное постоянство в осмыслении многими поколениями. Однако в последние десятилетия «картина семьи» претерпела серьезные изменения. Классическая триада «отец – мать – ребенок / дети», безусловно, определяет понимание семьи для многих белорусов, однако действительность часто выглядит по-иному, и наряду с классической семьей существуют многие другие виды семьи и отношений. Это означает, что данный феномен меняется, появляются новые семейные модели / формы, в которых люди могут счастливо жить вместе. Коммуникативное пространство белорусских печатных СМИ достаточно полно фиксирует специфику номинирования современной семьи.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления новых характеристик семантического поля «семья», которые возникают в связи с особенностями функционирования современного белорусского общества. Полагаем, что дискурсивный и системно-структурный подход к исследованию языковых фактов в рамках семантического поля «семья» является наиболее целесообразным для выявления лингвокультурологической специфики феномена «семья».

Методологическую основу нашей работы, связанную с установлением аксиологической специфики ценности «семья» в белорусском публицистическом дискурсе, составили метод сплошной выборки фактического материала, дискурс- и качественно-количественный компонентный анализ, лексико-семантический анализ и др.

В нашей работе мы остановимся на выявлении лингвоаксиологической специфики отражения феномена «семья» в материалах таких белорусских печатных изданий, как «СБ. Беларусь сегодня» (далее СБ.), «Народная газета» (Нар. Газ.), «Знамя Юности» (Зн. Юн.).

По О.С. Ахмановой, семантическое поле – «уникальная монолитная структура, управляемая собственными законами. В ней реализуется, раскрывается «картина мира» и «иерархия ценностей», специфическая как для разных языков, так и для одного и того же языка в разные периоды его развития» [1, с. 79].

Феномен «семья» может быть представлен как полевая структура, репрезентирующая важнейшую ценность всей европейской культуры. Рассмотрение языка во взаимосвязи с культурой позволяет охарактеризовать семантическое поле как национально-маркированную лексическую подсистему, в организации которой находит отражение система ценностных ориентаций определенного лингвосоциума [2, с. 22].

Интересный подход к проблеме ценности представлен В.А. Масловой в коллективной монографии «Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов» (2017). Автор утверждает, что «формирование мировидения определенной социальной и территориальной группы тесно связано с ее культурой, поэтому одни и те же явления окружающей действительности по-разному представлены на различных территориях, в разных регионах» [3, с. 6]. Развивая мысль В.А. Масловой, полагаем, что исследуемый нами феномен имеет идиоэтническую специфику в белорусской лингвокультуре.

Семья – это социальная группа, находящаяся под охраной государства. В январе 2021 года Советом Министров в нашей стране принята Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, одним из направлений которой является укрепление института семьи. Развитие национального усыновления и семейных форм устройства сирот имеет большое значение в Беларуси. Ср.: ... *прыярытэт аддаецца ўладкаванню дзяцей на сямейныя формы выхавання – у прыёмныя і апякунскія сем’і, дзіцячыя дамы сямейнага тыпу* (СБ.).

Высокая частота употребления лексики, номинирующей формы семейной замещающей заботы, свидетельствует о том, что данное явление осмысливается как органичная, естественная часть жизни у белорусов. Славянской культуре издавна присуще наличие эмоционального отношения и сочувствия к детям, воспитываемым без ро-

дательской опеки. Ср.: *Па звестках Нацыянальнага цэнтра ўсынаўлення цікавасць да ўсынаўлення ў апошнія гады сярод беларускіх грамадзян стабільна высокая* (Зн. Юн.).

В эпоху глобализации, роста информационных потоков, активизации феминистских настроений вопрос о ценности института семьи приобретает особую значимость в силу возможности открытого существования альтернативных отношений между людьми, смены гендерной принадлежности и др. Так, новый взгляд на ценности в западном обществе обуславливает легализацию однополых браков, усыновление детей однополыми родителями и т. п.

Анализ феномена «семья» в исследуемых нами СМИ показал, что основная форма белорусской семьи – это *малая*, или *нуклеарная семья*. Нуклеарная семья – отдельно живущая (без родителей и родственников) супружеская пара с детьми. В белорусской культуре простые, или нуклеарные семьи – преобладающая форма среди всех семей. Ср.: *Сям'я – самая звычайная: маці, тата, малодшы брат* (Зн. Юн.).

Основная форма нуклеарной семьи – малодетная нуклеарная семья. Ср.: *Мама, тата, я – шчаслівая сям'я* (СБ.). Состав современной нуклеарной семьи иногда в определенной степени расширяется, включая даже животных. Ср.: *Выходжвалі іччаны ўсёй сям'ёй. Праз нейкі час «немаўля» стаў паўнапраўным членам сям'і* (Зн. Юн.).

Наряду с традиционной моделью семьи в современном обществе право на существование имеет *неполная семья*, то есть семья, где в системе отношений «отец – мать – ребенок / дети» отсутствует одно звено. Семья с одним родителем – явление достаточно частое, поскольку для большинства белорусов такой критерий, как «полнота семьи» не является определяющим и не выносит данный тип семьи за границы нормы.

Данная форма семейных отношений приемлема в общественном мнении, однако отсутствие одного звена в структуре модели семьи предполагает значительную ответственность родителя, который в одиночку выполняет все функции в подобной семье. Ср.: *Складаней, калі сям'я няпоўная. У такой сітуацыі прысутны з бацькоў павінен паклапаціцца аб тым, каб дзіця адчувала бацькоўскую любоў ...* (СБ.).

Все больше детей воспитывается в пэчворк-семьях, или «лоскутных» семьях. Так называется новая модель брачно-семейных отношений между партнерами после развода. Метафоричное обозначение семьи, «скроенной» из новых родственников: детей из прошлых и нынешних браков, новых бабушек, дедушек и других родственников – важный символ нашего времени. Ср.: *Для параўнання: многія з іх агульных знаёмых даўно па некалькі разоў перажаніліся. Ды вы і самі можаце прывесці не адзін такі прыклад. Дзеці ад розных шлюбаў* (Нар. Газ.).

Феномен гражданского брака получает все большее распространение в современном мире. Изначально под термином «гражданский брак» подразумевали семейные отношения, не освященные таинством венчания. Но на современном этапе «гражданским браком», или, другими словами, сожительством, называют официально не зарегистрированный союз мужчины и женщины, не признаваемый церковью и не закрепленный юридическим путем. В православной традиции сожительство мужчины и женщины, не благословленное духовенством, всегда считалось грехом и осуждалось обществом. В настоящее время такая форма отношений признается вполне нормальной и естественной. Широкое распространение незарегистрированных сожительств многими современными молодыми людьми понимается как *рэпетыцыя сямейных стасункаў*. Ср.: *«Гэта ж рэпетыцыя сямейных стасункаў», – мая знаёмая далей раскрывае плюсы такога рода шлюбу, які ў народзе назвалі проста – «грамадзянскім»* (Нар. Газ.).

Раздельное проживание становится все более распространенным явлением в белорусском обществе. Тенденция увеличения таких семей связывается также с ускорившимся темпом жизни, с необходимостью работать в разных городах, часто такую форму взаимоотношений выбирают творческие личности. Ср.: *Даволі звыклымі катэгоры-*

ямі цяпер сталі аднаполыя і грамадзянскія шлюбы, вольнае каханне і бязладныя інтымныя сувязі палоў ... (СБ.). *Сучасная форма адносін у спробах захаваць цікавасць да партнёра – гасцявы шлюб* (Нар. Газ.).

Однополые семьи в Беларуси официально не признаются, но существуют в качестве неофициальных отношений, которые тщательно скрываются и не демонстрируются открыто общественности. Официальные формы союзов для однополых пар законодательством не предусмотрены. Консервативная церковь также настроена негативно против подобных союзов, всячески их порицает и не приемлет. Белорусское законодательство запрещает однополые браки, службу в армии открытым гомосексуалам, усыновление детей однополыми парами. Следует отметить, что если в российских и европейских СМИ обсуждаются вопросы о нетрадиционных парах, то в СМИ Беларуси данные контексты единичны, присутствуют в описании отношений в местах лишения свободы. Ср.: *На жаночай зоне, каб выжыць і не звар'яцець, прынята аб'ядноўвацца ў так званыя «сем'і»* (Зн. Юн.).

Белорусские СМИ ориентированы на формирование позитивного образа семьи и брачно-партнерских отношений, которые не вписываются в рамки европейского толерантного подхода к альтернативным брачно-семейным конфигурациям. Ср.: *Беларусь у прыярытэтным парадку імкнецца стварыць усё магчымае для захавання і развіцця традыцыйнай сям'і: стымулявання нараджальнасці, падтрымкі мацярынства і дзяцінства ...* (СБ.). *У нашай краіне дзяржава свята ахоўвае статус сям'і* (СБ.).

Министерство здравоохранения РБ активно пропагандирует традиционные семейные ценности и выступает с инициативой введения на законодательном уровне административной и уголовной ответственности за информацию, дискредитирующую институт семьи и брака. В Беларуси планируется запретить гомосексуальные отношения до 18-летнего возраста (в настоящее время они разрешены с 16 лет).

Думается, что образ классической полной семьи занимает значимое место в коммуникативном пространстве белорусских печатных СМИ. Институт семьи не идентифицируется полностью с институтом брака, традиционная система отношений *мать – отец – ребенок* реализуется частично, семья не выполняет в полном объеме функции воспроизводства населения, растет количество повторных браков. Отмечается также широкая представленность на языковом уровне проблем сиротства и замещающей семейной заботы в печати. Несмотря на достаточно широкое распространение альтернативных форм брачно-семейной организации, в белорусских средствах массовой информации номинации альтернативных форм семьи: *гасцявы шлюб, аднаполы шлюб* практически не представлены.

Таким образом, несмотря на определенную нестабильность состояния древнейшего института, наличие «переходных» форм брачно-семейных отношений, традиционная семья в славянской культуре остается в числе ключевых ценностей, ведь для белорусов испокон веков свидетельством зрелости человека считалось создание им семьи, рождение детей. Тексты СМИ подтверждают информацию о том, что семья присутствует в числе базовых ценностей наравне с домом, детьми, здоровьем, любовью, работой.

Список источников:

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Дружина, Н. Л. Универсальное и идиознтическое в восприятии феномена семьи русскими, белорусами и немцами / Н. Л. Дружина // Филол. науки. – 2016. – № 2. – С. 21–26.
3. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная монография / под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой. – Минск : УП «Энциклопедикс», 2017. – 268 с.

References:

1. Ahmanova, O. S. (1957). Oчерki po obshhej i russkoj leksikologii [Essays on General and Russian Lexicology]. – Moscow: Uchpedgiz Publ. (In Russ.).
2. Druzhina, N. L. (2016). Universal'noe i idiojetnicheskoe v vosprijatii fenomena sem'i russkimi, belorusami i nemcami [Universal and idioethnic in the perception of the family phenomenon by Russians, Belarusians and Germans]. Filol. nauki, 2, 21-26. (In Russ.).
3. Slavjanskije cennosti v kommunikativnom prostranstve regionov: kollektivnaja monografija (2017). [Slavic values in the communicative space of regions: a collective monograph]. Ed. V. A. Maslova, M. Vas. Pimenova. – Minsk: Jenciklopediks Publ. (In Russ.).

УДК 811.161.3:39(=161.3):37

АСВЕТА Ў БЕЛАРУСКАЙ ЭТЫЧНАЙ КАНЦЭПТАСФЕРЫ

К.С. Півавар

*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава*

У артыкуле канцэпт “асвета” разгледжаны ў святле лінгвакультуралогіі як аксіялагічна значны канцэпт, у складзе якога выдзяляюцца наступныя кампаненты: вобразны (кніга, галава, ежа для розуму, галава), паняццевыя (‘важнасць асветы ў жыцці чалавека’, ‘адукаванасць – галоўная рыса сапраўднага чалавека’, ‘важная роля сям’і і школы ў навучанні’, ‘навучанне – нялёгка працэс, даступны не ўсім’ і г. д.), ярка выражаны каштоўнасны кампанент. Навуковая навізна артыкула заключаецца ў выяўленні багатага культурнага фону і аксіялагічнага зместу канцэпту “асвета” на матэрыяле кантэкстаў з беларускамоўных крыніц (у першую чаргу, у літаратурных і фальклорных афарызмах). Атрыманыя вынікі могуць знайсці прымяненне ў далейшых даследаваннях – як лінгвістычных, так і ў гуманітарных увогуле (сацыялогія, псіхалогія, этналогія, педагогіка). Выяўлена цесная сувязь даследаванага канцэпту з канцэптамі “сям’я”, “памяць”, “праца”, “дабрабыт”, “чалавек”.

Ключавыя словы: канцэпт, асвета, моўная карціна свету, літаратурны і фальклорны афарызм, мастацкі тэкст.

EDUCATION IN THE BELARUSIAN ETHICAL CONCEPT SPHERE

K.S. Pivavar

*Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov*

The article considers the concept of “education” in the light of cultural-oriented linguistic as an axiologically significant concept, which includes the following components: figurative: book (head, head, food for the mind, head), conceptual (‘the importance of education in human life’, ‘education - the main feature real person’, ‘important role of family and school in learning’, ‘learning is a difficult process, not available to everyone’, etc.), a strong value component. The scientific novelty of the article is to reveal the rich cultural background and axiological content of the concept of “education” on the material of contexts from Belarusian-language sources (primarily in literary and folklore aphorisms). The obtained results can be used in further research – both linguistic and humanities in general (sociology, psychology, ethnology, pedagogy). The close connection of the researched concept with the concepts “family”, “memory”, “work”, “welfare”, “person” is revealed.

Key words: concept, education, linguistic picture of the world, literary and folklore aphorism, literary text.

Канцэпт разумеецца як аператыўная змястоўная адзінка памяці, усёй карціны свету, адлюстраванай у чалавечай псіхіцы; ён служыць тлумачэнню адзінак ментальных ці псіхічных рэсурсаў свядомасці і той інфармацыйнай структуры, якая адлюстроўвае веды і вопыт чалавека. Канцэпт можна разглядаць як адну з форм арганізацыі кагніцыі – пазнавальнай дзейнасці чалавека. Намінатыўнае поле канцэпту “асвета”, на нашу думку, складаецца з наступных лексем: *навука* (у беларускай мове гэтае слова з’яўляецца сінонімам навучання), *вучэнне*, *адукцыя*, а таксама (у пэўных кантэкстах) назоўнік *розум*.

Мэта артыкула – на матэрыяле літаратурных і фальклорных афарызмаў змадэляваць змест канцэпту “асвета”, вызначыць яго структуру (вобразны, каштоўнасны, паняццевыя кампаненты, уявіць месца дадзенага лінгваментальнага ўтварэння ў канцэптасферы беларускай мовы. Крыніцай даследавання паслужылі літаратурныя і фальклорныя афарызмы [1\$ 2], а таксама кантэксты з мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. У сучаснай лінгвістыцы прадстаўлена вялікая разнастайнасць метадаў і спосабаў апісання структур асобных канцэптаў у розных моўных карцінах свету. Мы прытрымліваемся лінгвакультуралагічнага аналізу моўных адзінак, прапанаванага В.А. Маславай, М.У. Піменавай, М.Л. Каўшовай і інш., якія прапануюць выдзяляць у структуры канцэпту намінатыўнае поле, каштоўнасны, вобразны, паняццевы кампаненты.

Тэрмін “канцэптасфера” ў навуковы ўжытак увёў Д. С. Ліхачоў у артыкуле “Канцэптасфера рускай мовы” на ўзор тэрмінаў В. І. Вярнадскага “наасфера”, “біясфера”; гэты тэрмін дапамагае зразумець, чаму мова “з’яўляецца не проста спосабам камунікацыі, але і нейкім канцэнтратам культуры нацыі і яе ўвасаблення ў розных сляях насельніцтва аж да адной асобы. У аснове канцэптасферы народа ляжыць спецыфічная сістэма сацыяльных, культурных і моўных стэрэатыпаў. Нацыянальная своеасаблівасць моўнай карціны свету вызначаецца спецыфікай зместу канцэптаў. Пранікненне ў канцэптасферу дазваляе лепей зразумець светаадчуванне і паводзіны людзей, раскрывае ўніверсальныя, уласцівыя канцэптасферам усіх народаў, і нацыянальна-спецыфічныя рысы. Сукупнасць устойлівых канцэптаў утварае канцэптасферу мовы, з’яўляецца сціснутым, “алгебраічным выразнікам усёй культуры нацыі” [3, с. 3]. Раскласіфікаваныя па тэматычнай прымеце канцэпты ўтвараюць псіхалагічную, этычную, фізіялагічную канцэптасферу і г. д. Існуюць нацыянальная, прафесійная, гендарная, узроставае канцэптасферы, а таксама індывідуальная канцэптасфера асобнага аўтара.

Сучасны стан развіцця гуманітарнай навукі характарызуецца міждысцыплінарнасцю, якая адкрывае новыя магчымасці і метады даследаванняў для мовазнаўцаў. Пры вылучэнні ключавых канцэптаў намі выкарыстаны дадзеныя сацыялогіі. Так, у адным з апошніх даследаванняў грамадскай думкі вучоныя прыйшлі да высновы, што для маладога пакалення беларусаў найвялікшымі каштоўнасцямі з’яўляюцца сям’я, здароўе і адукацыя: “першае месца ў іерархіі жыццёвых каштоўнасцяў навучэнцаў займае сям’я (каля 85% апытаных). Далей ідуць такія каштоўнасці, як здароўе (73,7%) і добрая адукацыя (65,3%)” [4]. Каштоўнасць адукацыі прасочваецца ў шматлікіх фальклорных і літаратурных афарызмах: *Вучыся, нябожа*, *вучэнне паможжа* (Я. Купала. *Вучыся, нябожа*); *Навука даражэй за ўсякае багацце* (Прык.); *Навука – лепшае багацце* (Прык.); *Вучыцца заўсёды згадзіцца* (Прык.); *Вучэнне – свет, а невучэнне – цемра* (Прык.); *Лепей вучоны, як залачны* (Прык.). Каштоўнасны кампанент праяўляецца ў высокай характарыстыцы адукаванага чалавека, сцвярджэнні таго, што неадукаваны чалавек не мае права называцца сапраўдным чалавекам: *Не кручаны – не рэмень, не вучаны – не чалавек* (Прык.); *Розум – найлепшае багацце* (Прык.).

Вобразны кампанент дадзенага канцэпту абумоўлены трывалымі асацыятыўнымі сувязямі, якія існуюць у беларускай моўнай свядомасці. Адным з самых вядомых сімвалаў асветы, адукацыі, навучання, безумоўна, з’яўляецца кніга. Яшчэ ў XVI ст. беларускі асветнік Францыск Скарына пісаў: *Любіце кнігу, бо яна – крыніца мудрасці, ведаў*

і навукі, лекі для душы (Францыск Скарына). Гэты вобраз адзначаны і ў народнай афарыстыцы: *Кніжка чалавеку – што ліпа пчолцы* (Прык.); *Як многа чытае, то многа ведае* (Прык.). Выяўлена таксама падабенства атрымання ведаў з ужываннем ежы, калі апошняя сілкуе цела чалавека, то адукацыя – душу: *Веды – таксама ежа, разумовая, але ежа, і яна таксама можа быць не на карысьць чалавеку, яна таксама можа шкодзіць, і ад яе таксама неабходна час ад часу разгружацца – пасціць* (А. Разанаў. Сёе-тое пра карані і пра ісціну).

Вобразны кампанент прадстаўлены звыклія для беларусаў асацыяцыі – сяўба, зерне, вырошчванне хлеба (дадзеныя вобразы адзначаны намі ў апісанні канцэптаў праца, дабрабыт, памяць): *Браты! Вялікая дарога / Чакае нас і родны край – / Жніво настала, працы многа, – / Навукі семя засявай!* (Я. Колас. Да працы!); *Так патрабуе ўжо ў калысцы / Дагляду мудрага дзіця, / Каб у жыцці аратым выйсьці, / А не нахлебнікам жыцця!* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці).

У многіх народаў шырока прадстаўлены саматычны код культуры. Універсальным, на нашу думку, з’яўляецца ўяўленне ў многіх народаў галавы як канцэнтрацыі рацыянальнага пачатку чалавека, разумовай дзейнасці, а таму гэты вобраз звязаны і з асветай і адукацыяй: *За разумнаю галавою і рукам лёгка* (Прык.); *Кожная галава свой розум мае* (Прык.); *Галава – не булава, мазгі – не пілаванне* (Прык.); *Ад навукі галава не баліць* (Прык.).

Нацыянальная канцэптасфера ўключае ў сябе найўнюю карціну свету дадзенай мовы, якая фарміруе вобразны складнік канцэптаў, нацыянальную сістэму каштоўнасцей, што ўтварае ацэначны складнік канцэптаў і пэўную суму інфармацыі, неабходную для паспяховай камунікацыі ў межах дадзенай культуры. Гэтая сума інфармацыі, як навуковай, так і бытавой, як сапраўднай, так і непраўдзівай, фарміруе паняццевыя складнікі канцэптаў, якія з’яўляюцца вынікам шматгадовай аб’ектывацыі ўласнага вопыту.

Як сведчыць даследаванні матэрыял, важнай з’яўляецца перадача ведаў маладому пакаленню, у працэсе чаго выключную ролю адыгрываюць бацькі, а таксама настаўнікі: *Дзеці павінны ўзбагачацца вопытам бацькоў* (А. Макаёнак. Зацюканы апостал); *Каб выбраць лепшую з дарог, / Патрэбна мудрасць працы / Нашых сэрцаў; / Патрэбны маці, бацька, педагог* (П. Панчанка. Ратуйце нашы душы); *Школа для таго, каб людзі маглі перадаць адзін аднаму сваю багатую душу* (В. Каваленка. Падвышанае неба); *Калі б можна было без настаўніка, то бараны б чыталі кніжкі* (Прык.); *Табе зайздросічу светла, мой настаўнік, / няўтомнай эрудыцыі тваёй, / тваёй святой няволі, – толькі ў ёй / душа бяднець і старыца не стане* (В. Жуковіч. Перада мною вобраз твой паўстане...). Таму можна вызначыць сувязь канцэптаў “асвета” і “сям’я”. Па нашым меркаванні, аднымі з самых вядомых сярод беларусаў з’яўляюцца радкі з паэмы Я. Коласа “Новая зямля”: *“Калі навука пойдзе туга, наможжа бацькава напруга”*, у якіх праглядаецца прынцып этнапедагогікі – дапушчэнне фізічных пакаранняў у выпадку беспаспяховага навучання дзіцяці. Безумоўна, сучасная педагогіка адмаўляе дадзены прынцып, аднак мова працягвае захоўваць народную памяць, што вельмі важна для яе даследчыкаў.

Некаторыя мастацкія тэксты патрабуюць дадатковага лінгвакультуралагічнага камментарыя. Так, у паэме Н.Гілевіча вартымі ўвагі з’яўляюцца наступныя радкі: *Вучы дзяцей яшчэ з пялёнак: / Каб не скаціцца пад адхон – / Хай з курганоў тваіх зялёных / Бяруць у заўтрае разгон* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). Курган – высокі старадаўні магільны насып. У беларускай моўнай свядомасці курган звязаны з магілай дзядоў, продкаў, з’яўляецца сімвалам памяці (узгадаем адзін з самых вядомых мемарыялаў Вялікай Айчыннай вайны – Курган славы ў Мінскай вобласці). Такім чынам, можна сцвярджаць, што канцэпт “асвета” мае глыбінную сувязь з канцэптам “памяць”.

Асвета, навучанне – важны феномен у жыцці чалавека, але адукаваным не так проста стаць: *Без мукі няма навукі* (Прык.); *Гуляючы, розуму не прыдбаеш* (Прык.).

У шматлікіх парэміях падкрэсліваецца, што розум, у адрозненне ад матэрыяльных рэчаў, нельга набыць ці знайсці: *Навука не піва, у рот не ўвальеш* (Прык.); *Нікому свайго розуму не ўставіш* (Прык.); *Розум не кулеш, у галаву не ўвальеш* (Прык.); *Розум не сякера – не пазычыш* (Прык.); *Розуму ў чужую галаву лапатаю не накладзеш* (Прык.); *Золата і ў краме дастанеш, а розуму не прыставіш* (Прык.); *За багацце розуму не купіш* (Прык.). Аб’екты параўнання (кулеш, піва, сякера, лапата) з’яўляюцца прадметам даследавання лінгвакраізнаўства як цікавыя факты паўсядзённага побыту беларусаў. Ці, напрыклад, прыказка *Розуму на кірмашы не купіш і ў Слаўкаўшчыне не знойдзеш* утрымлівае лексемы з этнакультурным значэннем *кірмаш* (‘святочна абстаўлены расшыраны гандаль, які праводзіцца ў пэўную пару года ў пэўнай мясцовасці; у пераносным значэнні – шумнае, ажыўленае зборышча людзей’) і *Слаўкаўшчына* (‘вялікая і багатая пушча на поўдні Беларусі (Глускі і Любанскі раёны’).

У беларускай афарыстыцы падкрэсліваецца неабходнасць адукацыі для годнага існавання: *Без навукі і лапця не сплячеш* (Прык.); *Навука вочы адчыняе* (Прык.), у чым нам бачыцца сувязь з канцэптам “дабрабыт”.

Навучанне – працяглы працэс, які немагчыма завяршыць: *Век жывеш, век вучышся* (Прык.); *Вучыцца ніколі не позна* (Прык.); *Колькі робиш – столькі вучыся* (Прык.); *Пражыць, як гавораць, – не поле перайсці, / Вучыцца не позна ніколі* (П. Броўка. Пражыць, як гавораць); *Што жывём, то вучымся* (Прык.). Прычым найлепшы час для навучання – маладосць: *Вучыся замаладу, то на старасць як знойдзеш* (Прык.); *Жалеза куй – як гарачае, вучыся – як вучыцца* (Прык.).

Разам з тым, падкрэсліваецца, што не кожнаму даецца навука: *Дурнога вучыць, як мёртвага лячыць* (Прык.). Да неадукаваных, неразумных людзей існуе негатыўнае стаўленне ў грамадстве: *Век пражыў, а розуму не нажыў* (Прык.); *Да званіцы падняўся, а без розуму застаўся* (Прык.).

Прааналізаваны моўны матэрыял дае цікавую інфармацыю для іншых гуманітарных навук, у тым ліку для этнапедагагікі, бо ў афарыстыцы адлюстраваны шматгадовыя назіранні народа, выкладзены парады. Напрыклад, сцвярджаецца, спрыяльным для навучання, асветы з’яўляецца асяроддзе чалавека: *З разумным на добрае навучышся, а з дурным – развучышся* (Прык.); *Розуму не набярэшся, калі з дурнем павядзешся* (Прык.). Заўважана, што маўленчыя паводзіны з’яўляюцца адлюстраваннем разумовых здольнасцей чалавека: *Які розум – такая гаворка* (Прык.). Наяўнасць адукацыі павінна спалучацца ў чалавека са сціпласцю: *Мудры будзь, але не мудруйся* (Прык.). Цікавым з’яўляецца назіранне над тым, што адсутнасць матывацыі не спрыяе паспяховай адукацыі: *Сытае бруха да навукі глуха* (Прык.).

Канцэптасфера як сукупнасць канцэптаў, зафіксаваная ў культурнай памяці соцыума і/ці індывіда, складае аснову нацыянальнай кагнітыўнай базы і з’яўляецца крыніцай канцэптаў, ментальнымі праекцыямі якіх у мове з’яўляюцца знакі, канцэпты, сімвалы, вобразы. Канцэптасфера ў многім абумоўлівае менталітэт асобы, групы, народа, г.зн. характар, паводзіны, лад мыслення. Чым багацейшая культура нацыі, фальклор, літаратура, навука, выяўленчае мастацтва, гістарычны вопыт, рэлігія, тым багацейшая і канцэптасфера народа. Моўная эксплікацыя канцэптаў здзяйсняецца праз ключавыя словы і матывы, якія могуць разглядацца і ў рамках асобнага мастацкага твора пісьменніка, і ў інтэртэкстуальных сувязях. Канцэптасфера ўяўляе сабой сістэму, бо канцэпты ўзаемазвязаны паміж сабой. Як паказала наша даследаванне, канцэпт “асвета” мае сувязь з канцэптамі “чалавек”, “сям’я”, “памяць”, “праца”, “дабрабыт”.

Спіс крыніц:

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі ; прадм. Д.Я. Бугаёва. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 494 с.
2. Гаўрош, Н. В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н. В. Гаўрош, Н. М. Няквіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 2012. – 638 с.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русскага языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
4. Нікалаева, Н. У ТОПе жыццёвых каштоўнасцяў у школьнікаў – сям’я, здароўе і адукацыя [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://zviazda.by/be/news/20170830/1504105512>. – Дата доступу: 31.03.2022.

References

1. Jankoŭski F. (2004). Belaruskija prykazki, prymaŭki, frazealogizmy [Belarusian proverbs, sayings, idioms]. – Minsk: Belaruskaja navuka (In Bel.).
2. Gaŭrosh, N. V. (2012). Afarystychnyja vysloŭi belaruskich pis'mennikaŭ [Aphoristic sayings of Belarusian writers]. – Minsk: Vyshjejšhaja shkola (In Bel.).
3. Lihachev, D. S. (1993). Konceptosfera russkogo jazyka [Conceptosphere of the Russian language] Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka, 52, 1, 3–9. (In Russ.).
4. Nikalaeva, N. (2017). U TOПе zhyccjovyh kashtŭnascjaŭ u shkol'nikaŭ – sjam'ja, zdaroŭe i adukacyja. Retrieved from <http://www.zviazda.by/be/news/20170830/1504105512>

ПРАВОВАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА

УДК 811.161

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА

А.Л. Дединкин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье представлен краткий обзор позиций лингвистов в отношении сущности понятия «юридический дискурс» как ключевой категории юрислингвистики. В частности, утверждается, что для юридического дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства. Схожесть основных категорий обуславливает тот факт, что правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках.

Автором делается заключение о том, что юридический дискурс обладает следующими характерными чертами: логичностью и последовательностью изложения; исключительной формализацией; абстрактностью категорий юридического языка и их системностью; официальным характером написанного; ограниченным набором тем.

Язык права имеет свои особенности. В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Самые нестандартные с моральной точки зрения происшествия и явления юрист описывает нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия, не раскрывая свою правовую оценку. Стилистически окрашенные, эмоционально выделенные, устаревшие, многозначные слова и выражения, образные сравнения, эпитеты, метафоры практически не используются, поэтому стиль изложения в юридическом дискурсе получается спокойным и сухим. Идеино-смысловый центр юридического дискурса составляет юридическая терминология.

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, юридический текст, язык права, юридический термин.

CHARACTERISTIC FEATURES OF LEGAL DISCOURSE AND FEATURES OF THE LANGUAGE OF LAW

A.L. Dziadzinkin

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

The article presents a brief overview of the positions of linguists regarding the essence of the concept of «legal discourse» as a key category of jurilinguistics. In particular, it is argued that legal discourse is characterized by unified subjects, procedures, and circumstances. The similarity of the main categories determines the fact that most of the legal texts are devoid of national marking, and the vocabulary has equivalents in other languages.

The author concludes that the legal discourse has the following characteristics: logic and consistency of presentation; exclusive formalization; the abstractness of the categories of legal language and their consistency; the official character of what is written; limited set of topics.

The language of law has its own characteristics. In legal discourse, words are usually used in their direct meanings. The lawyer describes the most non-standard incidents and phenomena from a moral point of view in a neutral way, without exerting an emotional impact, without disclosing his legal assessment. Stylistically colored, emotionally highlighted, obsolete, ambiguous words and expressions, figurative comparisons, epithets, metaphors

are practically not used, so the style of presentation in legal discourse turns out to be calm and dry. The ideological and semantic center of legal discourse is legal terminology.

Key words: discourse, legal discourse, legal text, language of law, legal term.

Дискурс является сложным коммуникативным явлением, включающим, кроме самого тела текста, еще и знания о мире, мнения, установки, адресата и т.д. Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, что доказывается участием в формировании концепции дискурса представителей разных наук – лингвиста Жана Дюбуа, историка и социолога Режи Робен, философа Мишеля Фуко и других. Сейчас наряду с лингвистами над созданием теории дискурса работают также социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, семиотики, философы.

Поскольку единого понимания дискурса не существует, мы избираем деятельностный подход, который, как кажется, наиболее продуктивен для наших целей. Одним из ярких представителей деятельностного подхода является Е.В. Сидоров, который определяет дискурс как «область языковой действительности, в которой деятельность людей включает в себя производство словесных текстов и их понимание» [1, с. 6]. В числе основных характеристик дискурса автор называет интерактивность, функциональную ориентацию на управление, системность.

Если говорить о юридическом дискурсе, то, по мнению А.В. Чернышева [2, с. 27], он представляет собой языковую деятельность (речь), которой присущи следующие характеристики:

- 1) сфера ее функционирования – область права (юридический дискурс с необходимостью прослеживается везде, где обсуждаются и решаются правовые вопросы);
- 2) тема и ведущий мотив юридического дискурса – содержание закона и соответствие закону того или иного рассматриваемого события;
- 3) коммуникативная направленность юридического дискурса – регулирование общественных отношений;
- 4) общая когнитивная специфика юридического дискурса – примат фактов над ценностями.

Дополнительно можно выделить и такие характеристики юридического дискурса, как связь с особыми «юридическими» концептами и возможные выходы в другие дискурсивные сферы, особый набор стилевых средств и типов речевых актов, но прежде всего нацеленность их на решение особых коммуникативных задач, противоположных по своей направленности, – обвинения или защиты.

На наш взгляд, к юридическому дискурсу можно отнести все речевые высказывания, которые связаны с юриспруденцией. Вместе с тем бытовой разговор на юридические темы имеет признаки, характерные как для институционального, так и для бытового дискурсов.

Для юридического дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т.д. Схожесть основных категорий обуславливает тот факт, что правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках.

Специфичными для юридического текста является его обезличенность, то есть отсутствие указаний на адресата и адресанта (на структурно-морфологическом и синтаксическом уровнях, о чем свидетельствуют безличные глагольные формы, безличные и пассивные конструкции, сложная структура предложений). При этом правовой дискурс имеет сходные с другими видами дискурсов прагмалингвистические свойства: иллокутивные и перлокутивные функции, то есть указания на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, запрещение каких-то действий. Иллокутивная сила юридического документа имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения.

Юридический дискурс «ограничивает» коммуникативные возможности его участников. Правоприменители не могут свободно толковать законодательные акты, нормы и правила, выработанные обществом, лимитируют поведение законодателей. С другой стороны, аргументация прокурора и адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда, поэтому текстам юридического дискурса присуща информационно-воздействующая функция, в них раскрывается социально-прагматическая позиция автора текста.

Юридические тексты бывают первично прескредитивные (законы, распоряжения, договоры), смешанные тексты, являющиеся в первую очередь дескриптивными, но содержащими и прескредитивные элементы (иски, заявления), и дескриптивные (учебная литература)» [3, с. 175]. Уголовный кодекс Республики Беларусь и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в соответствии с данной классификацией можно отнести к первично прескриптивным текстам.

В юридический дискурс вводится понятие правовой идеологемы как «совокупности лексических и грамматических средств, которые объединены определённым юридическим мировоззрением и целевой установкой на передачу и хранение правовой информации» [4, с. 8]. Целесообразно выделять четыре разновидности правовой идеологемы:

- 1) словоупотребление в процессах общения законодателя с гражданами посредством правовых установлений («слово в правотворчестве»);
- 2) словоупотребление в процессах общения специалистов при объяснении и обосновании правовых норм («слово в юридической науке»);
- 3) словоупотребление в процессах массового общения с целью правового воспитания личности («слово в правовоспитательном процессе»);
- 4) словоупотребление в ходе реализации права – в процессах использования, соблюдения и применения правовых норм («слово в юридической практике»).

Указанные виды правовой идеологемы в совокупности составляют юридический дискурс. Через язык право оказывает целенаправленное влияние на сознание людей, способствует тому, чтобы они вели себя достойным образом.

Все юридические тексты направлены к субъекту речи, в них содержатся явные или скрытые цели высказывания. Юридические тексты передают определенную информацию, приказ и т. д., выражаются с помощью императива и относятся к побудительным. Сам юридический дискурс – это консервативная система, которая развивается, опираясь на длительные традиции, обычаи и стандартное коммуникативное поведение, хотя некоторые изменения в нем все же происходят.

На наш взгляд, юридический дискурс обладает следующими характерными чертами:

1. Юридический дискурс характеризуется логичностью и последовательностью изложения. Информация в юридическом дискурсе часто излагается в форме статей.
2. Юридический дискурс хорошо формализован: в нем много стереотипных, стандартных формулировок при изложении правовых актов. Оформление юридических документов имеет четкую графически выраженную письменную форму.
3. Юридическому дискурсу присуща абстрактность категорий юридического языка и их системность, а также официальный характер написанного. Норма правового документа формально закреплена и обязательна для исполнения.
4. Для юридического дискурса характерен ограниченный набор тем: право, государство, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость и др.

Таким образом, юридический дискурс обладает следующими свойствами:

- устойчивость, т.е. относительно стабильное состояние юридического дискурса;
- конкретность, указывающая на то, что юридический дискурс существует в реальном правовом пространстве и времени;

- системность – все элементы юридического дискурса объединены в систему;
- процессуальный порядок;
- целостность – юридический дискурс воспринимается как единое целое.

Язык юридического дискурса рассматривается как средство реализации закона.

Исследование правовых аспектов коммуникации, где язык является и средством оценки правонарушения, и одновременно субъектом преступной деятельности нашло отражение в трудах Н.Д. Арутюновой [5].

По мнению К.И. Брилева [6, с. 31] одним из ключевых типов отношений, связывающих лингвистику и юриспруденцию, является то, что «язык выступает как объект правового регулирования».

В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Самые нестандартные с моральной точки зрения происшествия и явления юрист описывает нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия, не раскрывая свою правовую оценку. Стилистически окрашенные, эмоционально выделенные, устаревшие, многозначные слова и выражения, образные сравнения, эпитеты, метафоры практически не используются в юридическом дискурсе, поэтому стиль изложения получается спокойным и сухим.

Лексические значения слов, используемых в юридическом дискурсе, могут расширяться, сужаться по сравнению со значениями слов в обычных словарях языка. В языке юридического дискурса пассивные формы глаголов преобладают над активными, отсутствуют слова в переносном значении, разговорная и жаргонная лексика и т. д. Абстрактные лексемы обладают большой зоной вариативности (достаточный, исключительный случай, надлежащее, иной, определенный)

Из-за синтаксически сложных дефиниций предложения юридического дискурса могут быть поняты неоднозначно. Для того, чтобы это случалось как можно реже, используется достаточно простой синтаксис: например, в предложениях определение должно находиться максимально близко к определяемому слову. Такая структура предложений минимизирует смысловую неопределенность.

Идейно-смысловой центр юридического дискурса составляет юридическая терминология, которая представляет собой достаточно интересный исследовательский материал, так как имеют ряд особенностей.

Как известно, накопление информации – непрерывный процесс. Это значит, что терминология любой области науки, в нашем случае – юрислингвистики – всегда находится в стадии динамики.

Термин – специальная лексема, выражающая понятие в определенной области знания, это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание, так как на них наслаивается новая информация, которой не было в исходных знаках. Чтобы не было смешения категорий языка и метаязыка (так как язык для языкознания – это одновременно и объект и инструмент исследования), мы считаем, что термин – это знак второго порядка, в котором первичные словесные знаки перекодируются. Но они перекодируются также и при трансфере их в другие области науки. А.В. Суперанская [7] называет этот процесс транстерминологизацией. Слово «транс-» обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. В данном случае – это движение из одного научного пространства в другие, а трансфер в переводе с французского означает «переносить, переводить». В юридической терминологии трансфер терминов достаточно частотное явление.

Лингвистам хорошо известно, что существует различие между словом в словаре и в сфере его функционирования. Мягкий – о погоде, о воде, о характере (кроткий), замечание в мягкой форме, не очень строгий (о приговоре) и т.д. Как видим, данная лексема

может быть использована и в юридическом языке, но при этом ее значение ограничивается, т.к. функционирует только одно – «не строгий».

Для юридических терминов сфера фиксации – это не только юридические словари, но и тексты законодательных актов. Например, глагол «укрыть» в словаре имеет позитивное созначение: «спрятать, защитить», а юридический термин укрывательство – это общественно опасная деятельность. В юридическом дискурсе много терминов из общелитературного языка: неосторожность, вина и т.д. С ними, например, при проведении экспертизы нужно быть особенно осторожными. Нужно учитывать также лингвистическое несовершенство нашего законодательства.

В большинстве своем юридические термины составные и включают в себя оценочные компоненты, но при этом сохраняют нейтральность в значении: например, отягчающие обстоятельства, множественность преступления, насильственные действия и др. Большинство юридических терминов (как терминов других наук) имеет одно значение, но встречаются и многозначные термины: лицензия – 1) выдаваемое специально уполномоченным органом государственного управления или местного самоуправления разрешение на осуществление видов деятельности, которые в соответствии с действующим законодательством подлежат лицензированию; 2) разрешение на использование изобретения промышленного образца, полезной модели или другого технического достижения, представляемое на основании лицензионного договора либо судебного или административного решения компетентного государственного органа.

Активные словообразовательные процессы в юридической терминологии можно объяснить стремлением к точному обозначению юридических понятий. Такие слова, как подсудность, наказуемость и др., даны в толковых словарях с пометкой юр. (юридический). При этом в юридической терминологии много единиц, которые отличаются непоследовательностью, труднопроизносимостью (довзыскание, сонаниматели), являются оценочными, составными (безвестно отсутствующий, более мягкий вид наказания и др.), т.е. имеют недостатки в качестве терминов.

Таким образом, лингвистика юридического дискурса включает в себя вопросы изучения правовой грамотности языковой личности и использовании языка для этих целей. Особый интерес вызывает проблемное поле правового речеведения, занимающегося изучением вопросов лингвоправовой конфликтологии.

Список источников:

1. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во URSS, 2009. – 232 с.
2. Чернышев, А. В. Юридический дискурс и его основные характеристики / А. В. Чернышев // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 22–28.
3. Шлепнев, Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении / Д. Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12. – Ч. 2. – С. 174–177.
4. Губаева, Т. В. Язык и право / Т. В. Губаева. – М. : Изд-во Инфра-М, 2010. – 176 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие / Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во «Наука», 1988. – 341 с.
6. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во «АлтГПА», 2009. – 252 с.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Изд-во URSS, 2003. – 246 с.

References:

1. Sidorov, E. V. (2009). Ontologija diskursa [Discourse ontology] / E. V. Sidorov. – Moscow: Izd-vo URSS. (In Russ.).
2. Chernyshev, A. V. (2016). Juridicheskiy diskurs i ego osnovnye harakteristiki [Legal discourse and its main characteristics]. Slovo.ru: Baltijskij accent, 7, 2, 22–28. (In Russ.).
3. Shlepnev, D. N. (2017). Juridicheskiy perevod, juridicheskiy tekst, juridicheskiy diskurs: k voprosu ob opredelenii [Legal translation, legal text, legal discourse: on the question of definition]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 12, 2, 174–177. (in Russ.).
4. Gubaeva, T. V. (2010). Jazyk i pravo [Language and Law] / T. V. Gubaeva. – Moscow: Izd-vo Infra-M. (In Russ.).
5. Arutjunova, N. D. (1988). Tipy jazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie [Types of language meanings. Grade] / N. D. Arutjunova. – Moscow: Izd-vo «Nauka». (In Russ.).
6. Brinev, K. I. (2009). Teoreticheskaja lingvistika i lingvisticheskaja jekspertiza: monografija [Theoretical linguistics and linguistic expertise: monograph] / Ed. N.D. Golev.– Barnaul: Izd-vo «AltGPA». (In Russ.).
7. Superanskaja, A. V. Obshhaja terminologija. Voprosy teorii [General terminology. Questions of theory] / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva. – Moscow: Izd-vo URSS. (In Russ.).

УДК 342

**ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ**

А.К. Полянина

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Университет Лобачевского, ННГУ),*

Самарский государственный университет путей сообщения

Революционное развитие медиакоммуникаций повлекло возникновение новых вызовов и рисков в отношении экологии информационного пространства в целом и здоровья и развития детей, в частности. Во многом эти риски связаны с проблемой интерпретации содержания информационной продукции, текстовых и контекстуальных единиц. В статье предпринимается попытка анализа возможностей экспертной оценки скрытых от формальных признаков вреда единиц текста, то есть экспертизы, специально учреждённой в России в целях обеспечения информационной безопасности детей. Отмечается потенциал данного типа экспертизы, не востребованный существующей на сегодняшний день практикой такой экспертизы и самим её дизайном, законодательно закреплённым. Утверждается особое значение экспертной деятельности и требований к эксперту. Предлагается ряд рекомендаций для оптимизации экспертизы.

Ключевые слова: экспертиза в целях защиты детей от информации, лингвистическая экспертиза, контекст, принципы оценки доказательства, свобода оценки доказательств.

THE PROBLEM OF EXPERTISE OF CONTEXTUAL UNITS OF INFORMATION PRODUCTS IN ORDER TO ENSURE THE INFORMATION SAFETY OF CHILDREN

A.K. Polyanina

*Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
(Lobachevsky University, UNN), Samara State University of Railways*

The revolutionary development of media communications has led to the emergence of new challenges and risks regarding the ecology of the information space in general and the health and development of children in particular. In many ways, these risks are associated with the problem of interpreting the content of information products, textual and contextual units. The article attempts to analyze the possibilities of expert evaluation of text units hidden from formal signs of harm, that is, an examination specially established in Russia in order to ensure the information security of children. The potential of this type of expertise is noted, which is not in demand by the current practice of such expertise and its design itself, which is legally fixed. The special importance of expert activity and requirements to the expert is approved. A number of recommendations are proposed to optimize the expertise.

Key words: expertise in order to protect children from information, linguistic expertise, context, principles of evidence evaluation, freedom of evidence evaluation.

Проблема консенсуса при оценке явлений языкового пространства фокусируется, в частности, вокруг способности и готовности человеческого сообщества к определению единых критериев допустимого содержания информационных продуктов, признания общих благ и ценностей. Отказ от ценностей (идеалов, норм) может означать отказ от признания существования опасности в отношении общепризнанных благ, включая отрицание вреда от информации. Блага, принятые в обществе, есть некие общие «болевые точки», «сфера стыда» в культуре или «уязвимости», фокусирующие на себе внимание, в том числе усилия по сокрытию от детей информации. Ими бывают: половые отношения, традиции и нормы, использование одурманивающих веществ, пределы допустимости агрессии, нормы языка и т.д. В разных культурах акцент на уязвимостях может смещаться в одних культура – это область пола и половых отношений, в других – насилие.

Достижению этого консенсуса способствует, например, компаративные исследования интертекстуального смыслового ядра медиатеста – его смысловой коннотации, которое в силу латентности всё чаще используется для маскировки деструктивного контента. Вредоносные коннотации позволяют избежать квалификации распространения информационной продукции, их содержащей как правонарушения. Именно поэтому приобретает значение особые инструменты оценки текста, понимаемого в широком смысле. Это те способы оценивания, которые в меньшей степени зависимы от формализованных законодательных критериев недопустимой информации и способны к анализу деструктивных и обценных смыслов, причиняющих вред детям.

В условиях продолжающейся глобализации медийных потоков подпадание отдельных образцов современного массового, в том числе музыкального, искусства в культурное локализованное национальной культурой языковое пространство не испытывает предварительной фильтрации, например, механизмом журналистской этики, но становится фактором культурной экспансии. Пресечение негативных аномалий в информационном пространстве есть общая цель экспертизы информационной продукции, уподобляющая эту экспертизу механизму фильтрации аномалий. Этот тип фильтрации имеет особый объект – денотативное и коннотативное содержание информационной продукции (контент и контекст); особый субъектный состав – аккредитованные эксперты. Денотативный компонент информационной продукции выражает логическое ядро значений, а коннотативный – оттенки значений, дополняющие логическое значение [2].

При заранее определённом семантическом поле окружения текста контекст имеет целью уклонение от юридической ответственности за распространение вредной для детей или запрещенной информации. Коннотации «могут иметь форму ассоциаций, ... и представлять также в форме реляций, когда устанавливается определенное отношение между двумя местами текста, иногда очень удаленными друг от друга» [3].

Проблема оценки коннотационного значения заключается в сложности применения формализованных критериев вреда. Экспертиза информационной продукции также осуществляется, согласно замыслу законодателя, с использованием фиксированные параметры вреда и зачастую ограничивается этими параметрами. Именно формализованные критерии вреда ложатся в основание юридической параметризации вреда от информационной продукции и его возрастной классификации. При этом коннотация, не содержащая фиксированных «вредных» признаков, выпадает из «зоны видимости» институционализированных и аппаратных систем фильтрации. А эксперт, чаще всего, также не считает себя вправе выходить за пределы правовой формулировки вреда, содержащейся в Федеральном законе №436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Возникает проблема иммунитета вредоносной и деструктивной коннотации перед нормой права и государственным регулированием.

Поэтому данный тип экспертизы требует оптимизации порядка проведения и апгрейда основных принципов. Потенциальная возможность экспертного сообщества оценить латентный смысл коннотаций и разрешить сомнения в отношении вредоносности информационной продукции определяет уникальность экспертизы. Возможность уклонения от признания вредных для детей коннотаций ограничивается юридическими дефинициями вреда. Характерная для лингвистической экспертизы диагностика признаков маскировки рекламного текста использует следующие характеристики для квалификации: адресованность и целевая направленность, мотивация (эмоциональные аргументы), корреляции между этими данными. Интегрирование опасного или запрещенного контента в денотивное содержание креализованного текста вызывает необходимость специфической оценки текста, не ограничиваемой формулировкой правовой нормы. Сложность самой юридической параметризации вреда от информации подобно сложности такой параметризации в отношении традиционных ценностей, что вызывает необходимость обращения к особому механизму оценивания доказательств, а именно к принципу Свободы оценки доказательств, используемому в российском процессуальном законодательстве (ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса, ст.67 Гражданского процессуального кодекса). Этот принцип предполагает оценивание через внутреннее убеждение оценщика под руководством его совести. Однако во избежание произвола, субъективности и конфликта интересов рекомендуется последующий контроль в отношении экспертного заключения в форме персональной ответственности эксперта перед профессиональным экспертным сообществом.

Распространение принципа свободы оценки доказательств на экспертную практику в сфере реализации законодательства о защите детей от информации означает отход от формальных подходов в понимании контента. Как демонстрация насилия автоматически не влечет установления вредного содержания, но вызывает личному убеждению эксперта, так и отсутствие нецензурного слова не исключает возможности отнесения информации к запрещенной, поскольку в соответствии с личным убеждением (совестью) эксперта в ней может содержаться описание непристойного образа.

Платформой для обоснованности решения служит необходимость и достаточность обстоятельств для того или иного вывода. При этом в правовой норме нельзя заранее установить универсальный для всех случаев перечень этих необходимых и достаточных обстоятельств: в каждом конкретном случае их набор и сочетание будут различны. Например, этими обстоятельствами могут быть и мотив распространителя, как нами отмечено выше: коммерческий, экстремистский или мотив самопрезентации;

и адресат информации – дети или взрослые; и характеристики публичности представления – пользовательский контент, реклама, кинопродукция. Как видим, все характеристики достаточных и необходимых для вывода обстоятельств указать в нормативном порядке не представляется возможным, а потому попытки юридикации всех условий вредности информационной продукции обречены.

Невозможность и нецелесообразность признаны пределами правового регулирования, где верхний предел – это отношения за пределами государственной власти, регулируемые иными, неправовыми нормами, а нижний — минимальная важность регулируемых отношений для общества и государства. Исходя из этого, правовому формулированию поддается лишь небольшой перечень явных характеристик вредного контента, а контекст и конситуации остаются вне поля зрения законодателя, поскольку либо выходят за пределы правового регулирования, либо не поддаются универсальному формулированию, как и любые ценности.

Случаи возможного «приложения совести и личного убеждения» к оценке информационной продукции, требуют особых условий или, иначе говоря, признаков ситуации, которая допускает применение этого механизма. Это такие признаки, как: 1) неоднозначность образа или описания, вызывающая трудности интерпретации (декодирования) текста (образа), при которой общая идея текста отсылает к общественному смыслу через ассоциации и коннотации; 2) недостаток законодательных дефиниций в отношении обстоятельств, фактов, вызывающих сомнение (например, внешний вид, сленговые неустоявшиеся значения лексики, мемы, применяемые для схематического упрощения смысла явления, события, человека, однозначно интерпретируемого некой социальной группой); 3) малочисленность или отсутствие прецедентов признания этих коннотаций вредными; 4) совпадение смысла коннотаций с одним из перечисленных в законе критериев вредной информации: порнография, экстремизм, насилие и т.д.; 5) типичность ассоциаций, когда образ или описание обычно воспринимается адресатом в соответствующем смысле; 6) выпадение образа или описания из логики текста (образного ряда), «искусственность» вставки, имеющей собственную цель, немотивированность сцен и эпизодов, в том числе формальное использование антуража, костюмов, музыкального фона, наличие «аксиологической дистанции между первичным и вторичным значением»; 7) нацеленность на эмоциональный (не критический) тип восприятия; 8) неопределенность и двусмысленность адресата информации (например, мультфильм с порнографическими коннотациями формально адресован детям, а фактически взрослым) [4, с. 34]. Уподобление экспертной практики судебной делает возможным распространение не только действия принципа свободы оценки доказательств, но и правил обжалования результатов экспертизы подобно кассационному производству, то есть через обращение к коллегиальному мнению.

Таким образом, обценный и иной вредоносный потенциал коннотационной маскировки и эвфемизации контента требует применения уже известных практике механизмов, принципов и презумпций, включая свободу оценки доказательств, механизмов обжалования и коллегиального рассмотрения, сочетания духа и буквы закона, морали и нормы, личной и общей воли.

Список источников:

1. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : URSS, 2009. – 147 с.
2. Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 308. – 1973. – С. 282–303.
3. Полянина, А. К. Управление информационной безопасностью детей : теория и практика / А. К. Полянина. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2021. 285 с.

References:

1. Kolshanskij, G. V. (2009). Kontekstnaja semantika [Contextual semantics]. – Moscow: URSS Publ. (In Russ.).
2. Lotman, Ju. M., Uspenskij, B. A. (1973). Mif – imja – kul'tura [Myth – name – culture]. Uchenye zapiski Tartuskogo universitetata, 308, 282–303. (In Russ.).
3. Poljanina, A. K. (2021). Upravlenie informacionnoj bezopasnost'ju detej: teorija i praktika [Information security management for children: theory and practice]. – Nizhnij Novgorod: Nizhnij Novgorod Lobachevsky University Publ. (In Russ.).

УДК 811.161

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА**

А.А. Лавицкий

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»*

В статье представлен краткий обзор проблем в сфере нормализации методологического инструментария судебной лингвистической экспертологии. В частности, отмечается наличие объективных обстоятельств, не позволяющих интенсифицировать унификацию процедур специального изучения текстового материала, таких как вариативность и потенциальная неограниченность конфликтогенных коммуникативных ситуаций, необходимость решения вопросов терминологического понятийного аппарата, невозможность использования физически измеряемых показателей исследовательских выводов и др.

Актуальным направлением в рассматриваемой сфере является ревизия методов, используемых в смежных лингвистических направлениях, и их «экспорт» в экспертную деятельность. Одним из таких методов является сравнительно-сопоставительный анализ, который может быть успешно экстраполирован в исследования, сопряженные с выявлением признаков атрибутированности, то есть статусного понижения образа объекта речевого воздействия по отношению к субъекту высказывания. Результаты таких исследований могут быть представлены наглядно: рассматриваемые оценочные характеристики отмечаются в системе координат, где ось Y используется для определения коннотации (положительная / отрицательная), а ось X как маркер временных отношений.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, методология лингвистической экспертизы текста, сравнительно-сопоставительный метод, атрибутированность, оскорбление, защита чести, достоинства и деловой репутации.

**COMPARATIVE ANALYSIS IN THE SYSTEM OF METHODOLOGY
OF THE TEXT FORENSIC LINGUISTIC EXPERT REPORT**

A.A. Lavitski

*Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
Vitebsk branch of the International University "MITSO"*

The article presents a brief overview of the problems in the field of normalization of the methodological tools of forensic linguistic expertology. In particular, it is noted that there are objective circumstances that do not allow to intensify the unification of procedures for the special study of textual material, such as the variability and potential unlimitedness of conflict-generating communicative situations, the need to resolve issues of the terminological conceptual apparatus, the impossibility of using physically measurable indicators of research findings, etc.

The current direction in the area under consideration is the revision of the methods used in related linguistic areas, and their “export” to expert activities. One of these methods is a comparative analysis, which can be successfully extrapolated into studies associated with the identification of signs of attribution, that is, the status reduction of the image of the object of speech influence in relation to the subject of the utterance. The results of such studies can be presented visually: the considered evaluative characteristics are marked in a coordinate system, where the Y-axis is used to determine the connotation (positive / negative), and the X-axis as a marker of temporal relations.

Key words: forensic linguistic expertise, methodology of text linguistic expertise, comparative method, attribution, insult, protection of honor, dignity and business reputation.

Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) текста прочно утвердилась как значимый компонент следственного и судебного процесса, где имеет статус средства доказывания. Тем не менее, в актуальной повестке дня остается ряд проблемных вопросов, которые вызывают критическое отношение к современному состоянию СЛЭ. Так, например, на заседании (03.04.2019) межведомственной рабочей группы по взаимодействию с участием представителей Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и Министерства внутренних дел высказывались следующие замечания: 1) «В случае постановки перед экспертами вопросов, ответы на которые позволяют сделать вывод о наличии в действиях проверяемого лица признаков состава преступления, в заключениях указывается, что это не входит в компетенцию экспертов»; 2) «Из 22 материалов по статье 130 УК (*Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни – курсив наш А.Л.*), по которым психолого-лингвистические (лингвистические) экспертизы проводились подразделениями ГКСЭ, только по 2 возбуждены уголовные дела, а из 27 материалов, где такие экспертизы проводились вне экспертных учреждений, по 19 возбуждены уголовные дела, по 8 делам процессуальное решение еще не принято». Такое положение дел обусловлено, в первую очередь, проблемами методологического характера: отечественная СЛЭ избирательна в выборе процедур специального исследования текста и достаточно инертна в научных изысканиях, связанных с обоснованием и внедрением в практику новых методов экспертного изучения продуктов речедеятельности.

Однако и методический плюрализм имеет свои недостатки. Так, А.Н. Баранов в середине прошлого десятилетия отмечал, что в России в системе методологии СЛЭ «царит явный количественный и качественный хаос, бросающийся в глаза любому постороннему и существенно снижающий авторитет лингвистической экспертизы» [1, с. 119]. Разумеется, что самое большое недовольство по этому поводу высказывают представители юридического сообщества: «В заключениях экспертов присутствуют: противоречия (внешняя и внутренняя противоречивость: если сравнить заключения по одному делу, наблюдаются не только противоположные выводы, но и категориальные противоречия); противоречивость выводов» [2]. Именно поэтому достаточно часто в научной литературе поднимается вопрос о нормализации методологического инструментария СЛЭ, под которой обычно понимается унификация специальных исследовательских процедур. При несомненной значимости такого рода научной работы, думается, однако, что следует учитывать некоторые сложности. Во-первых, неготовность представить идеальный метод экспертного изучения речевого материала связана с вариативностью последнего: потенциальное число конфликтогенных коммуникативных ситуаций не может быть ограничено какими-либо рамками. Иными словами, «отдельное слово, взятое из словаря, не соотнесено к действительности – это просто слово, единица языка» [3, с. 9], на значение, функцию которой накладывается целый ряд экстралингвистических характеристик. Так, например, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина

справедливо утверждают, что даже отнесение той или иной лексемы к бранной и установление ее значения не могут быть разрешены посредством только одного словарного анализа: «Пока нет еще “идеального” словаря брани, который удовлетворял бы всем ее интерпретациям. Даже словари, ориентированные на такую специализированную и, казалось бы, однородную лексику, как русский мат, отличаются большой разнородностью состава словника и способов его описания» [4, с. 29]. Во-вторых, методологические вопросы специального исследования текста должны решаться в комплексе с другими аспектами, включенными в область теории СЛЭ, например, формированием собственного терминологического тезауруса. В-третьих, юрислингвистика исходит из необходимости концептуально решить задачу формирования методологического инструментария, унифицировав не отдельные процедуры работы с текстом, а представив комплексные подходы к лингвоправовому анализу конфликтогенного речевого материала с опорой на широкий арсенал верифицированных в лингвистике методов. В-четвертых, юриспруденция желает видеть в выводах экспертов-лингвистов абсолютно четкие и даже физически измеримые результаты, что само по себе невозможно, ибо наука о языке является «принципиально неточной и субъективной» [5, с. 175], как и любое гуманитарное знание, включая само право. Это легко подтвердить несколькими вопросами: может ли суд установить уровень умышленности совершения противоправного деяния или раскаяния преступника в каких-либо величинах? Разумеется, нет. Не следует этого ожидать и от лингвистики, которая оперирует несколькими категориями: в значительной степени, низкий / высокий уровень, частное / не частотное использование и т.д.

Для системного теоретического обоснования методологий судебной экспертизы текста важно провести ревизию известных лингвистике методов исследования, уточнить их возможную роль в идентификации тех или иных признаков правонарушения. Такой подход заложен в основу нашего исследования, где аналитическому изучению подвергнут метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Сравнительно-сопоставительный анализ не получил широкого распространения в СЛЭ, хотя его потенциал, очевидно, высок в изучении вопросов, касающихся нарушения личностных прав и свобод. В первую очередь, речь идет об установлении признаков умаления достоинства личности, его профессиональных, деловых качеств. Например, такие правонарушения, как оскорбление, защита чести достоинства и деловой репутации, исходя из диспозиций соответствующих статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях, требуют оценки характеристик объекта речевого воздействия. Чаще всего, речь идет о параметре атрибутированности, то есть «корректировке образа лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего» [6, с. 97]. Указанная формулировка очевидно демонстрирует необходимость проведения компаративного исследования, объектами которого выступают адресант и лицо, которому он дает оценку. Предмет изучения – личностная характеристика объектов, имеющая единую атрибутивную оценочную основу (умственные способности, физическая красота, морально-нравственные черты, профессиональные способности и т.д.).

Учитывая стремление СЛЭ к наглядности, логичным видится визуализация выводов сравнительно-сопоставительного анализа образов субъекта и объекта речевого воздействия. Результаты исследования можно представить в виде компонентов системы координат. Так, область атрибутивной оценки может быть представлена в виде оси Y системы координат. Позицию выше начальной точки «0» занимают положительные оценочные коннотации, ниже – отрицательные. В случае, если оценочная характеристика лица находится выше нуля, параметр атрибутированности не выполняется, так как отсутствует сам факт негативного описания. Несоответствие конфликтогенного текста параметру также наблюдается, когда образ субъекта коммуникации находится

на оси ниже объекта, то есть не происходит статусное понижение относительно говорящего. Достаточно часто в анализируемом речевом материале отсутствует описание соответствующей характеристики самого адресанта. Следовательно, ее следует отметить в системе координат в точке «0», то есть как нейтральную.

Ось X системы координат используется в качестве темпорального показателя. Эта позиция представляется значимой при наличии временной зависимости в описании характеристики объекта: в случае указаний на прошедшее и настоящее время его статусное понижение оценивается по последнему маркеру негативной коннотации. Иными словами, определяющей является крайняя во временном интервале оценка личности. Если характеристика личности дается в будущем времени, то параметр атрибутивности также следует считать не выполненным, так как такого рода оценочные высказывания не являются фактологическими, а рассматриваются как выражение мнения.

Приведем примеры, в содержании которых используется прилагательное *идиот*, имеющее семантику негативной характеристики лица, к которому обращены: *идиот* – *дурак*, *глупый человек*, *тупица* (разг. бран.) (по толковым словарям Ожегова, Ушакова). Так, сравнительно-сопоставительный анализ высказывания *Ты полный идиот* позволяет следующим образом представить результаты изучения параметра атрибутивности (рисунок 1): образ субъекта (ОС), то есть автора, находится в начальной точке на пересечении осей системы координат, так как в коммуникативном акте отсутствует его описание; образ объекта (ОО) речевого воздействия имеет негативную оценочную коннотацию – следовательно, располагается ниже точки «0». Оба компонента (ОС и ОО) располагаются на оси Y, так как информация маркирована как распространяемая в настоящем времени.

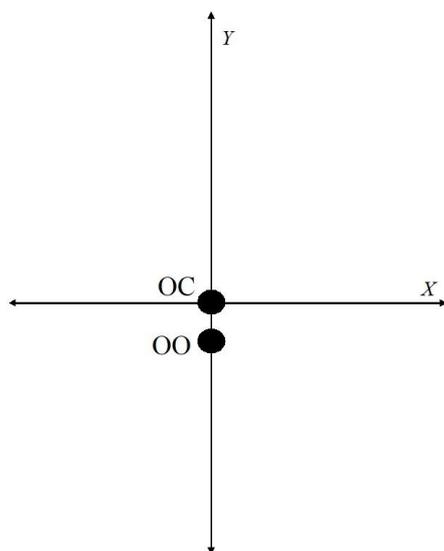

Рисунок 1

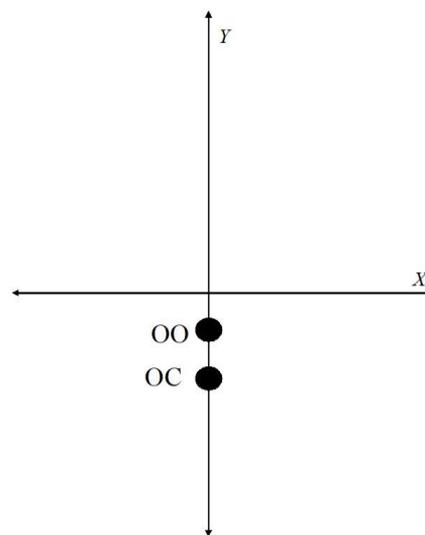

Рисунок 2

В высказывании *Ты полный идиот в работе, а я из-за тебя выгляжу еще хуже* ОО располагается на оси Y в зоне негативной оценочной характеристики, однако ОС отмечен здесь еще ниже, как имеющий большую степень атрибутивности (рисунок 2). Таким образом, в примере отсутствует статусное понижение объекта речевого воздействия по отношению к автору.

Речевой акт *Ты раньше был настоящим идиотом, а сейчас тебе ума не занимать* содержит две оценочные характеристики интеллектуальных способностей объекта воздействия: в прошедшем и настоящем временах (рисунок 3). В первом случае (ОО-1) умаление достоинства личности схематично изображено по отношению к оси атрибутивности Y ниже нуля, то есть как имеющее негативную коннотацию, а также

в зоне маркированности прошедшего времени. ОО-2 (второе в темпоральном упоминании описание) расположено в области положительной оценки личностной характеристики в нулевой точке по отношению к оси X – в настоящем времени. ОС в тексте не рассматривается, поэтому отмечен как нейтральный. Следовательно, параметр атрибутированности не выполняется, так как ОО-2 имеет позитивную коннотацию.

Еще один пример: *Ты не идиот, но и до меня тебе еще расти*. Данное высказывание также не соответствует параметру умаления чести и достоинства личности (рисунок 4). Несмотря на то, что ОО статусно понижен в сравнении с ОС, он находится в области положительной оценки умственных способностей, то есть признаки противоправного вербального деяния отсутствуют.

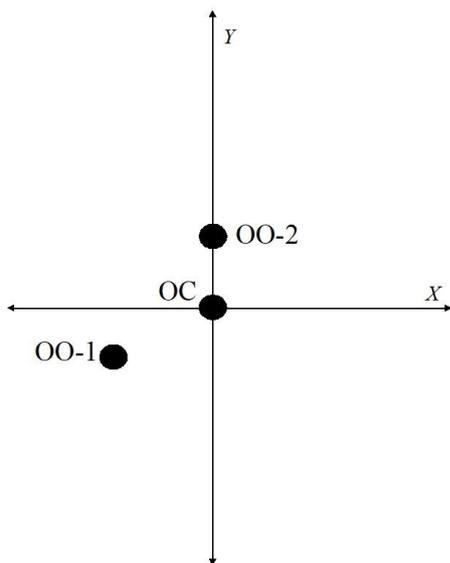

Рисунок 3

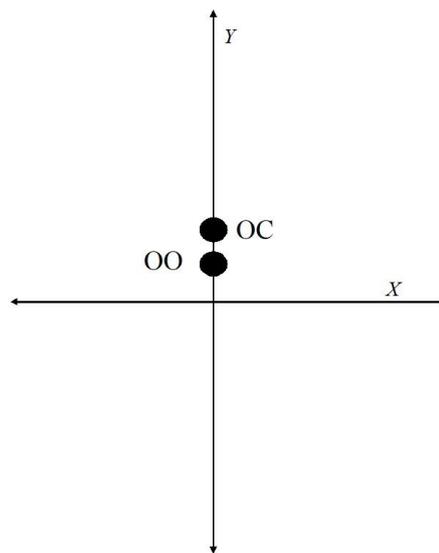

Рисунок 4

Таким образом, современная судебная лингвистическая экспертиза текста находится в стадии нормализации своего методологического инструментария. Данный процесс включает в себя ревизию верифицированных в смежных лингвистических направлениях методов исследовательской деятельности, а также разработку структурной системы процедур выявления признаков совершения вербальным способом правонарушений.

В рамках первого из указанных направлений следует обратить внимание на метод сравнительно-сопоставительного анализа, представляющий интерес для специального исследования текстового материала на предмет наличия в его содержании маркеров умаления чести, достоинства или профессиональных, деловых качеств. Диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях устанавливают соответствие коммуникативного акта признакам преступления в случае выполнения ряда параметров, одним из которых является атрибутированность, то есть статусное понижение образа речевого воздействия по отношению к автору высказывания.

Результаты проведения сравнительно-сопоставительного анализа могут быть представлены наглядно как компоненты системы координат, что видится актуальным в свете наличия критики со стороны правовой системы к описанию хода исследования и представлению экспертных выводов. Так, ось Y задает сведения оценочной характеристики сравниваемых образов, а ось X указывает на временные отношения коннотации субъекта и объекта описания. Негативное представление описываемого образа маркируется ниже нулевой точки (точки пересечения осей), позитивное – выше. Соответствующая логика присутствует при указании на временные рамки оценочного описания.

Параметр атрибутированности считается реализованным в случае, если ОО будет располагаться ниже а) нуля, то есть в зоне отрицательной коннотации, и б) оценки ОС. В отсутствие описания ОС его характеристика рассматривается как нейтральная и отмечается в точке начального отсчета системы координат.

Временная ось X задает темпоральный модус описания оценочной характеристики, что позволяет отнести высказывание к фактологичному либо выражающему мнение, а также изучить предмет исследования в диахронии.

Список источников

1. Баранов, А. Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 октября 2016 г.) / под. ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 119–122.
2. Секераж, Т. Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] / Т. Н. Секераж // Психология и право. – 2011. – Т. 1. – № 2. – Режим доступа : <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml>. – Дата доступа : 04.01.2022.
3. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 316 с.
4. Мокиенко, В. М. Никитина, Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : «Норинт», 2004. – 448 с.
5. Маслова, В. А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики / В. А. Маслова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 172–190.
6. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права : функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.

Reference

1. Baranov, A. N. (2016). Metody i metodiki v lingvisticheskoj jekspertize teksta [Methods and techniques in the linguistic examination of the text]. / A. N. Baranov. In Jazyk. Pravo. Obshhestvo: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferenzii. [Language. Right. Society: collection of articles IV Intern. scientific-practical conference] (pp. 119–122). – Penza. (In Russ.).
2. Sekerazh, T. N. (2011). Metodologicheskie problemy issledovanija spornyh tekstov po delam ob jekstremizme [Methodological problems of the study of controversial texts in cases of extremism]. Psihologija i pravo, 1(2). – Retrieved from <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml>. (In Russ.).
3. Osadchij M. A. (2007). Pravovoj samokontrol' oratora [Legal self-control of the speaker]. – Moscow: «Al'pina Biznes Buks». (In Russ.).
4. Mokienko, V. M. Nikitina, T. G. (2004). Slovar' russkoj brani (matizmy, obscenizmy, jevfemizmy) [Dictionary of Russian abuse (matisms, obscenisms, euphemisms)]. – Petersburg: “Norint”. (In Russ.).
5. Maslova, V. A. (2018). Osnovnye tendencii i principy sovremennoj lingvistiki [Main trends and principles of modern linguistics]. Bulletin of RUDN University. Ser. Russian and foreign languages and methods of their teaching, 16(2). (In Russ.).
6. Osadchij M. A. (2013). Russkij jazyk na grani prava: funkcionirovanie sovremennogo russkogo jazyka v uslovijah pravovoj reglamentacii rechi [Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language under the conditions of legal regulation of speech]. – Moscow: Book house “LIBROKOM”. (In Russ.).

**РЕЧЕВОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПОКУШЕНИЯ
НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ**

И.В. Федорова

*Суд Первомайского района г. Витебска,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»*

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проявления коррупционного противоправного деяния, выраженного в форме покушения на получение взятки. Социальная значимость проблемы привлекает к ней внимание различных исследовательских парадигм. Не является исключением и лингвистическая экспертиология, привлекаемая юриспруденцией для решения задач, связанных с идентификацией вербальных признаков покушения на взятку. Специальное лингвистическое исследование текста на предмет наличия в его содержании признаков обсуждаемого правонарушения строится на изучении параметров, задаваемых диспозицией ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь: 1) субъектность (то есть указание на совершение автором действий, направленных на реализацию интересов взяткодателя); 2) наличие сведений о корыстно-материальной заинтересованности со стороны адресанта; 3) иллокутивно маркированная намеренность реализовать действия по заданию и в интересах адресата.

Ключевые слова: ст. 430 УК, покушение на получение взятки, коррупция, лингвистическая экспертиза текста, преступление, совершаемое вербальным способом.

SPEECH STATEMENT AS PROOF OF AN ATTEMPT TO RECEIVE A BRIBE

I.W. Fedorova

*Court of Pervomaisky district of Vitebsk,
Vitebsk branch of the International University "MITSO"*

The article deals with issues related to the manifestation of a corrupt illegal act, expressed in the form of an attempt to receive a bribe. The social significance of the problem draws the attention of various research paradigms to it. Linguistic expertise, which is involved in jurisprudence to solve problems related to the identification of verbal signs of an attempted bribe, is no exception. A special linguistic study of the text for the presence in its content of signs of the offense under discussion is based on the study of the parameters set by the disposition of Art. 430 of the Criminal Code of the Republic of Belarus: 1) subjectivity (that is, an indication of the commission by the author of actions aimed at realizing the interests of the briber); 2) the presence of information about the mercenary-material interest on the part of the sender; 3) illocutionary marked intention to implement actions on the instructions and in the interests of the addressee.

Key words: art. 430 of the Criminal Code, attempted bribery, corruption, linguistic examination of the text, verbal crime.

Коррупционные преступления являются актуальной исследовательской темой по ряду причин. Во-первых, такие правонарушения относятся особой частью Уголовного кодекса Республики Беларусь к наиболее опасным проявлениям против интересов службы. Во-вторых, данные деяния имеют самый широкий общественный резонанс, что, разумеется, требует особого внимания к ним как со стороны представителей правоохранительной системы, так и исследователей в области юриспруденции. В-третьих, коррупция появляется в системе институциональных общественных отношений, а ее проявление затрагивают права не непосредственных субъектов, а третьих лиц [1, с. 31], то есть потенциальными потерпевшими может быть самый широкий круг граждан. Неслучайно, думается, данная

противоправная деятельность включена в фокус исследовательского внимания целого ряда научных парадигм: права, социологии, психологии и т.д. В последние десятилетия интерес к сфере коррупции проявляет и лингвистика, в частности, такое ее направление как судебная экспертиология. Следует отметить, что речь идет не о самостоятельной эвристической заинтересованности со стороны науки о языке. Лингвистическая экспертиза как прикладная отрасль была «приглашена» юриспруденцией, не имеющей компетенции в оценке некоторых проявлений коррупционной деятельности.

Если в деятельности основе совершения коррупционного проступка лежат фактические доказательства вины, то есть имеются непосредственные материальные улики – переданные денежные средства, ценности и т.д., то при покушении на совершение коррупционного деяния таких предметных веществ чаще всего не обнаруживается. В качестве предмета обвинительной оценки в таких случаях чаще всего выступают свидетельские показания, записи разговоров и т.д. Иными словами, покушение на совершение коррупционного преступления можно отнести к так называемым преступлениям, совершаемым вербальным способом [2].

Наш исследовательский интерес в настоящей работе сосредоточен на изучении речевых высказываний как предмета следственного процесса и судебной оценки при рассмотрении уголовных дел, сопряженных с покушением на взятку. Несмотря на то, что современное национальное уголовное законодательство не имеет отдельной статьи, в которой описывалась бы диспозиция покушения на получение взятки, данное деяние преследуется согласно ст. 431 УК «Дача взятки» и наказывается штрафом или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет со штрафом или без штрафа, или лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом или без штрафа при первом совершении правонарушения и ограничением свободы на срок до пяти лет со штрафом или без штрафа, или лишением свободы на срок от двух до семи лет со штрафом или без штрафа при повторном совершении правонарушения. Дача взятки в крупном размере наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом или без штрафа. Дело в том, что ответственность за покушение на преступление наступает по той же статье Особенной части УК, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данную статью (п. 1 ст. 14 УК).

В лингвоправовом аспекте покушение на получение взятки может быть реализовано посредством различных типов речевых высказываний. Важным является при этом наличие определенных параметров. Уточнение данных параметров исходит из юридической трактовки. Так, ст. 430 УК определяет получение взятки как принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий. Следовательно, покушение на получение взятки подразумевает, что высказывание, подлежащее экспертной оценке, должно:

- 1) являться речевым актом прямой речи, то есть его автор одновременно выступает и одним из объектов содержания, то есть субъектность деяний;
- 2) содержать указания на наличие некоего материального поощрения, выгодополучателем которого является адресант;
- 3) иметь маркеры намерения адресантом выполнить некие действия, не являющиеся предметом официальных гражданско-правовых договоров. Очевидно, конечно, что данные действия должны являться интересными для второй стороны, то есть потенциального взяткодателя, то есть также иметь статус некоего вознаграждения, кото-

рое, однако, может выражаться не только в материальной форме, но и в виде решения вопросов, проблем и т.д., прямо или косвенно входящих в профессионально-должностные компетенции взяткополучателя. Наличие таких действенных намерений устанавливается в судебном порядке и не учитывается экспертом при работе с текстовым материалом.

Облигатными для отношений параметров 2 и 3 является наличие причинно-следственных отношений. Приведем примеры высказываний, соответствующих указанным параметрам: *Мои услуги потребуют оплаты; Надеюсь, за свою работу я не буду финансово обижен; Вопрос сложный, и для его решения такса двойная; Мое решение будет зависит от Вашей щедрости.* Как видим, приведенные примеры наглядно демонстрируют наличие признаков выполнения в анализируемых текстах всех параметров. Отдельно следует отметить, что при выполнении второго параметра указание на размер материального вознаграждения не является обязательным, он может быть определен абстрактно (*такса двойная; Вашей щедрости*), либо достаточно самого свидетельства желания, готовности его получить (*потребуют оплаты; я не буду финансово обижен*).

Проблемным видится идентификация покушения на получение взятки при отсутствии признаков одного из параметров: *Я за просто так не работаю* (невозможно достоверно установить иллокутивное значение параметров 2 и 3); *Любая работа требует оплаты* (не соответствует параметру 2 и 3); *Хотелось бы материального поощрения за свои старания* (невозможно установить иллокутивную составляющую); *Меня учили так: ты мне – я тебе* (не соответствует всем параметрам); *Решение Вашего вопроса обойдется в копейчку* (не соответствует параметрам 2 и 3); *Как подмажете, так и поедете* (не соответствует всем параметрам). Данные речевые акты фактически являются примерами имплицитными покушения на получение взятки. Разумеется, мы можем на логико-понятийном уровне понимать, что речь идет о покушении на проявления коррупционной деятельности, однако это не может быть основанием для выводов эксперта-лингвиста.

Таким образом, покушение на получение взятки как проявление коррупционного правонарушения относится к одним из самых значимых преступлений, имеющих уровень высокой социальной опасности. Чаще всего, данный вид противоправной деятельности осуществляется вербальным способом, что влечет за собой необходимость проведения судебного лингвистического исследования речевого материала. Формулировка ст. 430 УК Республики Беларусь позволяет уточнить параметры, изучение которых ставится в качестве экспертных вопросов: 1) субъектность, 2) указание на корыстно-материальную заинтересованность, 3) иллокутивная намеренность.

Список источников:

1. Барков, А. Трактовка должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий / А. Барков // Юстыцыя Беларусі. – 2008. – № 8. – С. 28-31.
2. Лавицкий, А. А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом / А. А. Лавицкий // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 300–314.

Reference:

1. Barkov, A. (2008). Traktovka dolzhnostnogo lica po priznaku sovershenija juridicheski znachimyh dejstvij [Interpretation of an official on the basis of committing legally significant actions]. Justycyja Belarusi, 8,28-31. (In Russ.).
2. Lavizki, A. A. (2019). Russkojazychnyj pravovoj diskurs: pravonarushenie, sovershaemoe verbal'nym sposobom [Russian-language legal discourse: verbal offense]. Rusistika, 17, 3, 300–314. (In Russ.).

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКРУТИНГ:
СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА**

Е.Э. Кусаева¹, А.А. Лавицкий²

¹*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова;*

²*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,*

²*Витебский филиал Международного университета «МИТСО»*

В статье представлен обзор реализации политической вербовки в пространстве Интернет-коммуникации. Данный тип психологической обработки имеет достаточно четкие алгоритмы работы, которые зависят от социальной заинтересованности лица к вопросам политической жизни. В зависимости от отношения к той или иной политической силе можно выделить несколько типов вербуемых: 1) политически ангажированные граждане – фанатики, поддерживающие определенную общественную платформу; 2) примкнувшие – лица, желающие реализовать свои амбиции в сфере политической активности; 3) сочувствующие, которые поддерживаются в состоянии информационного насыщения и формирования чувств симпатии с целью дальнейшего использования для реализации образа массовой поддержки; 4) не интересующиеся, то есть политически апатичные граждане, для рекрутинговой работы с которыми требуются серьезное финансовое обеспечение.

Ключевые слова: политический рекрутинг, Интернет-вербовка, Интернет-коммуникация, политические партии, политический дискурс.

**C POLITICAL INTERNET RECRUITMENT:
THE SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF THE PROCESS**

E.E. Kusaeva¹, A.A. Lavitski²

¹*North Ossetian State University;*

²*Belarusian State Pedagogical M. Tank University,*

²*Vitebsk branch of the International University "MITSO"*

The article provides an overview of the implementation of political recruitment in the space of Internet communication. This type of psychological processing has fairly clear algorithms of work, which depend on the social interest of the person in matters of political life. Depending on the attitude towards a particular political force, several types of recruits can be distinguished: 1) politically engaged citizens – fanatics who support a certain social platform; 2) adherents – persons wishing to realize their ambitions in the field of political activity; 3) sympathizers who are maintained in a state of information saturation and the formation of feelings of sympathy for the purpose of further use to implement the image of mass support; 4) not interested, that is, politically apathetic citizens, for recruiting work with which serious financial security is required.

Key words: political recruiting, Internet recruitment, Internet communication, political parties, political discourse.

Общественно-политические вопросы естественным образом в той или иной степени интересуют подавляющее большинство граждан. Однако, чаще всего, лишь незначительное количество из них участвует в непосредственной деятельности партий или иных объединений. При этом же для любой политической силы важно показать массовость своей поддержки. Одним из самых распространенных способов демонстрации этого является актуализация соответствующей тематической коммуникации, помогающей увеличить как активное число сторонников, так и пассивно настроенных,

но сочувствующих представителей гражданского общества. Очевидно, что сегодня ключевым пространством этого процесса является Интернет, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это экономически целесообразно, так как речь идет о широком охвате пользователей глобальной сети, число которых потенциально неограниченно. В отличие от консервативных СМИ, информирование и общение в глобальной сети не требует серьезных финансовых вложений в производственно-техническую сферу (запись, съемки, печать и т.д.). Во-вторых, немаловажным является принцип относительной конфиденциальности, выражающейся в возможности сохранять анонимность или свои реальные личные данные. Кроме того, Интернет – это удобная площадка вербовочной (рекрутинговой) деятельности, позволяющая при помощи современных технологий достаточно оперативно и успешно привлекать новых и, главное, деятельностных приверженцев своих идей.

Нельзя однозначно сказать, что Интернет-вербовка является собой негативное проявление политической пропаганды. Такой вид работы представляется актуальным практически для любой политической силы и имеет свою процессуальную специфику. Вербовка проводится не только на платформах сетевых сообществ, но и в социальных сетях. Это позволяет получить определенные данные об объекте воздействия (пол, возраст, образование, вид занятия, место проживания и т.д.), что не просто дает социологический срез и детальное представление о массовой аудитории, а самым непосредственным образом используется для увеличения эффективности работы.

Основу рекрутинга составляют психологические приемы, ориентированные, в первую очередь, на представлении позиционирующихся идей как хорошей перспективы, альтернативы возможности для самореализации [1, с. 102]. Профессиональная политическая вербовка имеет четко организованный алгоритм взаимодействия с объектом воздействия. Первичным этапом такой деятельности является втягивание в дискуссии, результаты которой позволяют определить дальнейший «путь» работы с потенциальным кандидатом. Современные психологические технологии позволяют достаточно точно определить, нуждается ли кандидат в дополнительном воздействии или может сразу получить ссылку на тематическое сетевое сообщество. При необходимости дополнительной психологической обработки (исследователи относят сюда актуализацию лидерских позиций, необходимость быть среди доминирующего большинства [2, с. 312]) объект перенаправляют на другой сайт или блог, где проводится его дополнительная проверка, идет интенсифицированная подготовка к следующей стадии – полному погружению в соответствующую сеть политической коммуникации.

Отдельно следует остановиться на социальном портрете личностей, которые являются приоритетными объектами воздействия. Так как данная проблема является относительно новой для научного познания, то сегодня нельзя представить точную типологию граждан, рекрутинг которых имеет первоочередное значение для заказчиков с первоочередными политическими амбициями. Однако можно сделать некие общие выводы, согласно которым чаще всего вербуются следующие категории граждан:

1. Лица, личные взгляды которых совпадают с политической программой вербовочной организации. Их можно определить как идейных фанатов, а в случаях крайней и безоговорочной приверженности – фанатиков.

2. Лица, имеющие большие политические амбиции и желающие присоединиться к политическому процессу для самоутверждения или повышения своего социального статуса. В рекрутинговой среде данную группу принято характеризовать как прикнущих.

3. Лица, которые позитивно воспринимают отдельные идеи и призывы определенного политического формирования, однако не проявляют активного участия в его непосредственной деятельности. Это так называемые сочувствующие. Чаще всего,

такие лица не оказывают явную поддержку, но в какой-то мере симпатизируют политической платформе. Для нее данные граждане в ближайшей перспективе представляют собой потенциально активных участников.

4. Лица, готовые участвовать в активной политической деятельности для получения материального вознаграждения, выгоды [1, с. 103–104].

Интернет можно обозначить как общее название пространства политической вербовки. Непосредственно сам процесс осуществляется на различных его площадках, каждая из которых а) имеет свои процессуальные особенности функционирования, б) характеризуется наличием специфических приемов психологической работы и в) ориентирована на определенный тип вербуемого лица.

Так, рекрутинговая деятельность с идейными фанатами чаще всего ведется на закрытых интерактивных площадках, где меньше внимания уделяется обсуждению не политических идей, так как они не ставятся под сомнение, а планам их реализации. Специалисты работают с указанным контингентом обычно в директивной форме, а обоснования участия идейных приверженцев имеет констатирующий формат.

Для примкнувших самым удобным форматом работы принято считать участие в дискуссионных площадках на официальных или открытых Интернет-платформах. Это позволяет достаточно оперативно выявить лиц, склонных к активному участию в работе политического образования, и в частной коммуникации предложить им некое социально-статусное положение в организационной иерархии политического образования, что полностью или частично удовлетворяет имеющиеся амбиции вербуемого лица. Дав первичное согласие, рекрутируемый обычно переходит на иной канал общения, чаще всего в обозначенные выше закрытые сообщества.

Сочувствующие редко обрабатываются для оперативного перехода в группу закрытой коммуникации. Традиционно они рассматриваются как своеобразный резерв политической поддержки. Специалисты осуществляют на данных граждан ненавязчивое воздействие через так называемые «мягкие новости», поддерживают информационную насыщенность данных граждан с представлением аналитики, усиливающей симпатию к определенному политическому курсу, что позволяет в случае необходимости мобилизовать вербуемых для краткосрочных акций, началом которых может послужить новостной вброс, эмоциональное воздействие на аудиторию.

Лица, ищущие материальной выгоды от участия в политической деятельности, нуждаются в минимальной психологической обработке. Интернет-пространство не является доминирующим способом общения с ними. Чаще всего, специалисты используют для этого более «надежные» и доступные средства взаимодействия – телефонные мессенджеры, мобильная связь.

Особого внимания требуют вопросы вербовочной работы с политически апатичными гражданами. Традиционно в данном социальном сообществе больше всего подростков и молодых людей. Обычные способы психологического воздействия на них являются малоэффективными, поэтому стратегии их рекрутинга являются достаточно сложными и требуют серьезных финансовых вложений. Только достаточно серьезные и материально обеспеченные политические силы предпринимают попытки активной работы с таким контингентом. Одной из форм такой работы является организация различных интерактивных мероприятий. Это могут быть образовательные мероприятия, в рамках которых определенные политические цели поначалу практически не проявляются, и только с увеличением интенсивности участия лица в регулярных интерактивах усиливается и их политическая составляющая. Современные исследователи отмечают, что для вербовки уже создаются даже специальные онлайн-игры, соответствующие мобильные приложения. Ориентированы они, в первую очередь, на молодежную аудиторию, и планомерно трансформируют политическое сознание [3, с. 156].

Процесс политической вербовки не является идеологической составляющей деятельности той или иной организации. Это бизнес-проект. Специалисты, занимающиеся рекрутингом, могут не разделять политических взглядов своих нанимателей, а их деятельность регламентируется договорными финансовыми отношениями.

Таким образом, Интернет представляет собой особую коммуникативную площадку реализации политической вербовки. В зависимости от социального портрета лица, на которого ориентировано воздействие, существует несколько алгоритмов работы. В случае, если гражданин является приверженцем определенной политической силы, фанатично преданным ее позициям, он редко подвергается специальной психологической обработке, коммуникация с ним происходит чаще всего в закрытых интерактивных сообществах. Так называемые примкнувшие обычно требуют незначительного психологического воздействия, после которого они также переходят в чаты закрытого типа. На сочувствующих оказывается мягкое воздействие, однако их системно информационно «подпитывают», с целью использовать для демонстрации массовой поддержки политической силы в необходимый момент. С политически апатичными гражданами проводится работа, требующая самой серьезной подготовки, финансовой поддержки. Поэтому с данной категорией вербуемых чаще всего работают посредством вовлечения в различные образовательные мероприятия и программы, формально не имеющие целью политический рекрутинг.

Список источников:

1. Сумина, Е. А. Социально-психологические механизмы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую организацию / Е. А. Сумина, А. А. Рыков // Академическая мысль. – 2019. – № (7). – С.101–105.
2. Кельдасов, Т. Д. Вербовка российской молодежи экстремистскими организациями / Т. Д. Кельдасов // Современный ученый. – 2019. – № 4. – С. 310–314.
3. Ситникова, М. П. Вербовка российской молодежи в Интернете как сетовой фактор религиозного экстремизма / М. П. Ситникова // Борьба с религиозным экстремизмом в Республике Таджикистан и Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и практики: сборник научных статей / отв. ред. В.А. Абдухамитов. – Душанбе : РТСУ, 2019. – С. 152–158.

Reference:

1. Sekerazh, T. N. (2011). Metodologicheskie problemy issledovanija spornyh tekstov po Sumina, E. A., Rykov, A. A. (2019). Social'no-psihologicheskie mehanizmy вовлечения molodezhi v terroristicheskuju i jekstremistskuju organizaciju [Socio-psychological mechanisms for involving youth in a terrorist and extremist organization]. Akademicheskaja mysl', 2(7), 101–105. (In Russ.).
2. Kel'dasov, T. D. (2019). Verbovka rossijskoj molodezhi jekstremistskimi organizacijami [Recruitment of Russian youth by extremist organizations]. Sovremennyj uchenyj, 4. 310–314. (In Russ.).
3. Sitnikova, M. P. (2019). Verbovka rossijskoj molodezhi v Internetе kak setovoj faktor religioznogo jekstremizma [Recruitment of Russian youth on the Internet as a network factor of religious extremism]. In Bor'ba s religiozным jekstremizmom v Respublike Tadjikistan i Rossijskoj Federacii: problemy teorii, zakonodatel'stva i praktiki [Combating religious extremism in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: problems of theory, legislation and practice]: collection of scientific articles. Ed. V.A. Abduhamitov. (152–158). – Dushanbe: Russian-Tajik Slavnik University Publ. (In Russ.).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 811.161.3'373

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ГЛАГОЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В.Д. Стариченок

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Исследуются деструктивные глагольные номинации белорусского языка, которые в определенной степени отражают специфику белорусского менталитета, а также определенный фрагмент процессуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Цель исследования – рассмотреть феномент деструктивности и специфику его репрезентации в глагольном лексическом корпусе. Впервые установлены модели семантической деривации, в реципиентной сфере которых представлены номинации со значением разрушения нематериальных объектов, смерти человека, прекращения межличностных отношений, душевного и физического дискомфорта, агрессивного поведения, а также актуализируются гнев, ненависть, зависть и другие аспекты эмоциональной сферы. Многие из моделей демонстрируют регулярную воспроизводимость вторичных номинаций, которые образуются от тождественных по смысловому содержанию первичных значений и тем самым позволяют предугадать направление смыслового коридора, предсказать сценарии развития семантики лексических единиц. Результаты вносят определённый вклад в теорию семантической деривации и могут использоваться в лексикографической деятельности, практике преподавания белорусского языка.

Ключевые слова: белорусский язык; глагол; деструктивность; номинация; семантическая деривации; метафора; модель.

LEXICAL MEANS OF EXPLICATION OF DESTRUCTIVENESS IN THE VERBAL CONTINUUM OF THE BELARUSIAN LANGUAGE

V.D. Starichenok

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The destructive verb nominations of the Belarusian language, which to a certain extent reflect the specificity of the Belarusian mentality, as well as a certain fragment of the processual worldview and the national linguistic view of the world, are investigated. The purpose of the research is to consider the phenomenon of destructiveness and the specifics of its explication in the verbal lexical corpus. Models of semantic derivation have been established for the first time, and in the recipient sphere of them nominations are presented with the meaning of destruction of intangible objects, death of a person, termination of interpersonal relationships, mental and physical discomfort, aggressive behavior, and anger, hatred, envy and other aspects of the emotional sphere are also actualized. Many of the models demonstrate the regular reproducibility of secondary nominations, which are formed from primary meanings that are identical in semantic content and thus make it possible to predict the direction of the semantic corridor, to predict scenarios for the development of the semantics of lexical units. The results make a certain contribution to the theory of semantic derivation and can be used in lexicographic activities and in the practice of teaching the Belarusian language.

Key words: Belarusian language; verb; destructiveness; nomination; semantic derivation; metaphor; model.

Современный мир характеризуется деструктивными процессами, связанными с «перекройкой» физико-географических карт, политическими, экономическими, религиозными конфликтами, активизацией террористических актов, эскалацией дезинтеграционных процессов, распространением коронавируса и др. Особенно уязвимой оказалась информационная сфера. В 2019 г. утверждена «Концепция информационной безопасности Республики Беларусь», которая призвана консолидировать усилия государства и общества, направленные на повышение эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере в условиях глобальной информатизации, на обеспечение национальной безопасности и противодействие деструктивному языково-информационному воздействию на все слои общества. Белорусский язык, как отмечается в Концепции, способствует повышению национальной идентичности белорусского общества и формированию его духовности. Расширение социальных функций и коммуникативных возможностей белорусского языка, его полноценное и всестороннее развитие вместе с другими элементами национальной культуры выступают гарантом гуманитарной безопасности государства.

Одним из наиболее распространенных способов представления категории деструктивности являются лексические единицы со значением повреждения, разрушения, которые широко используются в белорусском художественно-публицистическом дискурсе. Такие деструктивные номинации обозначают наиболее важные для жизни действия и процессы, могут считаться одними из самых важных, ключевых слов современной эпохи.

Лексико-семантическая группа глаголов деструкции и разрушения исследовалась в работах, где основное внимание уделялось различным аспектам семантики и функционирования глаголов обработки, действия, физического воздействия, лишения жизни и др. [1; 2; 3; 4]. Некоторые авторы анализировали деструктивные номинации на материале английского, немецкого языков, а также в сопоставительном и когнитивном аспектах [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Тема вторичных деструктивных номинаций в белорусском языкознании представлена разделом из монографии В.Д. Стариченка [11, с. 143–192].

Наиболее ярко деструктивная деятельность выражается в глагольных единицах со значением физического действия, направленного на объект, в результате которого он полностью уничтожается, разрушается или нарушает свою структурную целостность на макро- или микроуровне.

Семантические структуры таких глаголов фиксируют широкий диапазон деструктивности, от незначительного повреждения предметов или объектов до их полного разрушения. В основу деструктивных отличий положены логико-концептуальные категории меры: случаи, когда объект частично разрушен и может быть восстановлен, относятся к категории повреждений; деструктивное воздействие, сопровождающееся изменением структуры объекта, считается разрушением; деструктивное воздействие, когда объект перестает существовать, относится к числу уничтожений. Разрушение может быть механическим, физическим, температурным, химическим, биологическим, микробным, саморазрушающим, амортизационным и т. д. Это процесс направлен на преобразование сложной структуры в простую, переход от разнообразия к единообразию, от жизни к смерти, уничтожению.

В дефинициях различных словарей указываются такие существенные признаки деструкции, как разрушение, ликвидация, уничтожение, повреждение, деформация, разделение, членение, обработка, изменение и др. Маркеры основных видов поражения проявляются в следующих формах:

а) полное уничтожение, ликвидация: *знішчыць, загубіць, забіць, спустошыць, утапіць, спаліць, разграміць, узарваць, разбамбіць, разбурыць;*

б) нанесение ударов: *ударыць, біць, дубасіць, калаціць, лупіць, сцябаць, хвастаць, дзяўбіць*;

в) давление на предмет: *ціснуць, камячыць, таптаць*;

г) сгибание, скручивание: *гнуць, карабаціць*;

д) резкое движение: *дзерці, ірваць, раздзіраць, церабіць, тармасіць, трапаць, тузаць*;

е) влияние природных условий: *гниць, прэць, тлець, блякнуць, вянуць, ліняць*;

ж) трение: *цёрці, скрэбіць, шараваць*;

з) горение: *паліць, гарэць, шугаць, палаць*;

и) действие с помощью острого режущего инструмента: *рэзаць, секчы, габляваць, часаць, стрыгчы, галіць, калоць, драпаць*.

Глаголы с исходным значением деструкции образуют одну из наиболее развитых лексико-семантических групп и характеризуются тенденцией к развитию целой сети однотипных метафорических значений, образованных по регулярным семантическим моделям. В зависимости от принадлежности итогового (производного) лексико-семантического варианта (в дальнейшем – ЛСВ) к той или иной тематической группе выделяются следующие модели:

1. Модели социальных действия и межличностных отношений (*тузаць, церабіць, тармасіць, бамбіць, бамбардзіраваць, грызці, дзяўбіць, спустошыць, атруціць, згарэць, разбурыць, разваліць*).

2. Экзистенциальные модели (*гнуць, ламаць, калаціць, сцябаць, тузаць, трапаць*).

3. Эмоционально-психологические модели (*гарэць, паліць, біць, скрэбіць, грызці, тузаць, ударыць, тармасіць, узарваць, карабаціць, спаліць, патаніць, утаніць, брыкацца*).

4. Модели боли и физического дискомфорта (*паліць, гарэць, палаць, шугаць, біць, ударыць, ціснуць, рэзаць, тузаць, расколвацца*).

5. Метеорологические модели (*біць, ударыць, лупіць, лупянуць, сцябаць, шугаць, хвастаць, шарахнуць, трапаць*).

6. Звуковые модели (*біць, лупіць, паліць, ударыць, узарваць, шарахнуць, шугаць*).

7. Колоративно-люминальные модели (*гарэць, палаць, шугаць*).

8. Одорические и зрительные модели (*ударыць, біць, драць, рэзаць*).

Большинство метафорических обозначений характеризуется отрицательной коннотацией и высокой степенью выразительности. Чаще всего изображаются такие действия и качественные показатели, как прекращение межличностных отношений, агрессивное поведение человека, психический и физический дискомфорт, определенные переживания, беспокойство, волнение, гнев, ненависть, зависть и др. Довольно часто глаголы вполне определенных разрушительных физических действий и состояний становятся востребованными для обозначения более сложных абстрактных процессов, элементов мышления, логических, сенсорных и эмоциональных компонентов широкого ментального пространства. В некоторых случаях деструктивные номинации образуют сложные семантические структуры, которых включают несколько десятков вторичных ЛСВ. В процессе моделирования таких многокомпонентных структур выделяются разные семантические центры, которые связывают деструктивные и недеструктивные фрагменты единого акционального континуума.

В группу деструктивных номинаций включаются мортальные глаголы (лат. *mors, mortis* ‘смерть’, *mortalis* ‘смертельный’), обозначающие полную и окончательную остановку жизненного процесса: *памерці, забіць, загінуць, атруціць, задушыць, расстраляць*. Такие глаголы в процессе своего функционирования отличаются избирательностью. Использование определенных лексических единиц с более конкретным специали-

зированным значением оправдано экстралингвистическим фактором, который выделяет следующие маркеры смертного процесса:

а) способ проведения действия (воздействие на объект): стрельба (*застрэліць, прыстрэліць*), остановка дыхания (*задушыць, навесіць*), разделение на части (*чацвертаваць, чвартаваць*), воздействие массой (*раздавіць, раздушыць*), воздействие ядовитых веществ (*атруціць*), использование животных (*загрызі, задраць, разарваць, задзяўбі, забадаць*);

б) характер цели: смерть объекта (*забіць, дабіць*), наказание (*пакараць, гільяцінаваць, калесаваць, распяць*), убийство с утилитарными целями (*забіць, закалоць, зарэзаць, зарубіць*);

в) инструменты: холодное оружие (*закалоць, зарэзаць, зарубіць, засячы, захаптаць*), огнестрельное оружие (*закалоць, зарэзаць, зарубіць, засячы, захаптаць*), специальное колесо (*калесаваць*), гильотина (*гільяцінаваць*);

г) средство: ядовитое вещество (*атруціць*), пуля, снаряд, бомба (*расстраляць, узарваць*).

Не имеют указания на причинную ситуацию и специальный способ физического воздействия на объект и используются с обобщенной семантикой глаголы *памерці, забіць, загінуць, знішчыць, зніштожыць, замучыць, загубіць, ліквідаваць, лінчаваць* и др.

Интегральная сема 'лишить жизни' в наиболее обобщенном виде реализуется в глаголах *памерці, загінуць*, которые доминируют в группе со значением смерти. Эти глаголы выполняют роль гиперонимов и могут заменить практически любую гипонимическую единицу более конкретным значением физического разрушения: *загінуць, памерці* → *забіць, расстраляць, атруціць, навесіць, зарэзаць*. Это свидетельствует о дифференциации моральных номинаций и их целенаправленном использовании в определенных дискурсах.

Корпус моральных номинаций образуют глаголы, которые в зависимости от семантического содержания и способности образовывать вторичные лексико-семантические варианты или заимствовать их из других тематических континуумов делятся на три группы: а) моносемические моральные глаголы; б) полисемические глаголы, где на основе первичных моральных значений образуются вторичные лексико-семантические варианты неморального содержания; в) глаголы разных тематических групп, в семантических структурах которых моральные значения являются вторичными, образуются в результате действия обратной семантической модели.

В первую группу входят глаголы с исходной моральной семантикой: *здырдіцца, апрэчыся, спруцянец, забадаць, засячы, засекчы, закатаваць, захаптаць*.

Вторая группа состоит из глаголов, характеризующихся способностью образовывать вторичные значения, отражающие различные действия и процессы, не связанные со смертью. Так, в семантической структуре глагола *памерці*, который означает смерть по любой причине и при любых обстоятельствах, закреплены два смысловых центра. Первый из них касается прекращения физического существования человека. Во втором смысловом центре упор делается на духовные константы и те вещи, которые бесследно исчезают (*дело не умрет и будет процветать вечно*), а также на физические и духовные качества человека, невозможность избавиться от каких-либо чувств, определенных впечатлений, что приводит к разочарованию, отчаянию, определенной депрессии (*умереть от страха, умереть от стыда*).

В третью группу моральных глаголов входят лексические единицы, первичные ЛСВ которых не связаны с показателями летального действия. Обычно такие глаголы выражают различные процессы и действия, которые в результате семантической деривации эксплицируются в модифицированной форме в реципиентной сфере и более подробно характеризуют смертельный исход. В процесс семантической деривации включаются пер-

вичные значения глаголов, которые связаны с негативными действиями в воде, на земле, в воздухе и огне: *утаніць* ‘погрузить в воду, утонуть’ → ‘загубить чью-то жизнь, насильно бросив в воду’, *згарэць* ‘уничтожить огнём’ → ‘умереть (от невзгод, перенапряжения или болезни)’, *згаснуць* ‘перестань гореть’ → ‘умереть’. Вторичные мортальные значения зафиксированы у глаголов *звесці, задраць, шлёпнуць, укласці, улажыць, навесіць, раздавіць, раздушыць, затаптаць, разбіцца, загнуцца, скапыціцца*.

Таким образом, вторичные деструктивные номинации занимают важное место в белорусском языковом континууме и широко используются в художественных и публицистических текстах. Они в определенной степени отражают специфику белорусского менталитета, а также определенный фрагмент процессуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Исходные ЛСВ характеризуются глубоким семантическим потенциалом и экстраполируют часть деструктивной семантики в реципиентную метафорическую сферу, которая характеризуется антропоцентризмом, ориентированием на человека и отражает сферы социальной жизни, относительно независимые подсистемы человеческой деятельности, те фрагменты бытия, которые связаны с существованием и взаимодействием людей в социуме. Большинство метафорических обозначений характеризуется отрицательной коннотацией и высокой степенью экспрессивности. Наиболее распространенными являются номинации со значением разрушения нематериальных объектов, прекращения межличностных отношений, искоренения каких-либо социальных явлений, выявления причин душевного и физического дискомфорта. Во вторичных ЛСВ часто репрезентируются агрессивное поведение, представления о негативных факторах и ситуациях, актуализируются гнев, ненависть, зависть и другие аспекты эмоциональной сферы. В некоторых случаях вторичные ЛСВ помечаются болевыми, метеорологическими, звуковыми, колоративными, темпоральными и другими маркерами.

В группу деструктивных глаголов включаются мортальные лексические единицы, отражающие важные для любого общества экзистенциальные концепции, связанные с завершением жизни человека. В белорусском языке такие глаголы образуют открытую лексико-семантическую группу из почти 60 лексических единиц. Глаголы с показателями летального исхода активно входят в физические, эмоциональные, социальные, ментальные, интеллектуальные, политические и другие тематические группы.

Список источников:

1. Бураихи, Ф. К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке (системные и функциональные характеристики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ф. К. Бураихи ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 23 с.
2. Ивлиев, И. В. Лексикографическое описание глаголов со значением лишения жизни в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Ивлиев; Ин-т русского языка РАН. – М., 1998. – 23 с.
3. Труфанова, М. Ю. Лексико-семантическая группа глаголов обработки в современном русском языке (парадигматика и синтагматика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Ю. Труфанова; Барнаул. гос. ун-т. – Барнаул, 1999. – 21 с.
4. Фаткуллина, Ф. Г. Деструктивная лексика в русском языке / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа : ИПК, 1999. – 300 с.
5. Баранчеева, Е. И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Баранчеева; Новосибирск. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – 22 с.
6. Кашкарова, О. В. Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Кашкарова; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 22 с.

7. Кузьмина, С. Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения: автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Е. Кузьмина ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.

8. Разова, Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Разова; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2003. – 20 с.

9. Султанова, А. П. Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. П. Султанова ; Казан. гос. ун-т. – Казань , 2008. – 22 с.

10. Хакимзянова, Д. Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. Ф. Хакимзянова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2008. – 23 с.

11. Старычонак, В. Д. Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2022. – 316 с.

References:

1. Buraihi, F. K. (2011). Glagoly destruktivnogo vozdejstviya v sovremennom russkom yazyke (sistemnye i funkcional'nye harakteristiki): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Verbs of destructive influence in the modern Russian language (systemic and functional characteristics: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Voronezh. (In Russ.).

2. Ivliev, I. V. (1998). Leksikograficheskoe opisanie glagolov so znacheniem lisheniya zhizni v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Lexicographic description of verbs with the meaning of deprivation of life in Russian: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Moscow. (In Russ.).

3. Trufanova, M. Yu. (1999). Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov obrabotki v sovremennom russkom yazyke (paradigmatika i sintagmatika): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Lexico-semantic group of processing verbs in modern Russian (paradigmatics and syntagmatics): extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Barnaul, 1999. (In Russ.).

4. Fatkullina, F. G. (1999). Destruktivnaya leksika v russkom yazyke [Destructive vocabulary in the Russian language]. – Ufa: IPK Publ. (In Russ.).

5. Barancheeva, E. I. (2007). Metaforizaciya russkih glagolov obrabotki kak interpretacionnyj mekhanizm (v sopostavlenii s anglijskim yazykom): avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Metaphorization of Russian processing verbs as an interpretive mechanism (in comparison with the English language): extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Novosibirsk. (In Russ.).

6. Kashkarova, O. V. (2006). Frejm «razrushenie» i ego reprezentaciya glagol'nymi leksemami v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Frame “destruction” and its representation by verbal lexemes in modern English]. – Belgorod. (In Russ.).

7. Kuz'mina, S. E. (2006). Semantika anglijskih glagolov so znacheniem unichtozheniya: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Semantics of English verbs with the meaning of destruction: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Nizhnij Novgorod. (In Russ.).

8. Razova, E. V. (2003). Semantika i valentnost' glagolov razrusheniya v sovremennom nemeckom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Semantics and valency of destruction verbs in modern German: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Tambov. (In Russ.).

9. Sultanova, A. P. (2008). Polisemiya glagolov destrukcii v russkom i anglijskom yazykah: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Polysemy of destruction verbs in Russian and English: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Kazan'. (In Russ.).

10. Hakimzyanova, D.F. (2008). Semanticheskaya derivaciya glagolov fizicheskogo vozdejstviya na ob'ekt v russkom, tatarskom i anglijskom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Semantic derivation of verbs of physical impact on an object in Russian, Tatar and English: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Kazan'. (In Russ.).

11. Starychonak, V. D. (2022). Semantychnaya prastora dzeyaslovaŭ belaruskaj movy (na materyyale drugasnyh naminacyj): managrafiya [Semantic parent language of the Belarusian language (based on materials from other names): manography]. – Minsk: Belarus. State Pedagog. University named after Maxim Tank Publ. (In Belarus.).

УДК 811.161.1'282(470.332)

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ МЕСТНЫХ ГОВОРОВ**

И.А. Королева

Смоленский государственный университет

В статье рассматривается проблема исторической базы для современных диалектных словарей. Обосновывается значение такой базы для расширения сведений о современном диалектном слове, об изменении его семантической структуры. Отмечается особенность Смоленского региона, необходимость привлечения пограничных белорусских лексикографических трудов. Приводится пример расширения информационного поля современной словарной статьи из «Словаря смоленских говоров», который готовится к переизданию.

Ключевые слова: диалектология, лексикография, современный словарь местных народных говоров, региональный исторический словарь, Смоленская область.

**REGIONAL LEXICOGRAPHY:
PROBLEMS COMPILING DICTIONARIES OF LOCAL TALES**

I.A. Koroleva

Smolensk State University

The article deals with the problem of historical base for modern dialect dictionaries. The significance of such a base for expanding information about the modern dialect word, about changing its semantic structure is substantiated. The peculiarity of the Smolensk region, the need to attract border Belarusian lexicographic works is noted. An example of expanding the information field of a modern dictionary entry from the “Dictionary of Smolensk Dialects”, which is being prepared for reprint, is given.

Key words: dialectology, lexicography, modern dictionary of local folk dialects, regional historical dictionary, Smolensk region.

Региональная лексикография сегодня – актуальное направление современного гуманитарного знания, так как в России возрождается духовность и возрастает интерес к изучению русских народных говоров, этого важного компонента как важного компонента национального языка, в котором отражена история народа, его культура, быт, нравы, вкусы. Обращение к народной речи, повышенное внимание науки к диалектам вызвано также введением в учебные программы вузов и школ регионального компонента, который соединяет образовательные и воспитательные задачи образования, создает лингвистическую и культурологическую основу для развития лингвистического краеведения.

Весьма значительное место в реализации регионального компонента предоставляется региональной лексикографии, которая фиксирует сокровища русских диалектов и дает богатейший материал для знакомства с живой народной речью. Практически во всех областях России в настоящее время ведется работа по созданию диалектных словарей.

Так, традиционно выходят разнообразные словари современных русских говоров («Псковский областной словарь», «Словарь брянских говоров», «Словарь ярославских говоров», «Словарь вологодских говоров», «Словарь говоров Подмосковья» и пр.), питающие «Словарь русских народных говоров», издающийся в Санкт-Петербурге и имеющий уже более 30 выпусков (издание не закончено).

Однако далеко не везде в подобных региональных трудах представлена история говоров, своеобразная историческая база, материал, извлеченный из дореволюционных диалектологических работ лексикографического и исследовательского (обычно краеведческого) характера. Так, образцом является «Псковский областной словарь», имеющий солидные исторические комментарии.

Особо остановимся на «Словаре смоленских говоров», вышедшем в 11 выпусках (1974–2005). Богатейший словник Словаря значительно пополнит картотеку «Словаря русских народных говоров», в которой не очень активно представлена западнорусская лексика. «Словарь смоленских говоров», особенно первый его выпуск, включает в свой состав лексику из исторических трудов известных смоленских краеведов дореволюционной эпохи: В.Н. Добровольского, П.В. Шейна, П.Д. Шестакова, К. Широкова, и других (полный список источников представлен во введении к Словарю). Частично привлечены материалы Московской диалектологической комиссии (МДК), материалы, собранные в послереволюционные годы В.М. Архангельским, И.Г. Голановым, И.О. Кузьминым, П.А. Расторгуевым и др. Все выпуски проверены по классическому труду В.Н. Добровольского – «Смоленскому областному словарю» (Смоленск, 1914), что, несомненно, расширяет базу «Словаря смоленских говоров». Следует подчеркнуть, что картотека Словаря уникальна и весьма обширна. Она начала собираться с 1945 года в рамках краеведческого научно-исследовательского института. В сборе материала принимали участие ведущие ученые региона: С.М. Успенский, Б.А. Моисеев, Л.В. Граве, А.И. Иванова, М.А. Кустарева, Е.Н. Борисова и многие др. В настоящее время активно работает словарная группа в составе 7 человек под руководством профессора Л.З. Бояриновой. Проводятся регулярные диалектологические экспедиции по проверке словарных материалов. Однако историческая база Словаря, начиная уже со второго выпуска, несколько сужена. Не включаются лексемы из названных выше исторических работ, если они не подтверждены проверкой. На наш взгляд, это обедняет словник, ибо нет полной гарантии, что то или иное невключенное слово окончательно ушло из языка. Помимо Словаря В.Н. Добровольского, в историческом плане материал сопоставляется лишь со Словарем В.И. Даля (сопоставление со «Словарем русских народных говоров», естественно, обязательно). Составлена картотека-выборка по материалам Даля, хотя составление такой картотеки, конечно же, в настоящее время имеет только вспомогательный характер. Однако, еще в 1946 году В.В. Виноградов писал, что «как сокровищница местного народного слова, Словарь В.И. Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком».

Смоленских лексем в материалах Даля достаточно, хотя не всегда они имеют помету «смоленское». Как известно, собиратель давал узкие пометы иногда условно, «для удобства и краткости», в целом отмечал более широкие территории бытования лексем. Помета «западное» в соответствии с этим принципом не исключает Смоленскую губернию, а, естественно, предполагает ее, одновременно расширяя границы бытования

зафиксированных слов. Хотя у Даля есть и узколокальные, только смоленские образования. Таким образом, многие современные слова в соответствии с проверкой по картотеке Словаря В.И. Даля имеют очень глубокие исторические корни: андарак – «широкая полосатая юбка, род паневы», болонье «низкое место», гапки «крыльцо», горнуть «грести, загрести», дыбать «ходить с трудом», мерковать «обдумывать, толковать» и т.д. Отмечены и варианты лексем: жабрить/жабровать «жадно есть», жижа/жижка/жиженька «лампа» и пр. Однако, повторим еще раз, далеко не во всех регионах изучается история говоров, используются краеведческие работы, отражающие формирование диалектных лексических систем, показывающие историю диалектного слова. Мы же считаем, что именно в таких современных региональных лексикографических трудах должны находить достойное место и материалы исторических трудов, и материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, феномена, занимающего почетное место в истории русской культуры, являющегося своеобразной энциклопедией русского народного быта, склада ума и характера русского человека, нашедшего выражение в речи.

Весьма актуальным и перспективным направлением в современной лексикографии является создание исторических словарей, а также региональных исторических словарей, представляющих большую научную ценность для лингвиста, так как это важный источник для любого словаря современных народных говоров, своеобразная историческая база для диалектолога.

Хочется особо отметить, что в 2000 году в Смоленске вышел в свет «Региональный исторический словарь XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» Е.Н. Борисовой, В.С. Картавенко, И.А. Королевой, вобравший в себя основной словарный состав актовых деловых текстов, в которых нашла отражение живая разговорная речь смолян означенного периода. Этот труд необходимо использовать как историческую проверку современного диалектного материала при переиздании «Словаря смоленских говоров», которое готовится на кафедре русского языка Смоленского государственного университета. Также можно использовать материал «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», который начал выходить в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова в 2017 году. Мы даем своеобразный образец комплексного историко-культурологического дополнения к словарной статье современного смоленского словаря. Для иллюстрации мы взяли словарную статью из первого выпуска «Словаря смоленских говоров» со словом АРЖАВЕЦ. Зафиксировано несколько значений: 1) «Ржавчина», 2) «Болото, низкое топкое место, покрытое ржавым налетом», 3) «Болотная вода ржавого цвета», 4) «Болотная ржавчина». Для первого значения представлен только один текст из Дорогобужского района. Второе значение распространено достаточно широко по области и имеет соответствие в Словаре В.Н. Добровольского. Третье значение для лексемы отмечено в нескольких районах Смоленщины, в том числе и в приграничных с Республикой Беларусь (Краснинский). Последнее значение узкое: представлен только один пример из Духовщинского района [1, с. 84].

Есть ли исторические соответствия у слова АРЖАВЕЦ? Для этого следует обратиться к «Региональному историческому словарю», где находим это слово в примере из памятника письменности Смоленской губернии 1771–1772 г. (материалы по межеванию) с значением «Ручей с ржавой водой» [2, с. 24], очень близкое третьему современному, что обосновывает его историческую основу.

В первом выпуске «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» также засвидетельствовано слово АРЖАВЕЦ с значением «Болотная вода красно-бурого цвета», которое точно соответствует третьему смоленского значению и расширяет его бытование в приграничье (указаны Ершицкий и Хиславичский районы) [3, с. 64]. Эти сведения, естественно, пополняют смоленскую словарную статью.

Интересно, что ни у В.И. Даля, ни в «Словаре русских народных говоров» слово АРЖАВЕЦ не представлено. Таким образом, подтверждается его достаточно узкий ареал бытования и в прошлом, и в настоящем.

Список источников:

1. Иванова, А. И. Словарь смоленских говоров / А. И. Иванова. – Смоленск : Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1974. – 310 с.
2. Борисова, Е. Н. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. : (по памятникам письменности Смол. края) / Е. Н. Борисова [и др.] ; Смол. гос. пед. ун-т. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2000. – 368 с.
3. Словарь моголевско-смоленских пограничных говоров / Л. И. Шаповалова (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 1. – А–Б. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – 196 с.

References:

1. Ivanova, A. I. (1974). Slovar' smolenskih govorov [Dictionary of Smolensk dialects]. – Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gos. ped. Institute. (In Russ.).
2. Borisova, E. N. & oth. (2000). Regional'nyj istoricheskij slovar' vtoroj poloviny XVI–XVIII vv.: (po pamjatnikam pis'mennosti Smol. kraja) [Regional historical dictionary of the second half of the XVI-XVIII centuries. (according to the written monuments of the Smolensk Territory)]. – Smolensk: Smolensk State Univ. Publ. (In Russ.).
3. Slovar' mogilevsko-smolenskih pogranichnyh govorov (2017). [Dictionary of Mogilev-Smolensk border dialects]. Res. ed. L. I. Shapovalova & oth. Vol. 1. – Mogilev: Mogilev State A.A. Kulishov Univ. Publ. (In Russ.).

УДК 808.2.–3(03)

***МАСКОФИЛЫ, КОВИГИСТЫ, ПОДНОСНИКИ:
ОЦЕНОЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ
В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»***

В.И. Коваль

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В статье описываются лексические неологизмы, зафиксированные в опубликованном недавно «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», с точки зрения их структурных, деривационных и семантических особенностей. Отмечается, что объективно присутствующие в современном обществе полярные взгляды на природу пандемии и способы защиты от нее стали причиной разветвленной системы синонимичных и антонимичных «ковидных» номинаций. Выявляются характерные особенности, присущие словам рассматриваемой тематической группы, в частности многочисленные случаи проявления носителями русского языка «смехотерапии», выразившейся в создании шуточных, ироничных номинаций, образованных путем контаминации. Среди «ковидных» лексических неологизмов выявлены эвфемизмы, употребление которых свидетельствует о стремлении носителей языка «задобрить» опасную и коварную болезнь. Особое внимание уделено в статье рассмотрению явлений полисемии, энантиосемии и омонимии и причин их возникновения в живой разговорной речи.

Ключевые слова: коронавирусная эпоха, лексические неологизмы, структура, контаминация, антонимия, полисемия, омонимия.

**MASKOPHILY, COVIGISTY, PODNOSNIKI:
EVALUATIVE NEOLOGISMS
IN THE “DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE CORONAVIRUS ERA” BY**

V.I. Koval

Gomel State University named after Francysk Skaryna

The article describes lexical neologisms recorded in the recently published “Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus era” from the point of view of structural, derivational and semantic features. It is noted that the objectively present in modern society polar views on the nature of the pandemic and ways to protect against it have caused an extensive system of antonymous “covid” nominations. The characteristic features inherent in the words of the thematic group under consideration are revealed, in particular, numerous cases of “laughter therapy” by native speakers of the Russian language, expressed in the creation of humorous, ironic nominations formed by contamination. Among the “covid” lexical neologisms, euphemisms have been identified, the use of which indicates the desire of native speakers to “appease” a dangerous and insidious disease. Special attention is paid in the article to the consideration of the phenomena of polysemy, enantiosemy and homonymy and the causes of their occurrence in live colloquial speech.

Key words: coronavirus epoch, lexical neologisms, structure, contamination, antonymy, polysemy, homonymy.

Мироощущение людей, живущих в начале третьего десятилетия XXI века, неотделимо от погруженности в круг вопросов, так или иначе связанных с пандемией коронавируса. Представителей разных национальностей впечатляет именно «пандемичность», всеохватность опасной эпидемии: «Ничего подобного происходящему ныне я не видел. И никто не видел. Были какие-то локальные события: чума в Пскове или во Флоренции, но так, чтобы на всём земном шаре всё остановилось – такого не было никогда» [1, с. 13]. Неудивительно, что в наше время, по праву названное «коронавирусной эпохой», русский язык (как, естественно, и другие языки) испытал мощный прилив новой лексики, используемой для обозначения и характеристики разных сторон непривычной для людей ситуации. Подготовленный Институтом лингвистических исследований Российской академии наук и изданный в 2021 году в Санкт-Петербурге «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [2] включает в свой состав около 3500 лексических неологизмов, отчетливо демонстрирующих системный характер языка. Очевидно, что появление в современном русском языке большого количества неологизмов является закономерной реакцией носителей языка на неожиданно возникшие обстоятельства: «Пандемия коронавирусной инфекции <...> и ее последствия <...> оказались настолько шокирующими для общества, что русский язык мгновенно отреагировал на эти процессы, создав <...> такой массив новаций, который в количественном отношении можно сравнить с языковой динамикой таких тяжелых периодов в истории России XX века, как например, революционная эпоха или период перестройки в 90-е годы» [2, с. 3].

Цель данной статьи заключается в установлении структурно-семантических особенностей лексических неологизмов, представленных в названном словаре.

В первую очередь, в «Словаре...» обнаруживается большое количество номинаций, которые выявляют неоднозначное отношение людей к пандемии: общественное мнение высказывается как в поддержку, так и против мер, предпринимаемых для борьбы с эпидемией. Вполне закономерно поэтому, что в живой разговорной речи возникли (наряду с синонимичными) соответствующие антонимичные номинации, в состав которых входят корневые морфемы, восходящие к словам *филия* ‘любовь’ и *фобия* ‘страх’: *ковидофилия*

‘об ориентированности в своих действиях на строгое соблюдение противоэпидемических мер’ ↔ *ковидофобия* ‘страх заразиться, заболеть коронавирусной инфекцией’; *карантинofil* ‘о стороннике соблюдения режима самоизоляции и карантина’ ↔ *карантинофоб* ‘о противнике соблюдения режима самоизоляции и карантина’; *вакциноphil* ‘о стороннике вакцинации населения от коронавирусной инфекции’ ↔ *вакцинофоб* ‘о том, кто испытывает страх перед вакцинацией от коронавирусной инфекции’; *коронаphil* ‘о стороннике соблюдения режима самоизоляции’ ↔ *коронафоб* ‘о том, кто боится заразиться коронавирусной инфекцией, чрезмерно соблюдает профилактические меры’.

В целом негативно-оценочные номинации в «Словаре...», включающие в свой состав аффиксоид *анти-* и корневые морфемы *скептик*, *диссидент*, *отрицатель*, *нигилист*, явно преобладают над позитивно-оценочными неологизмами: *антивакцинист*, *антивакцинистик*, *антипрививочник*, *вакцинодиссидент*, *вакциноскептик* ‘о противнике обязательной вакцинации населения от коронавирусной инфекции’; *антикарантинист*, *карантинскептик* ‘о противнике соблюдения режима самоизоляции’; *антиковидник*, *антикоронавирусник*, *ковид-диссидент*, *ковидодиссидент*, *коронадиссидент*, *ковидоотрицатель*, *коронанигилист* ‘о том, кто не верит в существование коронавирусной инфекции или не согласен с принимаемыми в связи с ее распространением противоэпидемическими мерами’; *антимаскер*, *антимасочник*, *безмасочник*, *противомасочник* ‘о противнике использования медицинских масок в период пандемии’; *антиперчаточник*, *бесперчаточник* ‘о противнике использования одноразовых перчаток как средства индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции’.

Сравн. при этом: *карантинoman*, *ковидoman*, *коронаphil*, *ковидолюб*, *сидидомец* ‘о стороннике соблюдения режима самоизоляции’; *вакцинистик* ‘о стороннике вакцинации населения от коронавирусной инфекции’; *замасочник* ‘о стороннике обязательного ношения масок в период пандемии’; *маскер*, *маскоphil* ‘о стороннике использования медицинских масок как средства индивидуальной защиты в период пандемии’.

Для названия коронавирусной инфекции носители русского языка используют оценочные номинации, с помощью которых выражается (благодаря оценочным суффиксам) негативное отношение к «короне»: *ковидина*, *ковидище*, *ковидла*. Еще одним способом негативной оценки пандемии является ее демонизация, что проявляется в использовании в составе сложных номинаций слов-демонимов: *короназмей*, *коронабес*, *коронамонстр*. С другой стороны, хорошо известно, что в традиционной духовной культуре славян при названии болезней широко используются «задабривающие» эвфемизмы [3, с. 225], к которым можно отнести и отчества, употребляемые обычно в дружеском общении по отношению к близким людям. Данная закономерность характерна и для ряда «ковид-номинаций»: *ковидик*, *ковидушка*, *коронавирусик*, *коронарочка*, *короновирушка*, *коронушка*, *короняша*, *короняшка*, *уханька*, *Ковидыч*, *Короныч*.

Высокой активностью среди рассматриваемых лексических неологизмов отличаются слова, созданные в результате контаминации, под которой понимается «объединение в речевом потоке структурных элементов двух единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [4, с. 238]. Значительная часть контаминированных неологизмов обладает сниженной стилистической окраской, поскольку в качестве их производящей базы выступают достаточно грубые или даже непристойные слова. Отметим, что авторы «Словаря...» последовательно используют в этом случае общепринятые стилистические пометы: *ковигист* (разг.) ‘о том, кто отрицает существование коронавирусной инфекции и игнорирует профилактические меры, предпринимаемые для ограничения ее распространения’ (← *ковид* + *пофигист* (разг.-сниж.) ‘о человеке безразличном, равнодушном, безучастном к кому-либо, чему-либо’); *ковидаст* (разг.-сниж., пренебр.) ‘о стороннике соблюдения противоэпидемических мер в период строгого карантина’ (← *ковид* + *педераст* (жарг.)

‘о дурном, скверном человеке); **ковидофреник** (разг.-пренебр.) ‘о том, кто поддается панике вокруг темы коронавирусной инфекции, некритично воспринимает информацию о ней и послушно соблюдает все противоэпидемические меры’ (←**ковид** + **шизофреник**); **ковидра** ‘о коронавирусной инфекции’ (← **ковид** + **гидра**); **ковидарник** ‘о стационаре, специализирующемся на лечении больных коронавирусной инфекцией’ (←**ковид** + **свинарник** (разг.) ‘о грязном, неопрятном помещении’).

Вместе с тем, многие номинации подобного типа свидетельствуют не столько о позитивном восприятии действительности, сколько о подсознательном стремлении носителей русского языка проявить иронично-смеховую реакцию на опасную, коварную болезнь. В таком случае реализуется «способность человеческой природы освобождаться от коллективного стресса, от коллективного страха через юмор, иронию, сарказм» [3, с. 4]. Показательно, что составители «Словаря...» сопровождают подобные лексические единицы стилистической пометой «шутл.». Сравн.: **картинка** (шутл.) ‘о картинке, открытке, анимированной картинке (как правило, с текстом шутливого содержания), предназначенной для отправки знакомым во время строгого карантина’ (←**карантин** + **валентинка** ‘открытка, которую принято дарить любимым людям в День святого Валентина’); **трикини** ‘о купальнике, состоящем из трусиков, лифа и маски’ (←**три** + **бикини**); **вируспруденция** (шутл.) ‘о законодательстве в период пандемии’ (←**вирус** + **юриспруденция**); **карантиголик** (разг., шутл.) ‘о том, кто много трудится в период самоизоляции’ (←**карантин** + **трудоголик** ‘о том, кто работает, трудится чрезмерно много’); **карантинке** (шутл.) ‘о караоке в период карантина’ (← **карантин** + **караоке**); **карантье** (шутл.) ‘о человеке, неофициально сдающем собак в аренду для прогулок во время строгого карантина’ (←**карантин** + **рантье** ‘человек, живущий на доходы от продажи ценных бумаг, сдачи в аренду помещений и т.п.’); **коронавт** (шутл.) ‘о враче, о медицинском работнике, занимающемся лечением больных коронавирусной инфекцией в противочумном костюме, внешне напоминающем костюм космонавта’ (← **коронавирус** + **космонавт**); **вакцина** ‘об алкогольном напитке как о возможном средстве излечения от коронавирусной инфекции’ (← **Вакх** ‘бог вина и веселья в античной мифологии’ + **вакцина**).

К числу шутливых «ковидных» лексических неологизмов могут быть отнесены также **дивановирус** ‘о нахождении дома, о проведении строго карантина в квартире’; **догшеринг** ‘о взятии или сдаче в аренду домашней собаки с целью выйти на улицу на официально разрешенную прогулку в период карантина по коронавирусной инфекции’; **голоносик** ‘о том, кто носит медицинскую маску спустив ее с носа’; **подбородочник** ‘о том, кто носит защитную маску на подбородке’; **подносник** ‘о том, кто носит защитную маску под носом, на подбородке’.

В ряде случаев «коронавирусные» неологизмы реализуют явление многозначности. Так, одна из ключевых номинаций – адъектив **ковидный** зафиксирован в «Словаре...» с семью значениями: 1. ‘относящийся к коронавирусной инфекции COVID-19, связанный с ней’ (**ковидный дом, подъезд**); 2. ‘свойственный, характерный для болезни, вызванной коронавирусной инфекцией’ (**ковидный кашель**); 3. ‘зараженный коронавирусной инфекцией, болеющий ковидом’ (**ковидный пациент, больной**); 4. ‘вызванный коронавирусной инфекцией’ (**ковидная пневмония, ковидный синдром**); 5. ‘созданный или перепрофилированный для лечения больных коронавирусной инфекцией’ (**ковидный госпиталь, стационар**); 6. ‘предназначенный для лечения коронавирусной инфекции’ (**ковидная вакцина**); 7. ‘связанный с реализацией комплекса мер и деятельностью по борьбе с коронавирусной инфекцией’ (**ковидные выплаты, надбавки**).

Сравн. также:

ковидизм (← **ковид** + **коммунизм, социализм**) 1. ‘о коронавирусной инфекции’; 2. (пренебр.) ‘о некритическом отношении к официальной информации о коронавирусе-

ной инфекции»; 3. (ирон.) 'об образе жизни, общественных отношениях в период пандемии коронавирусной инфекции';

ковидист 1. 'о больном коронавирусной инфекцией'; 2. 'о враче-специалисте по коронавирусной инфекции'; 3. (пренебр.) 'о том, кто не критически относится к официальной информации о коронавирусной инфекции и послушно соблюдает все противоэпидемические меры';

ковидёнок (разг.-ласк.) 1. 'о детёныше какого-либо животного, родившемся в период пандемии коронавирусной инфекции'; 2. (шутл.) 'о ребёнке, рождение которого планируется в период пандемии коронавирусной инфекции'.

Показательно наличие среди «ковид-номинаций» и такого довольно редкого явления, как энантиосемия: **ковидиот** (← **ковид** + **идиот**) 1. (пренебр.) 'о том, кто игнорирует профилактические меры, предпринимаемые для ограничения распространения коронавирусной инфекции' ↔ 2. (разг.-пренебр.) 'о том, кто чрезмерно обеспокоен пандемией и покупает товары первой необходимости с запасом на будущее'.

Некоторые неологизмы рассматриваемого типа вступают в омонимичные отношения, которые возникают по разным причинам, прежде всего – на основе омонимичности входящих в их состав суффиксов **-ник-**, **-ниц-**, **-к-**, способных реализовать как значение лица, так и значение конкретных предметов или отвлеченных понятий. Сравн.:

ковидник¹ (разг.-сниж.) 1. 'о больном или инфицированном коронавирусной инфекцией'; 2. 'о медицинском работнике, оказывающем помощь больным коронавирусной инфекцией'; **ковидник**² (разг.-сниж.) 'о стационаре, отделении стационара, созданном или перепрофилированном для лечения больных коронавирусной инфекцией'; **ковидник**³ (разг.-сниж.) 'о медицинской маске';

карантинник¹ 'о том, кто находится на официальном карантине в связи с подозрением у него наличия коронавирусной инфекции'; **карантинник**² 'о концерт-квартирнике в период строгого карантина';

ковидница¹ (разг.) 'о больной (заболевшей) коронавирусной инфекцией или носительнице данной инфекции'; **ковидница**² (разг.-сниж.) 'о больнице, созданной или перепрофилированной для лечения больных коронавирусной инфекцией';

ковидка¹ 'о коронавирусной инфекции'; **ковидка**² (разг.-шутл.) 'о верхней части женского купальника в виде медицинской маски'.

Как результат довольно удачной языковой «шутки» могут быть охарактеризованы следующие омонимы, каждый из которых возник путем контаминации, но с использованием разных производящих основ: **карантини**¹ (шутл.) 'об алкогольном напитке, выпиваемом в одиночестве или во время виртуальных вечеринок в период карантина' (← **карантин** + «**Мартини**»); **карантини**² (шутл.) 'об имитации женского купальника, сделанного из медицинских масок' (← **карантин** + **бикини**).

Часть новых слов коронавирусной эпохи, не фиксирующиеся в рассматриваемом словаре как омонимы, созданы носителями языка явно «с оглядкой» на общеупотребительные номинации, не имеющие с ними какого-либо семантического сходства:

коронация (шутл.) 'о начале заболеваемости коронавирусной инфекцией'. *Коронация Брянска началась 13 марта, когда двое местных жителей вернулись домой из Испании, куда ездили отдыхать. Из поездки они привезли не только магнитики, но и коронавирус.* (← **коронация** 'церемония возложения короны на монарха, вступающего на престол');

короновать 'диагностировать наличие коронавирусной инфекции' (← **короновать** 'совершить (-шать) над кем-нибудь церемонию коронации');

коронка 'о коронавирусной инфекции' (← **коронка** 'металлический колпачок, надеваемый на зуб с целью предохранения его от порчи или для укрепления протеза').

Приведенный материал убедительно демонстрирует системный характер содержащихся в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» лексических неологизмов, активно выполняющих в повседневной речи не только номинативную, но и выразительную эмоционально-экспрессивную функцию.

Список источников:

1. Водолазкин, Е. Г. «Ничего подобного происходящему ныне я не видел» / Е. Г. Водолазкин // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Т. Н. Буцева [и др.] ; редкол. М. Н. Приемышева (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 13–15.
2. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. : Х. Вальтер [и др.] ; редкол. М. Н. Приемышева (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
3. Агапкина, Т. А., Усачев, В. В. Болезнь человека / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М. : Междунар. отношения, 1995. – С. 225–227.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

References:

1. Vodolazkin, E. G. (2021). “Nichego podobnogo proishodyaschemu nine ya ne videl” [“I have not seen anything like what is happening now”]. In *Russkij jazyk koronavirusnoj jepohi: kollektivnaja monografija* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph] (pp. 13–15). – St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
2. Slovar’ russkogo yazyka koronavirusnoj epohi (2021). [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. – Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN.
3. Agapkina, T. A. & Usacheva, V. V. (1995). *Bolezn’ cheloveka* [Human disease]. In *Slavyanskie drevnosti Etnolingvisticheskii slovar’ v 5-ti tomah*. [Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes] (225-227). Gen. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 1. – Moscow: International relations Publ.
4. *Yazykoznanie. Bol’shoj enciklopedicheskij slovar’* (1998). [Linguistics. Large Encyclopedic dictionary]. Gen. ed. V.N. Yarceva. – Moscow: Bol’shaya Rossijskaya enciklopediya.

УДК 94 (4“1928/1945”(072)

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БССР ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА
И ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Т.П. Иванова, В.П. Юран

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье выявлена, проанализирована и классифицирована юридическая и общественно-политическая лексика белорусского законодательства периода Великой Отечественной войны и довоенного периода на основе Уголовного кодекса БССР 1928 года с изменениями и дополнениями 1930–1940-х годов. Анализируются признаки отбора слов и групп слов данной сферы, их параметризация. Проводится сравнение правовой лексики изучаемой исторической эпохи с современным периодом.

Ключевые слова: лексикология, терминология уголовного законодательства БССР, Уголовный кодекс БССР 1928 года, лексикография.

TERMINOLOGY OF THE LEGISLATION OF THE BSSR OF THE PRE-WAR PERIOD AND THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

T.P. Ivanova, V.P. Yuran

Vitebsk Branch of the MITSO International University

The article identifies, analyzes and classifies the legal and socio-political vocabulary of the Belarusian legislation of the period of the Great Patriotic War and the pre-war period on the basis of the Criminal Code of the BSSR of 1928 with amendments and additions. The signs of the selection of words and groups of words of this sphere, their parameterization are analyzed. The comparison of the legal vocabulary of the studied historical epoch with the modern period is carried out.

Key words: lexicology, terminology of the criminal legislation of the BSSR, the Criminal Code of the BSSR of 1928, lexicography.

Современные исследователи права при подготовке законодательных актов, несомненно, пользуются общепринятой правовой лексикой, которая основана на действующих международных и отечественных нормативных правовых актах, а также модельном законодательстве государств – участников СНГ. Внимание исследователей привлекают и лексические стереотипы, единицы профессиональной лексикологии предыдущих исторических периодов.

В настоящее время в науке актуальным остается вопрос о лексико-семантической системе языка конкретного периода, критериях выделения групп лексики в истории языка, воссоздания особенностей мировосприятия на основе лингвистического анализа. Активно обсуждается создание обобщающего труда по исторической лексике. Сегодня все больше внимания уделяется словам как элементам предложения и текста, а не как искусственно изолированным элементам.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточными выявлением и изученностью лексики законодательных актов в конкретный исторический период и необходимостью включения полученных результатов в современные труды, словари.

Цель исследования – выявление состава и особенностей историко-правовой терминологии уголовного законодательства БССР периода Великой Отечественной войны.

Материалом для данной публикации послужил Уголовный кодекс БССР 1928 года с изменениями и дополнениями 1930-1940-х годов. Методы исследования: синтез, обобщение, анализ правового источника, лексикологический анализ, историко-генеалогический.

Юридическая профессиональная лексикология, несомненно, связана с историческим периодом и этапом развития правовой науки, на протяжении которых формировались соответствующие лексические единицы.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на то, что значительная часть СССР, включая Беларусь, была временно оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, считалось, что и на оккупированной территории продолжает действовать советское законодательство. На него опирались в своей деятельности областные и подпольные партийные бюро и организации, республиканские органы власти. Что касается уголовного законодательства, то в годы войны было актуальным законодательство конца 1920-х годов, в которое были внесены дополнения и изменения 1930-х–1940-х годов.

Лексический анализ законодательства исследуемого периода показал, что корпус используемых терминов Уголовного кодекса БССР 1928 года можно разделить на четыре тематические группы.

1) Во-первых, это общественно-политическая лексика – немногочисленная, но определяющая исторический период и, соответственно характер содержания нормативного правового документа. В эту классификационную группу отнесем такие термины, как «социалистическое государство», «советская власть», «советский строй», «ЦИК СССР и БССР» (как органы власти и управления соответственно всесоюзного и республиканского значения), «РККА (Рабоче-крестьянская Красная Армия)», «Рабоче-Крестьянская милиция», «рабоче-крестьянские правительства Союза ССР, союзных и автономных республик», «завоевания пролетариата», «международная буржуазия» и другие термины [1, с. 128–162]. Также в контексте упоминается термин «диктатура пролетариата», который по Конституции СССР 1936 года и Конституции БССР 1937 года заменен на термин «всенародное государство».

2) Анализ лексических единиц в тексте позволяет в следующую группу выделяемых нами терминов отнести правовые термины, лексическое значение которых сохранилось до настоящего времени и используется в законодательстве Республики Беларусь. Это такие понятия, как «Общая часть», «Особенная часть» Уголовного кодекса, «наказание», «виды наказаний», «соучастие», «преступление», «обвиняемый», «приговор», «меры социальной защиты», «условия осуждения», «лишение свободы», «исправительно-трудовые работы», «испытательный срок», «низший (минимальный) предел», «высший (максимальный) предел», «судимость», «обвинительный приговор», «конфискация имущества», «высшая мера уголовного наказания», «условно-досрочное освобождение» и другие термины [1, с. 128–162].

Отметим, что в данном Кодексе преступление классифицируется как общественно-опасное деяние, которым «признается всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период» (согласно п. 4 Кодекса).

3) Третью группу терминов составляют лексические единицы экономической сферы жизнедеятельности, используемые в изучаемом правовом Кодексе, которые также не потеряли актуальности в современный период: «государственный подряд», «поставки», «транспорт», «торговля», «денежное обращение», «кредитная система», «кооперация», «страхование» и другие термины [1, с. 128–162]. Среди них встречаются и характерные для 1930-х годов термины «обобществление», «лица наемного труда», «кулаки», «коллективизация сельского хозяйства» [1].

4) Четвертую группу лексических единиц составляет специфическая правовая терминология исследуемого периода. В Кодексе используются термины «изгнанник», «объявление врагом народа», «ссылка в отдаленные районы Сибири», «подстрекатели, пособники» (ст. 24), «лишение гражданства БССР» и «изгнание из Союза ССР», «удаление из Союза ССР на определенный период» (ст. 27), «удаление из БССР» (ст. 39), «полное или частичное поражение прав», «лишение свободы без поражения прав» (ст. 36), «упорное или повторное уклонение от выполнения исправительно-трудовых работ», «предостережение», «общественное порицание» (которое обязательно объявлялось в печати) (ст. 42), «срок лишения свободы – до окончания гражданской войны», «суд военного трибунала», «места заключения», «секретная должность (агентура)» (ст. 74), «истребление имущества» (ст. 104), «самовольное присвоение власти» (ст. 108), «недозволенная законом переуступка пользования землей» (ст. 122), «тыловое ополчение», «кавалерийские территориальные части», «расточение арендатором имущества» (с. 253) и другие термины [1, с. 128–162]. К этой группе отнесем и термины из перечня «опасных деяний», которыми признавались: «контрреволюционные преступления», «саботаж», «взятничество», «спекуляция».

Как видно, выделенный терминографический продукт отражает специфические для исторического периода виды уголовных наказаний, они трактуются как меры социальной защиты судебно-исправительного характера.

С лингвистической и коммуникативной точки зрения можно сказать, что терминология – это специализированная лексикология или лексикология специализированных лексических единиц. Ряд исследователей считает, что ярлык «специализированная лексикография» более точным, чем ярлык «терминография».

Данные термины, или специализированная лексика, представлены по итогам рассмотрения Уголовного кодекса БССР 1928 года с дополнениями и изменениями, которые вносились Указами Президиума Верховного Совета БССР от 13 апреля и 27 декабря 1929 г., 11 и 17 января 1930 г., 6 марта 1931 г., 7 апреля 1933 г., 30 апреля 1934 г., 1 января, 10 апреля, 9 мая и 29 сентября 1935 г., 22 августа, 25 сентября, 30 октября и 13 декабря 1940 г., 11 января 1945 г., а также 31 декабря 1955 г. [1].

В тексте Кодекса имеются ссылки на нормативные правовые акты довоенного периода и периода Великой Отечественной войны – 1932, 1939, 1940, 1943 гг., а также послевоенных годов – 1947, 1948, 1949, 1953, 1954, 1955, 1957 гг. [1].

Действительно, по канонам юридической лингвистики вся терминология делится на относительно определенные лексические группы, а иногда – подгруппы.

Следует отметить, исследователями при осмыслении юридических текстов прошлого предложена и несколько иная классификация терминов. Так, Э.Э. Бодрова и Д.Р. Насрутдинов выделяют: 1) лексику обыденной жизни; 2) техницизмы (техногенные термины), 3) специфические юридические термины (как результат научно-юридической мыслительной деятельности); 4) слова и словосочетания из политической сферы [2, с. 56].

Как видно из выше приведенных классификаций, неюридические понятия также получают нормативное отражение в правовых Кодексах.

Исследователи Э.Э. Бодрова и Д.Р. Насрутдинов предлагают также следующий комплексный анализ элементов юридической техники в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года: 1) языковые элементы (в вопросах чувственно-эмоциональной составляющей правовых коммуникаций); 2) терминологические элементы, 3) философские основы и черты через ось историко-лингвистической эволюции юридических документов и терминологии [2, с. 52].

Исследователи полагают, что юридический текст по своей сути должен быть строго официальным и оказывать психологическое воздействие на субъект права. К тому же юридические тексты должны быть понятны населению [2, с. 58].

Ряд исследователей исходят и из того, что терминология должна идти от понятия к термину (ономасиологический подход к определению объекта), а лексикология – от термина к понятию (семасиологический).

По мнению М.А. Кажаровой, термины не являются частью системы, независимой от слов, а связаны с лексикой говорящего и отличаются от неспециализированных лексических единиц своим точным и четко ограниченным содержанием в контексте использования специализированного предмета [3, с. 508].

Несомненно, законотворчество и нормотворчество не отделено от эпохи. Изложение лексики в юридическом документе обусловлено не только развитием нормативных документов, но и изменениями в культуре и языке. Культурный аспект кодексов составляют общие особенности языка и соотношение с литературным языком времени [2, с. 56].

В России и Беларуси уже на протяжении полутора веков ведется работа по унификации правовой терминологии. В настоящее время разработаны уникальные авторские образовательные программы «Унифицированная правовая терминология», «Терминология государственного и муниципального управления», «Терминология обще-

ственных наук». В этих программах большое внимание уделено анализу и верификации унифицированных правовых терминов. Соответствующие органы власти координируют процесс унификации правовых терминов. Все исследователи признают важность разработки и внедрения единого словаря правовых терминов. В этом аспекте представляется важным наблюдение за изменением конфигурации терминов.

Юридическая терминология является одной из наиболее динамично развивающихся в современном мире, что обусловлено постоянным развитием правовой сферы. В связи с этим сохраняют свою актуальность вопросы историко-правовой лексикологии.

Исследование лексики юридической предметной области обнаруживает семантическую и терминологическую двойственность лексических единиц: в качестве параметров используются не специально-образованные слова, а слова и словосочетания литературного языка, политической лексики, но получившие профессиональное значение в юридическом дискурсе. Достаточно активно используется юридическая лексика предыдущих исторических периодов. Это позволяет проследить развитие терминологии историко-правовой лексикографии в сквозном историческом разрезе эпох. Эти данные возможны для использования при составлении словаря исторической лексики.

На наш взгляд, разработанная юридическая терминология советских юристов довоенного периода, в том числе и белорусских, соответствовала особенностям исторического периода, уровню развития языковой культуры населения и другим признакам, оставляла потенциальные возможности для эволюции.

Список источников:

1. Уголовный кодекс БССР 1928 года, утвержденный ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 года, введен в действие с 15 ноября 1928 года // Уголовное законодательство ССР и союзных республик : сборник (основные законодательные акты) ; под ред. проф. Д.С. Карева. – М. : Госюриздат, 1957. – Т. 1. – С. 128–162.

2. Насрутдинов, Д. Г. Об опыте российской уголовно-правовой традиции: историко-правовое значение языка и терминологии Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / Д. Г. Насрутдинов, Э. Э. Бодрова // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 6(13). – С. 52–63.

3. Кажарова, М. А. Корпусная лингвистика и специализированные языки в лексикологии и терминологии / М. А. Кажарова / Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6(91). – С. 506–509.

References:

1. Ugolovnyj kodeks BSSR 1928 goda, utverzhdenyj CIK BSSR VIII sozyva 23 sentjabrja 1928 goda, vveden v dejstvie s 15 nojabrja 1928 goda [The Criminal Code of the BSSR of 1928, approved by the CEC of the BSSR of the VIII convocation on September 23, 1928, entered into force on November 15, 1928] (1957). In Ugolovnoe zakonodatel'stvo SSR i sojuznyh respublik: sbornik (osnovnye zakonodatel'nye akty) [Criminal legislation of the SSR and the Union Republics: Collection Basic legislative acts] (pp. 128–162). Vol. 1. Ed. prof. D.S. Kareva. – Moscow: Gosjurizdat Publ. (In Russ).

2. Nasrutdinov, D. G. & Bodrova, Je. Je. (2020). Ob opyte rossijskoj ugolovno-pravovoj tradicii: istoriko-pravovoe znachenie jazyka i terminologii Ugolovnogo kodeksa RSFSR 1960 goda [On the experience of the Russian criminal law tradition: the historical and legal significance of the language and terminology of the Criminal Code of the RSFSR of 1960]. Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij, 6(13), 52–63. (In Russ).

3. Kazharova, M. A. (2021). Korpusnaja lingvistika i specializirovannye jazyki v leksikologii i terminologii [Corpus linguistics and specialized languages in lexicology and terminology]. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija, 6(91), 506–509. (In Russ).

КОВИД-НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Бувевич

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 повлекла за собой изменения общественной жизни во всех ее проявлениях и привела к ускоренному течению языковых процессов. В статье производится попытка проанализировать лексемы *covid*, *corona*, а также сложные слова с началом *covid*, *corona* с точки зрения происхождения, семантики, словообразовательной продуктивности, активности в структуре английского языка. Неологизмы коронавирусной пандемии появились в языке в 2020 году и за короткий срок стали частью общеупотребительной лексики, о чем свидетельствуют их широкая сочетаемость, многозначность, развитие переносных значений, частота употреблений.

Ключевые слова: неологизм, язык коронавирусной эпохи, *covid*, *corona*, пандемия, семантика, словообразование

COVID-NEOLOGISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

A.A. Buyevich

Vitebsk Branch of the International University "MITSO"

The coronavirus pandemic COVID-19 has led to changes in public life in all its manifestations and to an accelerated flow of language processes. The article attempts to analyze the lexemes *covid*, *corona*, as well as complex and compound words with the beginning *covid*, *corona* from the point of their origin, semantics, word-formation productivity, activity in the structure of the English language. Neologisms of the coronavirus pandemic appeared in the language in 2020 and in a short time became part of the common vocabulary, as evidenced by their wide compatibility, ambiguity, development of figurative meanings, frequency of use.

Key words: neologism, language of the coronavirus era, *covid*, *corona*, pandemic, semantics, word formation

В декабре 2019 года в Китае произошла вспышка коронавирусной инфекции. С того времени Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) продолжает наблюдать за течением этого заболевания во всем мире. В своих отчетах ВОЗ широко использует коронавирусную терминологию. Например, в сводке от 31 декабря 2019 года было отмечено: *A pneumonia of unknown cause detected in Wuhan, China was first reported to the WHO Country Office in China on 31 December 2019 (Пневмония неизвестного происхождения, выявленная в Ухане, Китай, впервые была зарегистрирована в страновом бюро ВОЗ в Китае 31 декабря 2019 года)* [8]. После этого, 10 января 2020 года, ВОЗ выпустила свое первое руководство по этому заболеванию, определив его как **Novel Coronavirus** (*Новый коронавирус*), или **nCov**. В феврале того же года болезнь получила официальное название **Covid-19** или **Coronavirus Disease 2019** (*Коронавирусная болезнь 2019*), а уже в марте Covid-19 приобрел статус пандемии. Как видно из краткого обзора терминологического аппарата коронавирусной инфекции, пандемия 2019–2020 года привела к появлению неологизмов в английском языке.

Термин *неологизм* тесно связан с таким выражением, как «маркер современности», под которым понимаются лексические единицы, отражающие текущие события и явления, происходящие в окружающем человека мире [1, с. 125]. Появление новых слов – неологизмов считается естественным явлением, которое продиктовано возникновением новых реалий, явлений или каких-либо открытий. Таким образом, пандемия коронавируса породила большое количество новых маркерных слов, которые в боль-

шей степени представляют медицинскую терминологию или лексику, связанную с пандемией.

Официальное название **Coronavirus Disease 2019** (*Коронавирусная болезнь 2019*) или ее аббревиатура **COVID-19** образовано тремя лексическими единицами: **Coronavirus** (*коронавирус*), **Disease** (*болезнь*) и **2019**. Значение слова *disease* (*болезнь*), согласно Кембриджскому онлайн-словарю, *an illness of people, animals, plants, etc., caused by infection or a failure of health rather than by an accident – это болезнь людей, животных, растений и т.д., вызванная инфекцией или нарушением здоровья, а не несчастным случаем* [3]. Дата **2019** относится к году, в котором впервые появилась болезнь. Термин **коронавирус** определен на веб-сайте ВОЗ в разделе «Вопросы и ответы по коронавирусам (COVID-19)» следующим образом: *Coronaviruses are a large family of viruses which may cause illness in animals or humans. In humans, several coronaviruses are known to cause respiratory infections ranging from the common cold to more severe diseases such as Middle East Respiratory Syndrome (MERS) and Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS). The most recently discovered coronavirus causes coronavirus disease COVID-19* [8] (*Коронавирусы представляют собой большое семейство вирусов, которые могут вызывать заболевания у животных или людей. Известно, что у людей несколько коронавирусов вызывают респираторные инфекции, начиная от обычной простуды и заканчивая более тяжелыми заболеваниями, такими как Ближневосточный респираторный синдром (БВРС) и Тяжелый острый респираторный синдром (ТОРС). Самый недавно обнаруженный коронавирус вызывает коронавирусную болезнь COVID-19*).

Коронавирусы были обнаружены в начале 1930-х годов, когда американские ветеринары А.Ф. Schalk и М.С. Hawn описали «новое респираторное заболевание» у цыплят [5, с. 19] в русскоязычной литературе получившее название «инфекционный бронхит кур» [2, с. 5]. Коронавирусы человека были впервые выявлены в середине 1960-х годов, однако они считались причинами обычной простуды, которая протекала в легкой форме и не имела первостепенного значения для дальнейших исследований. Таким образом, термин **coronavirus** используется уже довольно давно, и сегодня его нельзя считать неологизмом.

Этимологическое происхождение термина **coronavirus** раскрывается в образной метафоре **корона** на основе сходства между фактической формой вируса, обнаруженной под микроскопом, и солнечной короной. Согласно данным вирусологов, «под микроскопом эти вирусы выглядят как круглые частицы, окруженные выступами, напоминающими солнечную корону», что и обуславливает их название.

Анализ онлайн-корпуса COVID-19 (224 061 570 единиц) на английском языке показал, что термин **coronavirus** является четвертым по частоте словом в корпусе (рис. 1) с частотой 70600 единиц; ему предшествуют термины **RNA** (РНК) с частотой 262330 единиц, **Sars-cov** (Тяжелый острый респираторный синдром) – 79778 единиц, **Mers-cov** (Ближневосточный респираторный синдром) – 71591 единиц [6].

Согласно онлайн-словарю Collins, **RNA** – *an acid in the chromosomes of the cells of living things which plays an important part in passing information about protein structure between different cells* (*рибонуклеиновая кислота (РНК) – это кислота в хромосомах клеток живых существ, которая играет важную роль в передаче информации о структуре белка между различными клетками*) [4]. Концептуально коронавирус и РНК связаны через частичное или метонимическое отношение (часть от целого). Концепция коронавируса имеет часть РНК, природа которой имеет первостепенное значение в научных исследованиях, связанных с диагностикой и созданием вакцин от этого заболевания. Эта особенность количественно отражена в корпусе, где термин РНК широко используется и фигурирует в качестве основного ключевого слова в специализированном корпусе COVID-19. На первом и третьем местах находятся термины **Sars-cov**

(Тяжёлый острый респираторный синдром), **Mers-cov** (Ближневосточный респираторный синдром) – подтипы коронавируса. Высокая частота этих ключевых слов показывает, что подбор текстов адекватен для терминологического изучения болезни COVID-

SINGLE-WORDS ✓ MULTI-WORD TERMS ✓

reference corpus: English Web 2013 (enTenTen13) (items: 1,413,880)

Word	Word	Word	Word	Word
1 sars-cov	11 pedv	21 ibv	31 igg	41 sirna
2 rna	12 ifn	22 recombinant	32 hiv-1	42 peptide
3 mers-cov	13 viral	23 virion	33 coronaviruse	43 genome
4 coronavirus	14 assay	24 cd8	34 glycoprotein	44 polymerase
5 sars	15 antiviral	25 antigen	35 pathogen	45 µg
6 usepackage	16 mma	26 plasmid	36 virus	46 protease
7 pcr	17 rt-pcr	27 cytokine	37 nucleotide	47 et
8 influenza	18 rsv	28 replication	38 mab	48 cdna
9 titer	19 epitope	29 macrophage	39 incubate	49 s1
10 µl	20 antibody	30 supernatant	40 preprint	50 ace2

19.

Рисунок 1

Согласно данным корпуса, термин **coronavirus** (на рис. 2) сочетается с другими лексическими единицами в форме терминологических существительных, обозначающих конкретные типы коронавируса (modifiers of coronavirus). Например, такие модификаторы, как **syndrome** (синдром), **East** (Восточный) и **respiratory** (респираторный) образуют термин **MERS-CoV** (коронавирус ближневосточного респираторного синдрома); **severe** (тяжелый) входит в состав подтипа вируса – **SARS-CoV** (коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома); **feline** (кошачий) + **enteric** (кишечный) + **coronavirus** образуют подтип **FECV**; **novel** (новый) + **coronavirus** (**nCoV**) и т.д. Кроме того, некоторые словосочетания указывают на объект, пораженный вирусом: **bovine** – бычий коронавирус, **feline** – коронавирус кошек.

modifiers of "coronavirus"	respiratory
syndrome ... Middle East respiratory syndrome coronavirus (MERS-CoV)	acute ... severe acute respiratory syndrome coronavirus (SARS-CoV)
East ... Middle East respiratory syndrome coronavirus (MERS-CoV)	severe ... severe acute respiratory syndrome coronavirus (SARS-CoV)
SARS ... the SARS coronavirus	feline ... feline coronavirus
novel ... a novel coronavirus	bovine ... bovine coronavirus
	enteric ... feline enteric coronavirus (FECV)

Рисунок 2

В современном английском языке коронавирусные номинации имеют следующее распределение по сферам употребления:

1) SARS-CoV-2 — термин, использующийся для номинации вируса возбудителя заболевания, 2) COVID-19 – термин, обозначающий само заболевание, 3) Coronavirus –

используется в качестве термина, обозначающего группу коронавирусов, а также (в языке СМИ) – как номинация коронавируса SARS-CoV-2 (в результате метонимического сужения значения), 4) Corona – используется исключительно в языке СМИ для обозначения коронавируса SARS-CoV-2, а также вызванных им заболевания и пандемии.

В связи с пандемией коронавируса и изменениями образа жизни большинства людей в мире английский язык стал интенсивно пополняться новыми словами с продуктивными основами **corona** и **covid**:

– **coronacation** (coronavirus+vacation: *a prolonged period at home away from one's typical place of work, study, etc. viewed as an obligatory holiday imposed by stringent COVID-19 obligations*) – длительное пребывание вдали от обычного места работы или учебы, рассматриваемое в качестве отпуска по причине ограничений, введенных с целью борьбы с эпидемией коронавируса;

– **coronapocalypse** (corona+apocalypse) – конец света из-за COVID-19;

– **coronasomnia** (coronavirus+insomnia: *the insomnia inflicting people during the epidemic*) – бессонница во время эпидемии коронавируса;

– **coronacoaster** (coronavirus+rollercoaster: *the emotional experience of life during the epidemic*) – эмоциональный настрой, напрямую зависящий от ситуации с эпидемией коронавируса;

– **coronacoma** (coronavirus+coma: *the period of shutdown or of that delicious quarantine sleep*) – период самоизоляции или связанного с ней долгого сна;

– **coronials** (coronavirus+millenials) или **coronababies** (corona+babies) – поколение детей, рожденных во время эпидемии;

– **coronaviva** (corona+viva: *an oral exam or thesis defence taken online during lockdown*) – устный экзамен или защита диссертации, состоявшаяся в режиме онлайн;

– **coronopticon** (corona+opticon: *the notion of a national or global system of surveillance and control*) – государственная система контроля за населением, введенная под влиянием эпидемии;

– **covidivorce** (covid+divorce: *divorces during the coronatime*) – разводы в период коронавируса;

– **covidiot** (covid+idiot) – человек, который не следует рекомендациям по предотвращению Covid-19;

– **covidient** (covid+obedient: *a person who follows the public health guidelines to limit the spreads of COVID-19*) – это человек, который несет ответственность и соблюдает все требования и правила изоляции и социального дистанцирования;

– **covexit** (covid+exit: *the strategy for exiting lockdown*) – стратегия, разработанная для самовольного прекращения режима самоизоляции;

– **corona-chief** – лидер, управляющий обработкой коронавируса;

– **coronavirus-proof** – защита от коронавируса;

– **coronabonds** – это облигации без границ, взаимный долг всего ЕС;

– **covideo party** (*an online party via Zoom or Skype*) – вечеринка в режиме онлайн на платформе Zoom/Skype;

– **covidian selection** (*the process in which we do more remote work and spend less time with colleagues*) – период, на протяжении которого работа в основном осуществляется в дистанционном формате без непосредственного контакта с коллегами;

– **covidian worry** (*the type of depression that swiftly spreads during times of uncertainty, especially during the present pandemic*) – разновидность депрессии, спровоцированная отсутствием стабильности в обществе;

– **covid bubble** (*friends and family that you see on a semi-regular basis during the pandemic*) – основной круг общения во время эпидемии;

– **covid toes** (*reddish sores on the toes and sometimes fingers*) – специфические изменения пальцев ног, симптом коронавируса, характеризующийся красно-розовой кожей с волдырями и временным жжением;

– **coronavision** (*problems with eyesight that began or worsened during the period of the covid-19 pandemic and lockdown*) – проблемы со зрением, которые начались или ухудшились в период пандемии covid-19 и изоляции.

Одним из самых частых способов словообразования ковид-неологизмов является объединение усеченных основ нескольких лексических единиц или образование слов-слитков (англ. *blending*): (*coronacation, coronapocalypse, covidivorce, covexit* и др.). Вторым по частотности способом словообразования является словосложение, в этом случае слова пишутся раздельно, через дефис или слитно, в зависимости от степени семантической целостности (*corona-chief, covidian worry, covideo party, covid bubble*). Кроме того, ковид-неологизмы появляются в результате усечения начала или конца слова **the rona** (усеченное начало от *coronavirus*), **corona-fi** – (с усеченным концом от *coronafiction*) – художественная литература, которая была создана во время или под влиянием эпидемии. Некоторые новообразования создаются по модели аффиксации (префиксации и суффиксации): **covidian** – человек, тщательно соблюдающий правила по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, **to coronate** – быть активным переносчиком инфекции.

Отдельной частью посвященной лексики коронавируса стали шуточные выражения **Corona Time** (*the phrase you use when someone near you coughs, often as a joke saying they're going to spread the coronavirus* [7] – фраза, которую вы используете, когда кто-то рядом с вами кашляет, часто в шутку, говоря, что собирается распространить коронавирус) и **Go corona corona go** (*a very powerful curse words that will stop the spread of coronavirus* [7] – очень мощные проклятия, которые остановят распространение коронавируса). Ироничная аббревиатура **BCAC** (*BCAC stands for Before Corona Virus and After Corona Virus. This refers to December 31st 2019 which was the first recorded day of Corona Virus* [7] – означает «До коронавируса» и «После коронавируса». Это отсылка на 31 декабря 2019 г., который был первым зарегистрированным днем коронавируса) становится точкой водораздела между двумя эпохами – до и после начала пандемии. Подобного рода юмористические выражения становятся формой психологической защиты от порожденной пандемией паники.

Лексика пандемии коронавируса отразила широкий срез социальных проблем современности и их результат – радикальные трансформации общественного сознания. Мы предполагаем, что анализ статей онлайн-словарей с ковид-неологизмами необходим для создания комплексной лингвокультурологической картины воздействия пандемии коронавируса на общественную жизнь. Язык все время находится в движении. Пандемия коронавируса привнесла в мировой сленг неологизмы, которые повлияли на многие сферы общества. Изменения коснулись не только английского, но и других мировых языков. Изучая структуру, значение, функции таких неологизмов, можно ответить не только на многие вопросы лексикологии, грамматики, стилистики, но и увидеть новые тенденции в жизни людей, и совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка.

Список источников:

1. World Health Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emro.who.int/health-topics/corona-virus/questions-and-answers.html>. – Дата доступа: 18.03.2022.

2. Майер, В. С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) / В. С. Майер // Гуманит. и соц. науки. – 2020. – № 4. – С. 124–137.

3. Cambridge Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступа: 18.03.2022.
4. Schalk, A. F. An apparently new respiratory disease of baby chicks. J. Am. Vet. Med. Assoc., 1931. – Vol. 78. P. 413–423.
5. Руководство по вирусологии : вирусы и вирусные инфекции человека и животных / ред. Д. К. Львов. – М.: Медицинское информационное агентство, 2013. – 1197 с.
6. Sketch Engine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ske.li/covid_19. – Дата доступа: 18.03.2022.
7. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/>. – Дата доступа: 18.03.2022.
8. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/>. – Дата доступа: 18.03.2022.

References:

1. World Health Organization. Retrieved from <http://www.emro.who.int/health-topics/corona-virus/questions-and-answers.html>. (In Eng.).
2. Majer, V. S. (2020). Pandemija koronavirusa kak jazykovej marker sovremennosti (na materiale nemeckogo jazyka) [The coronavirus pandemic as a language marker of modernity (based on the material of the German language)]. Gumanit. i soc. Nauki, 4, 124-137. (In Russ.).
3. Cambridge Online Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/>
4. Schalk, A. F. (1931). An apparently new respiratory disease of baby chicks. J. Am. Vet. Med. Assoc., 78, 413-23. (In Eng.).
5. Rukovodstvo po virusologii: virusy i virusnye infekcii cheloveka i zhivotnyh (2013). [A Guide to Virology: viruses and viral infections of humans and animals]. – Moscow: Medicinskoe informacionnoe agentstvo. (In Russ.).
6. Sketch Engine. Retrieved from http://ske.li/covid_19. (In Eng.).
7. Collins Online Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/>. (In Eng.).
8. Urban Dictionary. Retrieved from <https://www.urbandictionary.com/>. (In Eng.).

УДК 81'42:82-92

**ЭКСПЛИКАЦИЯ АБЬЮЗИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ю.В. Рогова

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Статья посвящена вопросам психологического насилия и агрессивного поведения, которые освещаются в современных средствах массовой информации. На материалах публикаций в республиканском издании «СБ. Беларусь сегодня» рассматриваются англицизмы *абьюз, бодишейминг, газлайтинг, сталкинг, хейзинг, виктимблейминг, троллинг, буллинг, груминг, моббинг*, содержание которых направлено на разъяснение различных видов насилия над человеком, анализ тактик разрушительного воздействия на психику личности, указание психологических последствий от общений с абьюзером. Приводятся контексты употребления абьюзивных номинаций, которые в ряде случаев представляют широкие и развёрнутые дискурсы с конкретным описанием деструктивных явлений и иллюстрацией синонимических рядов имён существительных и глаголов.

Ключевые слова: абьюз, деструкция, насилие, газлайтинг, сталкинг, хейзинг, троллинг, буллинг, груминг, моббинг.

EXPLICATION OF ABUSIVE RELATIONS IN MODERN PUBLICISTIC DISCOURSE

Yu.V. Rogova

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The article is devoted to the issues of psychological violence and aggressive behavior, which are covered in modern mass media. Anglicisms *abuse, bodyshaming, gaslighting, stalking, hazing, victimblaming, trolling, bullying, grooming, mobbing*, the content of which is aimed at explaining various types of violence against a person, analyzing the tactics of destructive effects on the psyche of the individual, and indicating the psychological consequences of communication with the abuser are considered on the materials of publications in the republican edition "SB. Belarus Today". The contexts of the use of abusive nominations are given, which in some cases represent broad and detailed discourses with a specific description of destructive phenomena and an illustration of synonymous series of nouns and verbs.

Key words: abuse, destruction, violence, gaslighting, stalking, hazing, trolling, bullying, grooming, mobbing.

В XXI веке на человечество обрушился ряд новых и давно известных старых явлений, которые буквально перевернули и продолжают переворачивать жизнь всего мира, внося свои коррективы. Как известно, язык тесно связан с реальностью и событиями, которые переживает общество, поэтому СМИ стараются идти в ногу со временем, освещая актуальные явления современности.

В связи с интенсивной неологизацией лексики современного русского языка случаются колоссальные взлёты активного употребления нового понятия или слов той же тематики, играющих конструктивную или деструктивную роль в жизни социума. Деструктивная направленность авторского замысла реализуется в разнообразных коммуникативных ситуациях и находит свое воплощение в различных дискурсах.

Среди заимствованных в последнее время англицизмов, используемых в интернете, отмечаются лексические новообразования, находящие свое отражение в одной из актуальных тем современности – проявление агрессии. В научной литературе подобные вопросы получили широкое освещение [1; 2]. Целью статьи является выявление форм экспликации агрессивного деструктивного поведения и психологического насилия на страницах издательского дома «Беларусь сегодня».

В последнее время в СМИ стало активно использоваться понятие *абьюз*. Само слово происходит от английского существительного *abuse* 'насилие, злоупотребление, жесткое обращение'. *Абюзить* – значит совершать насилие в любом виде с целью подчинения и подавления воли человека (жертвы абьюза). Насилие может быть физическим, психологическим, половым, финансовым, социальным, экономическим и др. Человека, применяющего такое насилие, называют *абюзером*, а отношения, в которых одна сторона – жертва, а другая – манипулятор, злоупотребляющий положением, властью, силой – *абюзивными*. Такая связь между людьми считается зависимой, и жертва по некоторым причинам не может выйти из нее. Кроме того, в этих отношениях жертва и агрессор не меняются местами.

На страницах «Беларусь сегодня» чаще всего ведётся речь о самом понятии *абьюз* и его переводах на русский язык: *Конечно, я говорю о тенденции, потому что и сейчас в семьях есть и абьюз, и насилие; Абьюз в переводе с английского языка означает «насилие, оскорбление, жестокость». Этот термин прочно вошел в наш лексикон, привнеся свои производные – абюзер, абюзивные отношения* [3].

К числу разновидностей абьюза и близких к нему понятиям относятся *бодишейминг, газлайтинг, сталкинг, хейзинг, виктимблейминг, троллинг, буллинг, груминг, моббинг.*

Бодишейминг (англ. *body* ‘тело’, *shame* ‘стыд’) – публичное осуждение людей за недостатки их внешности, такие, как вес, фигура, размер бёдер и т. д; дискриминация тех, кто не вписывается в общепринятые стандарты красоты. *Бодишеймер* – человек, который не только занимается вышеуказанным осуждением, но и может «приписывать» жертве какие-то внутренние недостатки, основываясь только на её внешнем виде, например, обвинять в лени из-за того, что человек не ходит на пробежку. В «СБ» представлен яркий пример бодишейминга, с которым столкнулась известная певица и актриса Селена Гомес: *Певица и актриса Селена Гомес пожаловалась на интернет-травлю из-за лишнего веса, заявив, что впервые столкнулась с бодишеймингом, то есть осуждением в связи с какими-то физическими недостатками, в том числе и с полнотой* [3].

Газлайтинг (англ. *gaslight* ‘газовый свет’) – манипуляция, выражающаяся в том, что агрессор внушает жертве искажённое видение ситуации и представление о себе самой. В результате жертва начинает сомневаться в своем психическом здоровье, перестает доверять собственным суждениям. Простыми словами – ложное выдают за истинное. Чем больше абьюзер берет власти над жертвой, тем активнее он начинает её газлайтить, поскольку слишком много странностей начинает возникать в его поведении, а слишком много вопросов – в голове у его жертвы. Термин появился благодаря фильму *Gas Light*, в котором главный герой играл, манипулировал с сознанием жены, а та думала, что сходит с ума. В «СБ» дается толкование этого понятия: *Человек постоянно стремится к самоутверждению за чужой счет, например, обесценивая других или манипулируя ими. Одна из разновидностей такого поведения – газлайтинг* [3]. Чем больше агрессор подчиняет жертву себе, тем менее устойчива становится её психика, а, следовательно, страдающая сторона больше не уверена в своём умении оценивать ситуации адекватно, поэтому управлять ею становится в разы проще.

Сталкинг (англ. *stalking* ‘поиски, подразумевающие преследование; передвижение крадучись’) – один из видов деструктивной деятельности тирана, преследование агрессором жертвы. Типичное поведение сталкеров включает постоянные телефонные звонки и оскорбления по телефону, посылку недобрых подарков, выслеживание и шпионаж, нежелательную электронную почту и другие виды оскорблений по интернету, а также угрозы или запугивающие действия. Является одной из форм домогательства. Сталкеры утверждают, что их влечение к жертве связано с чувствами любви и влечения, однако их истинная цель – установления контроля над жертвой. Один из популярных романтических стереотипов утверждает, что любви нужно добиваться, и именно поэтому часто потенциальная жертва не может понять истинных намерений агрессора. В «СБ» даются различные объяснения сталкинга, приводятся этимология этого слова, широкий контекст его употребления: *Психолог высшей категории Могилевской областной психиатрической больницы Ирина Барановская отметила, что наука пока не знает случаев сопоставления сталкинга (от английского – «преследование») с внешними данными или даже чертами характера. Потому и застраховаться от этого нереально. – Сталкинг – это вид домогательства, – пояснила Ирина Барановская. – Со слежками, навязчивыми сообщениями, попытками установить контакт, угрозами, приставаниями, издевательствами. При этом иногда деспот хочет вызвать у жертвы чувство вины и им манипулировать; – Мы много слышим про физическое, сексуальное и психологическое насилие, но мир не стоит на месте в видах и способах проявления жестокости. Сегодня все чаще встречаются такие понятия, как сталкинг, газлайтинг. В обиход вошло выражение «синдром избиваемых жен». – Сталкингом (от английского *stalking* – преследование) называют форму психологического*

насилия, когда агрессор осознанно, настойчиво, снова и снова **вторгается** в личную жизнь жертвы, с которой у него либо никогда не было, либо уже нет отношений. Сталкер нередко применяет **запугивание, слежение** (как в реальной жизни, так и посредством соцсетей), **домогательство**. Чаще всего его цель – **принудить** к отношениям человека, который в них не заинтересован. Понятие «**синдром избиваемых жен**» впервые ввела доктор Ленор Уокер, чтобы описать эмоциональное состояние и установки женщин, которые систематически подвергаются **физическому насилию** со стороны своих супругов [3]. Текст изобилует пейоративными номинациями, среди которых преобладают отглагольные существительные *преследование, домогательство, слежка, слежение, угроза, приставание, издевательство, запугивание*, глаголы *принудить, вторгаться, манипулировать*, именные и глагольные конструкции *навязчивые сообщения, чувство вины, синдром избиваемых жен* и др.

Разновидностью сталкинга те является **киберсталкинг** – навязчивое преследование через интернет, вплоть до отслеживания сетевой активности, взлома аккаунта, угроз и т.д.

Хейзинг (англ. *hazing* ‘принуждение совершать унижительные действия’) – одна из разновидностей психологического и физического насилия, недоброжелательность, проявляемая в виде публичных унижительных оскорблений. В «СБ» отмечено единичное употребление слова, к которому приведён синоним: *В качестве примера можно привести дедовщину, или хейзинг.*

Виктимблейминг (англ. *victim* ‘жертва’, *blaming* ‘обвинять’) – психологическое разрушение и тирания, перекалывание вины и ответственности за насилие на жертву. С точки зрения социальной психологии, обвинение жертвы – это следствие веры в справедливый мир. Человек верит в то, что любое действие вызывает закономерные и предсказуемые последствия. Для такого человека невыносима мысль о том, что несчастье может произойти с кем-либо совершенно случайно. На страницах «СБ» традиционно дается краткое толкование этого термина: *Анна Коршун: – В английском языке есть термин «виктимблейминг», означающий обвинение жертвы. К сожалению, он часто встречается в нашем обществе [3].*

Троллинг (англ. *trolling* ‘ловля рыбы на блесну’) – способ проявления различных форм агрессивного, издевательского и оскорбительного поведения и речевой провокации с целью эскалации коммуникативного конфликта, поведение в интернете, вызывающее неадекватную реакцию других участников общения. Для стороннего наблюдателя процесс издеательства может выглядеть смешным, остроумным, поднимающим интересные темы, в то время как жертвой подобные выпады воспринимаются как жестокое давление. Массовость явления и его тяжелый психологический урон обусловлены тем, что обидчику невозможно ответить лично, все, что остается пострадавшей стороне, – это игнорирование, ответный виртуальный троллинг или вовлечение в провокацию. *Тролли* – люди, которые занимаются троллингом. Часто это личности с пассивно-агрессивными чертами, больше живущие внутренней жизнью. В реальном мире они кажутся добрыми и веселыми, но в виртуальной продолжают заниматься своим «творчеством». На страницах «СБ» находим пространное описание этого явления и его реальных угроз, которые перечисляются в одном ряду с буллингом и грумингом: *Памела Брубейкер из университета Бригама Янга и ее коллеги, проведя опрос среди интернет-пользователей и проанализировав результаты, сошлись во мнении, что троллинг (провокация и вовлечение в бессмысленные дискуссии одних пользователей другими) чаще свойствен эгоистичным и самоуверенным людям, не испытывающим жалости к другим; Но последствия таких явлений, как буллинг, троллинг, груминг, и прочих угроз, вполне реальны [3].*

Буллинг (англ. *bullying* ‘запугивание’, ‘издевательство’, ‘травля’) – задирание, травля, агрессивное преследование одного из членов коллектива (особенно коллектива школьников и студентов) со стороны остальных членов коллектива или его части. Буллинг может осуществляться *буллером* посредством физических или словесных нападений, угроз, распространения слухов, исключения человека из группы, изоляции или других отрицательных мер, которые способны прямо или косвенно причинить вред человеку. Систематичность издевательств, злой умысел и неравное распределение сил между жертвой и агрессором – основные критерии травли. Некоторые примеры в «СБ» являюся единичными: *И, наконец, третья, волнующая меня, тема – буллинг: не только в интернете, но и в жизни; Нельзя сбрасывать со счетов и новые тенденции в социальных сетях – хейт, буллинг* [3].

Грумминг (англ. *grooming* ‘предварительная подготовка’) – это установление взрослыми дружеских отношений с несовершеннолетними через интернет для вступления с ними в интимную связь, получения фотографий различного характера, запугивания и шантажа. Киберпреступники часто под видом фейкового профиля пользуются неопытностью детей и применяют различные психологические убеждения и манипуляции: уделяют ребёнку много времени, выслушивая проблемы и мысли второго, делают сюрпризы или что-то из того, что может быстрее и надёжнее вызвать доверие ребёнка. Частичное описание явления находим в отдельных публикациях «СБ»: *Ведь, к величайшему сожалению, далеко не все знают, что такое грумминг в интернете. Киберпреступники не гнушаются прибегать и к груммингу: это установление дружеских отношений с ребенком с целью вступления с ним в сексуальные отношения* [3].

Моббинг (англ. *to mob* ‘грубить, нападать стаей, травить’) – форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе с целью его последующего увольнения. Это коллективный психологический террор. Помимо всей той деструкции, которая достигается посредством моббинга, он также является средством торможения бизнеса, поскольку из-за него у сотрудников снижается трудоспособность, а климат в организации становится напряжённым и неблагоприятным. При описании этого явления в тексте «СБ» параллельно используются существительные с негативным содержанием *ненависть, неприятие, ревность, критика, дискриминация: Я, вероятно, получил больше ненависти, неприятия, ревности, моббинга, критики и дискриминации, чем кто-либо прежде в этой индустрии* [3].

Таким образом, синонимический ряд, включающий термины агрессии и деструкции, представлен заимствованными из английского языка субстантивами *абьюз, бодисейминг, газлайтинг, сталкинг, хейзинг, виктимблейминг, троллинг, буллинг, грумминг, моббинг*. Все они используются в публикациях газеты «СБ» с целью ознакомления многотысячной читательской аудитории с различными агрессивными понятиями. В одних случаях англицизмы используются в коротких по форме и содержанию контекстах, в которых содержатся «скромные» упоминания о абьюзивных понятиях, в других случаях англицизмы включаются в широкий контекст с подробным описанием явлений, изложением дополнительных фактов, иллюстрациями синонимических единиц. В публикациях, на наш взгляд, мало внимания уделяется освещению вопросов, связанных с рекомендациями по борьбе с манипулированием эмоциями человека, с указанием форм противодействия психологическому насилию и предотвращения совершения деструктивных поступков, формирования положительных и образцовых моделей поведения.

Список источников:

1. Бэнкрофт, Л. Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять / Л. Бэнкрофт. – М. : Эксмо-Пресс, 2020. – 400 с.

2. Садовникова, А. Ф. Абыюзивныя отношэня як форма дэвіантнага паведэня / А. Ф. Садовникова // Тэндэнцыі развіцця навукі і адукацыі. – 2019. – № 49(3). – С. 96–98.
3. СБ. Беларусь сёння [Электронны рэсурс]. – Рэжым дасупа: <https://www.sb.by/>. – Дата дасупа: 10.02.2022.

References:

1. Benkroft, L. (2020) Pochemu on delaet eto? Kto takoi ab'yuzer i kak emu protivostoyat' [Why is he doing this? Who is an abuser and how to resist him]. – Moscow: Eksmo-Press.
2. Sadovnikova, A. F. (2019). Ab'yuzivnye otnosheniya kak forma deviantnogo povedeniya [Abusive relationships as a form of deviant behavior]. Tendantsii razvitiya nauki i obrazovaniya, 49(3), 96–98.
3. SB. Belarus' segodnya (2022). Retrieved <https://www.sb.by/>.

УДК 81'367.623:[811.161.3+811.111]

**СПЕЦЫФІКА АЛЬФАКТОРНЫХ НАМІНАЦЫЙ
У АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ
(НА МАТЭРЫЯЛЕ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ АДЗІНАК)**

V.I. Zhuk

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

У артыкуле даследуюцца кадыфікаваныя дзеясловы альфакторнага поля англійскай і беларускай мовы. Праводзіцца групоўка і аналіз размеркавання лексічных адзінак, праз якія прасочваюцца асаблівасці размеркавання іх ЛСВ на пеяратыўныя, меліяратыўныя і нейтральныя, а таксама іх суаднесенасць з альфакторнымі працэсамі, якая выражаюцца ў формах араматызацыі, вылучэння і ўспрымання пахаў. Закранаецца пытанне сінаніміі дзеясловаў лексічнага поля “пах” у англійскай мове. Аналізуецца квантытатыўны склад кадыфікаваных альфакторных дзеяловаў у англійскай мове і іх беларускіх эквівалентах.

Ключавыя словы: альфакторная намінацыя; лексіка-семантычны варыянт; канатацыя; дзеяслоў; англійская мова; беларуская мова.

**SPECIFICITY OF OLFACTORY NOMINATIONS
IN ENGLISH AND BELARUSIAN LANGUAGES
(ON THE MATERIAL OF VERBAL UNITS)**

V.I. Zhuk

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The article studies codified verbs in the olfactory field of English and Belarusian languages. Grouping and analysis of the distribution of lexical units is performed, through which features of the distribution of their LSV into pejorative, meliorative and neutral are traced, as well as their correlation with olfactory processes, which are expressed in the forms of aromatization, secretion and perception of smells. The question of synonymity of verbs of the lexical field “smell” in English is touched upon. The quantitative composition of codified verbs in English and their Belarusian equivalents is analyzed.

Key words: olfactory nomination; lexical-semantic variant; connotation; verbs; English language; Belarusian language.

Разнастайнасць моўных сродкаў выражэння альфакторнага ўспрымання ў розных мовах сведчыць аб шматпланавасці і неадназначнасці яго вызначэння. Многія пісьменнікі ў сваёй творчасці надавалі асаблівую ўвагу феномену паху з мэтай максімальна дакладна перадаць усю індывідуальнасць і своеасаблівасць альфакторнай палітры [1, с. 6]. Лексічная прастора апісання пахаў уяўляе цікавасць для псіхалагаў, лінгвістаў, лінгвакультуролагаў.

Як паказваюць даследаванні лексічных сістэм розных моў, словы і выразы з семай «пах» нярэдка выкарыстоўваюцца ў сітуацыях, на першы погляд не звязаных з працэсам успрымання пахаў. Пры гэтым альфакторны адчуванні чалавека больш складаныя ў апісанні пры дапамозе моўных сродкаў чым візуальныя ці густаторныя. А.У. Вайнштэйн тлумачыць гэтую асаблівасць тым, што ў адрозненні ад іншых органаў пачуццёвага ўспрымання, нюх не прадстаўлены ў той частцы галаўнога мозгу, якая адказвае за ўсведамленне і аналіз інфармацыі [1, с. 8].

Альфакторнае ўспрыманне характарызуецца высокай суб'ектыўнасцю. Н.С. Паўлава мяркуе, што парадаксальнасць феномена ўспрымання пахаў крыецца ў гэтай неадназначнасці, а таксама ў недастатковай дыферэнцыяцыі пахаў у мове, якая сфарміравалася нягледзячы на іх уяўную разнастайнасць [2, с. 20]. Для большасці людзей у тыповых абставінах пах – адносна слаба дыферэнцыраванае адчуванне.

С.А. Маісеева ў даследаванні «Семантычнае поле дзеясловаў успрымання ў заходне-раманскіх мовах» падрабязна апісвае пяць лексічных мікрапалёў органаў адчування, якія ўваходзяць у склад семантычнага поля дзеясловаў успрымання. Даследчык прыйшла да высновы што ў фарміраванні семантычнага поля дзеясловаў успрымання адлюстроўваюцца агульныя тэндэнцыі чалавечага мыслення, універсальныя законы, і прыйшла да высновы, што структура семантычнага поля дзеясловаў успрымання ў розных мовах мае падобнасць ў ключавых аспектах [3, с. 101]. Згодна з С.А. Маісеевай, для ўнутранай арганізацыі працэсу ўспрымання паху характэрным з'яўляецца абавязковая дыхатамія яго базісных элементаў: пах як альфактарны стымул і суб'ект, які ўспрымае пах пасродкам нюху. Кожны элемент альфактарнага ўспрымання актуалізуецца пэўнымі лексемамі, адпаведна ў значэнні дзеясловаў можна прасачыць дыферэнцыяцыю частак дадзенай сферы ўспрымання [3, с. 125].

У англійскай мове пераважаюць аналітычныя формы выражэння граматычнага значэння. Цвёрды парадак слоў, які набывае, як і ў іншых аналітычных мовах, сінтаксічнае значэнне, робіць магчымым і нават часам неабходным знікненне фармальна-гукавых адрозненняў паміж часцінамі мовы, у выніку чаго форма назоўніка пачынае выконваць функцыі дзеяслова.

Некаторыя даследчыкі вылучаюць характэрныя семантычныя падгрупы дзеясловаў. Найбольш тыповай з'яўляецца класіфікацыя на актыўныя (вылучэнне пахаў), пасіўныя (араматызацыя) і дзеясловы ўспрымання (працэс або здольнасць да ўспрымання водараў) [4, с. 74–75]. Часам класіфікацыя пашыраецца і да яе дадаюцца такія пункты, як распазнаванне з дапамогай нюху, валоданне здольнасцю да ўспрымання пахаў і інш. [5, с. 97].

Карыстаючыся дадзенымі лексікаграфічных крыніц [6; 7], у межах даследавання былі вылучаны наступныя кадэфікаваныя альфакторныя дзеясловы англійскай мовы: *to smell* (нюхаць, пахнуць); *to aromatize* (араматызаваць); *to pong* (смярдзець); *to reek* (смярдзець); *to sniff* (нюхаць); *to stink* (смярдзець); *to whiff* (нюхаць); *to odorize* (араматызаваць); *to incense* (араматызаваць); *to scent* (нюхаць, пахнуць, ароматызаваць); *to snuffle* (нюхаць).

Разгледзім адабраныя адзінкі англійскай мовы і ўсе іх кадыфікаваныя ЛСВ:

To smell – 1) удыхаць пах; успрымаць з дапамогай паху. *Real wind whips around us – it even smells like the outdoors* [B.B. Alston] – (Вакол нас круціць сапраўдны вецер – нават пахне як на вуліцы.).

2) вылучаць пах. *Plus this bathroom smells as good as jasmine compared to the one in jail* [Padma Venkatraman] – (Да таго ж у гэтай ваннай пакоі пахне прыемна, быццам язмін у параўнанні з той, што ў турме).

3) дрэнна пахнуць. *Which smells like pine mixed with a little bit of truck exhaust* [Nic Stone] – (Які пахне хвойй, змешанай з невялікай колькасцю выхлапных газаў грузавікоў).

To aromatize – напоўніць пахам, араматызаваць. *Is it fraudulent to aromatize, alcoholize, and water wines?* [Pierre-Joseph Proudhon] – (Ці махлярства араматызаваць, алкагалізаваць і разбаўляць віно?).

To pong – вылучаць моцны непрыемны пах. *Oh dear, even before they open it, poor Twickenham's can of beans is beginning to pong something rotten* [Country Living. London: The National Magazine Company Ltd, 1991] – (Божа, яшчэ да таго, як яны яе адкрылі, бляшанка з фасоллю беднага Твікенхэма пачынае смярдзець нечым гнілым).

To reek – дрэнна і моцна пахнуць. *Her father's clothes smell of straw; his fingers reek of oil* [Doerr Anthony] – (Адзенне яе бацькі пахне саломай; яго пальцы пахнуць машынным маслам).

To sniff – успрымаць, удыхаючы праз нос. *When trying perfumes, people sometimes lose their sense of smell after sniffing too many* [Sarah J. Maas] – (Спрабуючы духі, людзі часам губляюць адчуванне паху пасля таго, як нюхаюць занадта шмат).

To stink – вылучаць моцны непрыемны пах. *“You stink like an old billy goat,” she said, and wrinkled her nose* [Jack Gantos] – («Ты смярдзіш, як стары казёл», – сказала яна і зморшчыла нос).

To whiff – успрымаць з дапамогай нюху. *Anyway, he hadn't sniffed it, he had only whiffed it* [Richard Preston] – (Ва ўсякім разе, ён не ўдыхнуў яго, а толькі панюхаў).

To odorize – напоўніць пахам, араматызаваць. *The stench of odorized gas fumes from the leak, first detected Oct. 23, forced thousands from their homes in the nearby Los Angeles community of Porter Ranch* [Alex Dobuzinskis] – (Смурод араматызаваных пароў газу ад уцечкі, упершыню выяўлены 23 кастрычніка, вымусіў тысячы людзей пакінуць свае дамы ў суседняй суполцы Лос-Анджэлеса на ранча Портэр).

To incense – напоўніць пахам, араматызаваць. *The roses incensed the fresh air* [L.L. Noble] – (Розы напоўнілі свежае паветра водарам).

To scent – 1) адчуваць водар. *Instead, she had held still, shivering, heady with the scent of the lilacs, which she'd brought in from the mailbox and arranged in a large vase* [Gish Jen] – (Замест гэтага яна нерухома стаяла, дрыжучы, п'янлівая ад паху бэзу, які яна прынесла з паштовай скрыні і паставіла ў вялікую вазу).

2) надаваць пах, араматызаваць. *I don't know what kind of bushes they were, but the leaves had a rich smell like sandalwood, and there's nothing I like better than scented sheets* [John Steinbeck] – (Не ведаю, што гэта былі за кусты, але лісце мела насычаны пах сандалавага дрэва, а мне нічога не падабаецца лепш, чым духмяныя прасціны).

3) нанесці духі. *In the bedroom cupboard, scented with lavender, a man's shirt and a woman's white skirt swung among the empty coat-hangers* [John Mortimer] – (У шафе спальні, насычанай пахам лаванды, сярод пустых вешалак віселі мужчынская кашуля і белая жаночая спадніца).

To snuffle – панюхаць з цікавасцю. *I even saw a pig, snuffling up what had fallen to the ground* [Edward Irving Wortis] – (Я нават бачыў свінню, якая нюхала нешта, што ўпала на зямлю).

Большасць прыведзеных адзінак у сваёй дзеяслоўнай форме мае толькі адзін кадыфікаваны альфакторны ЛСВ, і эфектыўна размяжоўваецца на актыўныя (*to stink, to reek, to pong*), пасіўныя (*to incense, to odorize, to aromatize*) і дзеясловы ўспрымання (*to snuffle, to whiff, to sniff*). Аднак лексемы *to scent* і *to smell* вылучаюцца з гэтага мноства і могуць набываць прыналежнасць да некалькіх з адзначаных катэгорый у залежнасці ад кантэксту выкарыстання. Адзінкі кожнай групы характарызуюцца высокай ступенню сінанімічнасці. Так, усе тры дзеясловы актыўнага тыпу маюць выразна пярэратыўны характар, апісваюць вылучэнне моцных, непрыемных пахаў, у той час як ЛСВ пасіўнай групы схіляюцца да нейтральнага сітуацыйна-залежнага або меліяратыўнага кантэксту. Дзеясловы ўспрымання, а таксама адзінкі *to scent* і *to smell* з'яўляюцца нейтральнымі і могуць набываць станоўчае ці адмоўнае значэнне ў залежнасці ад абставін выкарыстання.

Звернемся да беларускіх эквівалентаў:

Нюхаць – удыхаць праз нос які-небудзь пах. *Буланы напрабаваў жаваць аер – нясмачны, так што не варта было яго і нюхаць* [Кузьма Чорны].

Пахнуць – вылучаць, распаўсюджваць які-небудзь пах. *А ліпы так пахнуць, гэтак урачыста свецяць зоры і так смачна ўсе спяць!* [Цішка Гартны].

Смярдзец – 1) вылучаць смурод, дрэнна пахнуць. *Праз дзень рыба была ўжо не такая смачная, праз другі – пачала смярдзец, на трэці трэба было ўцякаць ад яе* [Янка Маўр].

2) быць насычаным чым-небудзь, прапахнуць чым-небудзь. *Пасля і палын пачаў смярдзец, бензінам, гнілой ворванню і ёдам...* [Іван Пташнікаў].

Араматызаваць – надаваць штучны, нехарактэрны пах. *Вырабы, якія прымяняюцца для араматызацыі скуры, валасоў, адзення, а таксама як гігіенічныя сродкі.*

Адразу адзначым, што выкарыстаная ў якасці аднаго з эквівалентаў адзінка *араматызаваць* не з'яўляецца кадыфікаванай. Для беларускай мовы не характэрна выкарыстанне асобнай лексемы для апісання працэсу надання або змянення альфакторнай характарыстыкі, замест гэтага выкарыстоўваюцца вытворныя формы іншых дзеясловаў (прапахнуць, прасмярдзец) і моўныя канструкцыі (паілі паветра араматам, трава даець арапат [Максім Гарэцкі], атуляў мяккім араматам [Рыгор Мурашка] і г.д.). Як і ў англійскай мове, выразна прасочваецца размежаванне моўных адзінак на актыўныя (*пахнуць*), пасіўныя (*араматызаваць*) і дзеясловы ўспрымання (*нюхаць*), а тасам прысутнічае лексема якая можа набываць кантэкстную прыналежнасць да некалькіх катэгорый (*смярдзец*). У адрозненні ад англійскіх дзеясловаў, беларускія эквіваленты, за выключэннем слова *смярдзец*, з'яўляюцца стылістычна-нейтральнымі і не нясуць выразнай пярэратыўнай або меліяратыўнай канатацыі.

Такім чынам, можна зрабіць вынік, што як англійскія, так і беларускія дзеясловы ў большасці катэгарызуюцца на актыўныя, пасіўныя і дзеясловы ўспрымання, аднак існуе некаторая колькасць выключэнняў якія могуць набываць ЛСВ больш чым адной катэгорыі ў залежнасці ад сітуацыі выкарыстання. Па колькасці кадыфікаваных моўных адзінак англійская мова квантытатыўна пераважае за кошт наяўнасці шырокага спектру сінонімаў, аднак квалітатыўнай нераўназначнасці ў выкарыстанні прыведзеных дзеясловаў не назіраецца. Большасць адзінак з'яўляецца стылістычна нейтральнай, набываючы станоўчую або адмоўную канатацыю ў залежнасці ад сітуацыі выкарыстання, пры гэтым тыя дзеясловы, што маюць зыходную эмацыйную афарбоўку, схіляюцца да пярэратыўнай канатацыі.

Спис крyніц:

1. Вайнштейн, О. Грамматика ароматов / О. Вайнштейн // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 // Сост. О. Б.Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 5–13.
2. Павлова, Н. С. Лексика с семой ‘запах’ в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 28 с.
3. Моисеева, С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / С. А. Моисеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.
4. Мансурова, А. Х. Репрезентация ольфакторного пространства в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.Х. Мансурова. – Казань, 2016. – 139 с.
5. Халльштайн, А. В. Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Халльштайн. – Санкт-Петербург, 2015. – 179 с.
6. Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Дата доступа : 04.03.2022.
7. Dictionary [Режим доступа]. – <https://www.vocabulary.com/dictionary/>. – Дата доступа : 04.03.2022.

References:

1. Vajnshtejn, O. (2003). Grammatika aromatov [Grammar of aromas]. In Aromaty i zapahi v kul’ture. Kniga 1 [Aromas and smells in culture. Book 1] (pp. 5–13). – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.).
2. Pavlova, N. S. (2006). Leksika s semoj ‘zapah’ v jazyke, rechi i tekste : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Vocabulary with the semme of ‘smell’ in language, speech and text: extended abstract of PhD (Philology) dissertation]. – Ekaterinburg. (In Russ.).
3. Moiseeva, S. A. (2005). Semanticheskoe pole glagolov vosprijatija v zapadno-romanskih jazykah [Semantic field of perception verbs in Western Romanic languages].– Belgorod: Belgorod State Univ. Publ. (In Russ.).
4. Mansurova, A. H. (2016). Rezentacija ol’faktornogo prostranstva v anglijskom i tatarskom jazykah: dis. ... kand. filol. Nauk [Representation of olfactory space in English and Tatar languages: PhD (Philology) dissertation]. – Kazan’. (In Russ.).
5. Hall’shtajn, A.V. (2015). Predstavlenie ol’faktornogo prostranstva v jazykovej kartine mira novoanglijskogo perioda: dis. ... kand. filol. nauk [Representation of olfactory space in the linguistic picture of the world of the New English period: PhD (Philology) dissertation]. – Sankt-Peterburg. (In Russ.).
6. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (In Eng.).
7. Dictionary. Retrieved from <https://www.vocabulary.com/dictionary/>. (In Eng.).

Научное издание

**ЛИНГВИСТИКА В ДИАЛОГЕ С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ ЗНАНИЙ:
ЮРИСЛИНГВИСТИКА И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 12.04.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 37 экз. Заказ 56.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.